

18+

Тору Бернер



Господа Угры

том 2

Тори Бергер

Господа Игры, том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69551041

ISBN 9785006042483

Аннотация

От магического мира некромантессу больше не скрыть. Напряжение нарастает, так же как интерес. Монсальват связан словом, но ждет момента, чтобы нанести удар. Невидимый Дрезден копит силы и восстает из небытия. Лучший лигийский охотник берет Тайрин след. А в Ишанкаре пробуждается от забвения безумная Зулейха.... Тайре восемнадцать и очень хочется жить... Только Господа Игры смогут обмануть судьбу. Партия продолжается. И может, все обойдется. Но это не точно.

Содержание

Шахматы	5
Магдалена	119
Конец ознакомительного фрагмента.	219

Господа Игры, том 2

Тори Бергер

Корректор Оли Чен

Иллюстратор Надежда Михайловна Кудряшова

Дизайнер обложки Виктория Владимировна Бугрова

© Тори Бергер, 2024

© Надежда Михайловна Кудряшова, иллюстрации, 2024

© Виктория Владимировна Бугрова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0060-4248-3 (т. 2)

ISBN 978-5-0060-3859-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шахматы

*Год 3-й ректорства сэра Бергера,
зима-весна*

Тайра никак не могла выудить из сумки мобильник, но он продолжал звонить с маниакальной настойчивостью. Пришлось присесть на корточки и вытряхнуть на пол все содержимое. Мобильник лежал в самом низу, придавленный книжками, чертежами и недоеденным яблоком, теперь же он красовался сверху тетрадки по криптографии.

– Ну как там дела? – спросил 'т Хоофт, и его тон показался Тайре слишком радостным.

– Нормально, – сдержанно ответила она, заталкивая предметы обратно в сумку.

– Ну вот видишь, а ты не хотела идти на пары. Тебе нравится твой новый статус? Чувствуешь себя Моисеем?

– Сэр 'т Хоофт, у меня нет мании величия. Вчера я была святым Петром, сегодня я уже Моисей...

– Это у тебя нет мании величия пока, – пообещал Йен. – Ну так как, нравится?

Тайра не знала, что ответить. Сказать «нет» – означало соврать, а, что ни говори, Тайре было приятно наблюдать за реакцией торфиордцев. Сказать «да» – означало признаться, что гордыня, недуг всех некромантов, завладела и ее душой.

– Я просто это вижу, – мечтательно продолжил маг, – ты открываешь двери учебного корпуса, идешь по коридору, а толпа расступается пред тобой, освобождая тебе дорогу. Все смотрят тебе вслед и перешептываются. Запомни этот день: теперь и твое имя будут произносить с оглядкой.

– Это должно меня радовать, сэр? – осторожно спросила Тайра.

– Лично меня это радовало. Очень. Тогда радовало и радуется сейчас, – искренне сказал 'т Хоофт. – Да ладно тебе, признавайся!

– Ну хорошо, признаюсь, – сдалась Тайра. – Мне чертовски радостно оттого, что все прилипают к стенкам, как только видят меня в коридоре. Чувствуют опасность.

– Я бы сказал, наконец-то чувствуют опасность. Ты настоящий некрот, Кхасси. Гордыня свойственна нам всем. Только не переусердствуй.

– Я помню, сэр. Контроль – это фундамент.

– И все-таки это приятно, – не унимался Йен. – Еле дождался, пока у тебя кончится пара: хотел услышать твое мнение.

– Но вы ведь не только поэтому звоните, – предположила Тайра.

– Это точно, – от веселости Наставника не осталось и следа. – Можешь говорить?

Тайра отошла к окну и повернулась спиной к коридору. На улице крупными хлопьями медленно падал снег.

– Могу, сэр. Сейчас большой перерыв.

– Дело вот в чем. То, что все подпирают стенки при твоём приближении, само по себе неплохо. Это стандартная реакция, со мной было так же. Теперь даже те, кто не знает, что ты некромантесса, будут остерегаться вступать с тобой в прямой конфликт.

– Про меня знает только руководство Торфиорда и их трейсеры с некромантами. Из студентов, кроме Ави, никто не знает, что я некромантесса, даже того, что я из Ишанкара, не знают. Могут предположить, что я что-то не поделила с ван Хинкесом лично или как-то напакостила Лиге в целом. Второе более вероятно, учитывая, какие слухи тут ходят обо мне и моем отце.

– Тем не менее жить тебе станет спокойней. От Шейлы с ее ревностью ты не избавишься, конечно, но теперь все будут знать, что при необходимости ты достанешь оружие и порубишь всех в капусту. Теперь только абсолютный дурак будет думать, что ты простой лингвист.

– Если это все так хорошо и избавляет меня от лишней траты нервов, что вас так настораживает?

– А тебя ничего не настораживает? – 'т Хоофт предложил подумать ей самой.

– Э-э... Я еще не успела это обдумать, – призналась Тайра. – Но если честно, сэр, то некоторая странность просто бросается в глаза.

– Слушаю тебя.

– Ван Хинкес, – сказала Тайра. – Гу, то есть госпожа куратор, – Йен на том конце усмехнулся, – сказала, что ему нечего делать в Торфиорде. Он вообще редко сюда заглядывал после окончания института. Приходил, только когда она его вызывала. Что он тут делал? Ясно, что меня он не ждал. Мы встретились случайно.

– Я не верю в случайности, ты знаешь, – еще раз напомнил хет Хоофт. – Ты верно подметила, что без ван Хинкеса тут не обошлось, но мне кажется странным другое. Ван Хинкес появился на пике кризиса. Позволь, я буду называть вещи как они есть. Ты устала разрываться между тремя вузами и музеем, тебя бросил Гюнтер, ты узнала про то, что у Ректора все эти годы была любимая женщина, Шейла достала тебя своими придирками из-за парня, а Гудрун – подзатыльниками и вечным контролем. С Мэл надо держать ухо востро, Тан замучил дополнительными индивидуальными занятиями, и еще я наседаю со своей практикой даже в выходные. Тебе все осточертело до такой степени, что еще чуть-чуть – и ты, вопреки приказу Ректора, оставила бы Торфиорд. А вчера выбор у тебя был, скажем прямо, небольшой: либо раскрыть всем, что ты Ишанкарская Ведьма, либо бросить институт. Так?

– Так.

– Айгер тебя, конечно, засветил. Но как вовремя он это сделал! И я никогда не поверю, что это случайность, – многозначительно закончил 'т Хоофт.

– Вы думаете, Айгер решил мне таким образом помочь? – не поверила Тайра. – Да бросьте! Я его сколько до вчерашнего дня не видела? Да и не в курсе он всего, что у меня происходит. А если бы не Гу, то есть госпожа куратор, он бы мне голову снес. До этого недолго было. Госпожа Гу меня спасла. Опять.

– Думай как некромант, Тайра, – почти приказал Йен. – Айгер тебе помогать не собирался, но оказался он там несчастливо. Не по твою душу, это уж точно, но несчастливо.

– Его использовали? – предположила Тайра.

– Именно так, – подтвердил 'т Хоофт. – Айгер пешка. Его подвинули на определенное поле, подсунули тебе под нос, столкнули вас лбами, чтобы ты сделала свой ход, проявила себя. Кому-то очень надо, чтобы все узнали, что ты из Ишанкара, а ведь ван Хинкес нас особенно не любит.

– Ну тогда я должна признать, что подстроено все было просто идеально. Расчет блестящий.

– А теперь скажи мне, что тебе это все напоминает, – предложил Йен.

Тайра пару секунд подумала, а потом, не веря собственным словам, произнесла:

– Дар Элайя.

– Вот именно. Дар Элайя. Тебя засветил кто-то из наших, потому что только наши так шикарно играют в Дар Элайя.

– Меня сдали Лиге изнутри? – Тайре все еще было трудно в это поверить, хотя логические размышления указывали

именно на это.

– Что именно тебя удивляет? Что тебя могли раскрыть свои же? Удивляться такой возможности, вообще-то, странно. Кое у кого в Ишанкаре на тебя зуб, а кое у кого и клык, так что удивляться нечему, – ’т Хоофт хмыкнул. – Но это не самое худшее. Неясно, что является побочным продуктом вчерашней драки: то, что теперь все в Торфиорде знают, что ты из Ишанкара, или то, что у тебя теперь открытое противостояние с ван Хинкесом, который просто так от своего не отступает.

– И в чем здесь выгода для Ишанкара, – добавила Тайра.

– Молодец, понимаешь, – одобрительно сказал Йен. – Так что будь аккуратна, особенно дома, и не забудь, что в шесть у тебя мои пары.

– Помню, сэр, – ответила Тайра, но мысли ее теперь были совсем не о занятиях.

Она затолкнула мобильник в сумку, теперь уже на его законное место, и уставилась на снег. В голове было так же бело и чисто, хотя сэр хет Хоофт и подкинул пищу для размышлений.

Тайра закинула сумку на плечо и направилась в институтское кафе пить чай с чабрецом и греть пальцы о стенки идеально белых фарфоровых чашек. На лестнице ее догнал Карлос. Они молча кивнули друг другу и неторопливо двинулись вниз.

– Слушай, это все правда? – спросил Карлос, наклонив-

шись к Тайриному уху.

– Что именно «правда»?

– Что ты ученица хет Хоофта?

– Правда, – не стала отрицать Тайра.

– Значит, ты и есть будущий ишанкарский Некромант?

– Если доживу, то да.

– Почему ты молчала? – поразился Карлос. – Я тебя два года знаю – и ни одного намека, что ты Ишанкарская Ведьма, что ты вообще из Ишанкара!

– Потому что меня и так все боятся. Ты посмотри на народ, – она указала рукой на шепчущихся по углам лестничных площадок студентов. – Они и раньше настороженно ко мне относились, а теперь боятся. Узнают, что я некромантесса, – вообще будет паника.

– Но я-то не паникую.

– Ты делаешь вид, что не боишься, потому что тебе по статусу первого парня бояться не положено, но я чувствую страх лучше, чем вампиры кровь. Ты боишься.

– Ладно, я боюсь. А вчера вообще... Но я держу себя в руках.

– А остальные этого делать не будут. Стереотип работает безотказно. Некромантесса – это безумный монстр, и ее надо побыстрее убить.

– А что, разве это не так? – поинтересовался Карлос, и Тайра подумала, что он и правда страх потерял. – В вашей истории нормальных не было.

– Много ты знаешь о нашей истории.

– У тебя ведь тоже есть постэффект? Как у Зулейхи?

– Нет, другой. Постэффекты у нас не повторяются.

– А в Торфиорде ты что делаешь? Тут на некромантов уже сколько лет не учат... Зачем тебя сюда прислали?

– Понятия не имею, – Тайре показалось, что она ответила слишком эмоционально, – но хочу это знать куда больше тебя.

Карлос сбежал на пять ступенек вниз, остановился и развернулся.

– Нет, ну это же невероятно! – он окинул Тайру восхищенным взглядом. – Живая некромантесса! За тобой охотится лучший лигийский наемник! С ума сойти... Кто про тебя знает?

– Ави. Мэл с Хельги. Тан. Ректор... И Гудрун со своим визави, само собой. Высшее лигийское командование, трейсеры и некроманты из Бергена. Может, еще кто-то, – Тайра умолчала о так и не найденном лигийском союзнике сэра Бергера. – Я не прячусь, но и на рожон не лезу. А ты как узнал-то?

– Прочитал по губам, когда Гу с полковником говорили. У меня младший брат глухонемой, умею немного, – он что-то беззвучно произнес, помогая себе пальцами. – Картер назвал тебя зверушкой.

– Это хорошо, – сделала вывод Тайра.

– Что назвал зверушкой?

– Что по губам читаешь только ты.

– Хочешь, чтобы я молчал?

– Карлос, все не так радушно, как ты это воспринимаешь.

Ты видишь приключение, но это жизнь. Тебя прибудут, как и меня, когда узнают, что ты со мной в хороших отношениях. За себя я как-нибудь постою, а тебя жалко будет.

– Почему тебя должны обязательно прибить? – шепотом спросил Карлос. – Я не видел, чтобы ты чудила так же, как ваша Зулейха.

– Еще не чудила, но от этого не застрахована, и все, кому надо, об этом знают, и ван Хинкес первый.

– Ты нормальная, Кхасса. Я уверен, что ты не монстр. У тебя такой самоконтроль, что на нас всех хватит. Ты не монстр.

– Ага, – Тайра криво усмехнулась. – Докажи это ван Хинкесу, когда он за мной еще раз придет.

– И докажу, – с вызовом сказал Карлос. – Я уж получше тебя на мечях дерусь.

– Тут все получше меня на мечях дерутся, – вздохнула Тайра, – но от ван Хинкеса это никого не спасет. Вот кто настоящий монстр.

Карлос толкнул легкие двери, пропуская ее вперед, и они вошли в длинный, соединяющий учебный корпус и институтское кафе, переход со стеклянной крышей и большими, во всю высоту стен, окнами. Из-за этого казалось, что снег падает прямо внутри, но не долетает до пола, растворяясь

в свете длинных белых ламп.

Тайра отвернулась от окон и застыла на месте.

– Не буди лиха, пока оно тихо, – мрачно сообщила она Карлосу.

Навстречу скользящей походкой хищника к ним шел Айгер ван Хинкес. Тайра оценила диспозицию и сделала вывод, что драться прямо в коридоре ван Хинкес не станет. Он просто не сможет нормально орудовать своим двухметровым тесаком в таком узком пространстве. Хотя, у него в Арсенале наверняка было много всякого другого оружия... На крайний случай он вполне мог задушить ее голыми руками. Даже одной рукой...

Карлос отодвинул ее себе за спину, выхватил из Арсенала меч и принял боевую стойку. Айгер хищно ухмыльнулся и остановился в паре шагов от него. Острие меча уперлось в обтянутое водолазкой переплетение тугих мышц на его груди.

– А ему можно такие штуки при себе иметь? – с усмешкой спросил ван Хинкес у Тайры, будто Карлоса между ними не было.

– Если тебе можно, почему ему нельзя? – парировала Тайра.

– А ты типа тут самый умный или самый смелый? – обратился ван Хинкес теперь уже к Карлосу.

– Я удачно сочетаю оба этих качества, – ответил Мендоза. – Чего тебе надо?

– Дрын спрячь, – настоятельно посоветовал Айгер, – а то народ пугается. Я сегодня драться не буду, обещаю, – и он выразительно посмотрел на Тайру.

– Спрячь, Карлос, – попросила она, не отводя взгляда от Айгера. – Лигийцы слово держат.

– Уверена? – на всякий случай уточнил Карлос, но меч все-таки убрал. – Так чего пришел?

– А тебе какое дело? Я не к тебе пришел, так что проваливай, дай поговорить.

– Видал я вчера, как вы разговариваете, – Карлос усмехнулся.

– Милые бранятся – только тешатся, – рыкнул Айгер. – Проваливай, дай с девушкой пообщаться.

– С каких пор она твоя девушка?

– Ты не много ли вопросов задаешь? Проваливай, сказал! – начал злиться ван Хинкес. – Третий лишний, слышал такое?

Тайра прикинула варианты. Остаться с Айгером наедине было страшновато, но у нее не было причин, чтобы не доверять его слову. К тому же ей обязательно надо было выяснить, какая нелегкая принесла его вчера в Торхильдфиорд.

– Спасибо, Карлос, – она взглянула на него с благодарностью. – Дальше мы сами.

Мендоза чуть помедлил и, окинув ван Хинкеса презрительным взглядом, удалился обратно в учебный корпус. Лигиец проводил его с той же усмешкой.

– Ухажер, что ли, твой? – спросил он.

– Сокурсник, – буркнула Тайра. – Точно мечом махать не станешь?

– Обижаешь, – обиделся Айгер.

– Тогда пойдем чаю выпьем, а то у меня от этого холода мозги замерзли.

– А вчера по снегу в юбке бегала, и ничего, – ван Хинкес снова ухмыльнулся.

– Это вчера было. Пойдем.

– Подожди ты.

Айгер выверенным движением завел руку за спину, и Тайра подумала, что сейчас он вынет какой-нибудь остро наточенный предмет, и тогда...

Он протянул ей белую, с темно-зелеными листьями, розу без шипов. Тайра замерла, не понимая, что происходит.

– Я извиниться пришел, – сообщил Айгер. – Не особо часто приходилось это делать, так что уж как умею.

Тайра, все еще не веря в происходящее, протянула руку за цветком.

– Извинения приняты? – уточнил Айгер.

– Ты каждый раз так извиняться будешь?

– Может, другого раза, нечисть, и не представится, – заметил ван Хинкес. – А вчера, я так понял, и без меня день у тебя был не самый лучший.

– С ума сойти, – покачала головой Тайра. – Роза-то белая.

– И что? Я под снег подбирал.

Тайра улыбнулась. Розу он под снег подбирал... Не первую попавшуюся купил... А вчера гонял тесаком по институтскому парку...

– У нас белый – цвет траура, – улыбаясь, сообщила Тайра.

– Тебе как раз, – рыкнул ван Хинкес.

Тайра понюхала цветок.

– Роза очень красивая. Спасибо.

Она принесла чай и пирожные. Айгер втиснулся за столик и положил локти на столешницу. Роза лежала посередине, словно меч на покрывале между ночующими под небом рыцарем и дамой. Студенты удивленно смотрели в их сторону, одновременно боясь и ожидая продолжения вчерашней незавершенной драки.

– Так с чего ты решил извиниться? – Тайра обхватила кружку руками. Чай остывал слишком быстро.

– Был неправ, – признался Айгер. – Я без повода на тебя нападать не должен. Не по правилам это.

– А чего ж напал?

– Злой был, а тут ты под руку подвернулась.

– А на кого злился?

– Да так, – попробовал уклониться ван Хинкес. – Встретиться должен был с одним товарищем, а он не пришел.

– Значит, тебе заказчик встречу в Торфиорде назначил и кинул?

– Не кинул. Просто не смог прийти. Но я думал, что кинул, потому и разозлился.

– И часто тебе встречи на территории института назначают?

– Мне без разницы, где мне встречи назначают, – ответил Айгер. – Главное – какую работу предлагают.

– И что тебе предложили на этот раз?

– Может, тебе еще и кто предложил сказать?

– Было бы неплохо, – кивнула Тайра.

– Странная ты, нечисть, – после недолгого молчания сказал ван Хинкес. – Не понимаю я тебя. Ведешь ты себя нетипично для нечисти. В книгах про таких, как ты, не так написано. Я одного ожидаю, а получаю совсем другое. Не порядок.

– Короче, у тебя когнитивный диссонанс, – резюмировала Тайра.

– Этим не болел, бог миловал, – серьезно сказал Айгер.

Тайра покатила со смеху.

– Что ржешь, ведьма?

– Это не венерическое.

– Язык бы тебе подрезать, Хат-Хас, – предложил ван Хинкес и доел пирожное.

– Ты хороший, Айгер, – отсмеявшись, сказала Тайра. – Я тебя тоже не понимаю, так что мы в равном положении.

Ван Хинкес внимательно смотрел на нее секунд пять, а потом спросил:

– Я твое пирожное съем?

Тайра пододвинула к нему блюдечко и снова засмеялась.

Гудрун предвидела сложности. Предвидела так, что сигареты кончились еще до полуночи вчерашнего дня. Она не испытывала никакой вины за то, что вчера наорала на аль'Кхассу, которая если и была в чем-то виновата, так только в том, что ей не повезло родиться некромантессой и попасть в Ишанкар, но и этого с точки зрения Гудрун было вполне достаточно. Она не привыкла церемониться с Ишанкаром еще с юности, поэтому не сильно выбирала выражения, когда описывала Айзекс все произошедшее. Пусть скажет спасибо за то, что подняла трубку и позвонила. Гу не могла представить, ради кого еще, кроме аль'Кхассы, она уговорила бы себя позвонить заклойтой подруге.

Всю ночь Гудрун не могла уснуть: предчувствия ее никогда не обманывали. Она готова была дать руку на отсечение, что история не закончилась, а, наоборот, набирает обороты на новом витке, и виток этот ничего хорошего лично ей не сулит, а для аль'Кхассы вообще может оказаться смертельной петлей.

Гудрун не встречала ван Хинкеса уже почти полгода и, хотя испытывала к нему большую симпатию, после вчерашней истории не встречала бы еще столько же. Она удивилась, увидев его в парке вчера, и чуть не взорвалась от ярости, встретив его в холле своего учебного корпуса сегодня. Он мирно беседовал с аль'Кхассой, и, кажется, они даже смеялись, словно были добрыми друзьями. Не хватало толь-

ко, чтобы неприятности начались еще и у ван Хинкеса. Лига не станет разбираться в хитросплетениях его отношений с Ишанкарской Ведьмой, а последствия разборок между лигийцами были вполне предсказуемы: обычно после такого оставалось много убитых. Айгер, конечно, без боя не сдастся, вынесет половину Лиги, причем лучшую ее половину, но и сам ляжет там же. При размышлении об этом у Гу складывалось впечатление, что все это подстроено. Неслучайно ван Хинкес оказался в парке именно в то время, неслучайно в то же время там оказалась аль'Кхасса. Гу могла сказать много нехороших слов по поводу этой ситуации, но на ум настойчивее других приходили только два: Дар Элайя.

Непонятна была цель этой безумной ишанкарской игры. Ишанкар никогда не стремился уничтожить Лигу, они достаточно мирно сосуществовали в течение многих столетий. Подставив аль'Кхассу под меч ван Хинкеса, они очень сильно рисковали: девчонка никогда не смогла бы победить лучшего лигийского наемника. Скорее всего, он снес бы ей голову, лишив Ишанкар их будущего некроманта, и тогда хет Хоофт вынес бы всю Лигу целиком без единого движения, одной только мыслью. Кто-то в Ишанкаре должен очень хорошо знать ван Хинкеса и его приверженность лигийским принципам, чтобы быть настолько уверенным в том, что в последний момент он остановится и не прибьет аль'Кхассу, если она, конечно, не даст ему весомого повода, а аль'Кхасса со своей многолетней дрессировкой повода не даст:

вчерашний день это очень хорошо показал. М-да. Чем дальше, тем ситуация представлялась Гу запутанней. Разобраться в ишанкарских шахматах было под силу только самим ишанкарцам, да и то таким, как хет Хоофт, Горан и Гиварш. Говорят, достойным игроком считался еще и их нынешний Ректор... И именно это вселяло в Гу надежду, что аль'Кхасса тоже сумеет вовремя разобраться и выпутаться из расставленных на нее сетей: она была не глупее своего ближайшего ишанкарского окружения. Гудрун не хотела бы ее потерять. Ей она симпатизировала не меньше, чем ван Хинкесу.

Лига, конечно, давно знала, кто такая на самом деле Тайра аль'Кхасса. Тут можно было особо не переживать: отношения Лиги с некромантами были регламентированы и до сих пор устраивали обе стороны. Однако существовала и Третья Сторона, и Гу не могла утверждать, что аль'Кхасса когда-либо с ней сталкивалась. После вчерашнего и там, если до сих пор сомневались, должны были сделать о Тайре вполне определенные выводы.

Гудрун запретила себе думать на эту тему дальше, – в конце концов, впереди ждала куча обычных дел. Просвещением аль'Кхассы насчет Третьей Стороны должен был заниматься 'т Хоофт. Он, помнится, тоже имел с ними тесные отношения. Гу недобро усмехнулась – Третья Сторона была отвратительна и ей – и нажала кнопку коммуникатора, чтобы вызвать секретаршу, но Эрна постучала сама.

– Входи, – пригласила Гу.

Эрна вошла слишком тихо, плотно прикрыла дверь, неслышно ступая, подошла к ее столу, наклонилась и, глядя на Гудрун большими темными глазами лани, почти шепотом произнесла:

– К вам господин Кайо Ноэль, мэм. Ждет в приемной.

– Помяни лихо, – с недовольством констатировала Гу.

– Какие будут указания?

– Сигарет. Две пачки, – Гу заглянула в стол, где не оказалось ни одной. – И кофе свежий сварил.

Гудрун подошла к окну и выглянула на улицу через приоткрытое окно. Эрна помедлила, а потом спросила:

– Это все, мэм? Он ждет в приемной.

– Пусть ждет, – грубо ответила Гу. – Я еще занята.

Эрна молча кивнула и вышла.

Гудрун достала мобильник и набрала аль'Кхассу.

– Мне нужен номер хет Хоофта, срочно, – жестко и без предисловий потребовала она.

– Это невозможно, мэм.

– Кхасса, мне нужен 'т Хоофт. Немедленно! Телепатически сейчас я с ним связаться не могу. У тебя полминуты. Пусть перезвонит мне на сотовый!

Гу бросила телефон на стол. Счет шел на секунды, и секунды эти тянулись ужасно долго. Когда наконец раздался звонок, он показался ей таким же отвратительно невозмутимым, как хет Хоофт.

– У вас проблема, сэр 'т Хоофт, – бросила в телефон Гу.

– Добрый день, госпожа Свенсон, – спокойно ответил Йен. – И какая же у меня проблема?

– У вас обоих, Йен, у тебя и у твоей младшей! – Гудрун раздражало его вечное спокойствие.

– Ты не ответила.

– Я тебе не аль'Кхасса, отвечать на твои вопросы, – огрызнулась Гудрун.

– Я сейчас занят, Гу. Я могу перезвонить позже?

– Кайо Ноэль, – отрывисто сказала Гу. – Пришел ко мне. Явно за твоей девчонкой. Что прикажешь мне делать?

– Женщины все же не слишком логичны, – задумчиво произнес 'т Хоофт. – Я не могу попросить ответа, но могу приказать, что делать.

– Йен, чтоб ты сдох! – прошипела в трубку Гудрун. – Он у меня в приемной!

– Он уже предъявил претензию?

– Я с ним еще не разговаривала.

– Ну тогда сначала выясни, что ему надо.

– И?

– И делай так, как он скажет.

Гу от неожиданности замолчала.

– Ты в своем уме, Йен? Мало ли чего он потребует?

– Тебе должно быть все равно. По крайней мере, формально. Ты ведь не наша. Тоже, правда, формально.

– Не смей меня оскорблять, чертова нечисть!

– Поэтому успокойся и делай, как он скажет, – абсолютно

спокойно закончил маг.

– А аль'Кхасса?

– Она сориентируется, – уверенно заявил 'т Хоофт.

– Пропадите вы оба пропадом!

Гудрун сбросила звонок – номер не определился – и нажала на коммуникатор.

– Эрна! Сигареты, кофе – только для меня! – и пригласил герра Ноэля.

Ноэль вошел, как всегда, стройный, подтянутый и молодой, сверкнул ледяными серо-голубыми глазами, бегло осмотрев ее кабинет, и без приглашения опустился в большое, любимое Гудрун кресло. Эрна проскользнула следом, положив на стол перед Гу две пачки сигарет, зажигалку и одну чашку крепко сваренного ароматного кофе.

– Как ты был хамом, так и остался, Кайо, – с презрением, которому позавидовал бы сам Фэйт, сказала Гу, когда секретарша удалилась.

– Ты тоже не меняешься, Гудрун, – ледяным голосом отозвался Кайо. – Никак не можешь запомнить, с кем в этом мире надо считаться. Хотя, может, уже не можешь вспомнить. Стареешь... Сколько тебе сейчас? Пятьдесят два или пятьдесят пять?

– Это ты стареешь, Кайо, – Гу презрительно усмехнулась. – Это ведь ты не можешь вспомнить, сколько мне лет.

Ноэль поставил руку на подлокотник и печально подпер щеку.

– Что забыл на моей территории? – грубо спросила Гу.

– Информация, Гудрун, это самое ценное, что есть в мире, – сообщил Ноэль. – А у меня есть информация, что на твоей территории находятся те, кому здесь быть не положено.

– Не ты определяешь, что кому положено!

– Я хочу посмотреть на Ишанкарскую Ведьму.

– Я выпишу тебе пропуск в библиотеку. Книги про Зулейху в разделе истории.

Ноэль прищурился, опустил руку на подлокотник и чуть склонил голову.

– Давай не будем упражняться в ненависти друг к другу, в этом мы оба совершенны. Я хочу всего лишь посмотреть на Ишанкарскую Ведьму. Разве я требую невозможного?

– Хочешь ее завербовать? – Гу присела на ручку своего рабочего кресла.

– Почему бы и нет, – Ноэль пожал плечами. – Не вижу смысла скрывать свои намерения.

– Ну-ну, – недобро усмехнулась Гудрун. – Это будет забавно. Давно не видела, как тебя опускали с небес на землю! С удовольствием посмотрю.

– Я не припомню, чтобы в этом были замешаны твои студенты, – сообщил Ноэль. – И, как показывает история, большинство некромантов Торхильдфиорда оказывалось у меня.

– Именно поэтому набора на некромантию мы больше не ведем. Воспитывай себе кадры сам!

– Зачем же, если для меня постарался сам Йен хет Хоофт?
Гудрун зло засмеялась.

– Твоя самонадеянность больше, чем твоя наглость,
Кайо, – она достала сигарету и прикурила, выпустив дым
в потолок. – Ишанкар тебе не по зубам.

– Посмотрим, – Кайо щелкнул костяшками на левой руке.
– А пока посмотрим на Ишанкарскую Ведьму.

Гудрун медленно докурила, не отводя взгляда от своего
гостя, затушила бычок и нажала на коммуникатор.

– Эрна, найди мне аль'Кхассу. Срочно. Жду.

Ноэль кивнул в знак благодарности, Гудрун достала вто-
рую сигарету и отпила кофе. За пять минут ожидания они
не обменялись больше ни словом.

Аль'Кхасса постучала и приоткрыла дверь.

– Вызывали, мэм?

– Входи, – Гудрун переместилась с ручки в кресло
и небрежно указала в сторону своего посетителя. – К тебе
герр Кайо Ноэль с абсолютно бессмысленным визитом.

Ноэль развернулся к ней и с интересом принялся ее раз-
глядывать, затем встал и обошел ее вокруг. Гудрун внезап-
но посетило воспоминание о том, как когда-то давно она бы-
ла на сельской ярмарке в одной альпийской деревушке. Точ-
но так же зажиточные фермеры осматривали выставленных
на продажу лошадей. Такое ощущение, судя по всему, созда-
валось и у аль'Кхассы, только ее, в отличие от Гудрун, это
не злило, а забавляло. Видимо, сочетание «Кайо Ноэль» бы-

ло ей знакомо.

– Зубы показать, герр Ноэль? – спросила Тайра.

– Не стоит, фройляйн, – спокойно ответил Кайо.

– Жаль. Я была у дантиста четыре раза за всю жизнь, и то на профосмотрах. Ни одной пломбы, герр Ноэль. Думала, вы сможете оценить.

– Сарказму вас учил тоже 'т Хоофт? – поинтересовался Ноэль.

– Нет, это мне досталось от Сэла.

Гу с удовольствием заметила удивление на лице Ноэля, но тот быстро взял себя в руки.

– Вам удалось пережить двадцать лет. Для некромантессы это уже третий рубеж, – сообщил Ноэль.

– У нас нет никаких рубежей.

Ноэль холодно улыбнулся, но продолжать не стал.

– Я ожидал большего, – разочарованно сказал он. – Хотя, возможно, внутреннее превосходит внешнее. Предыдущая ведьма была гораздо эффективней.

– Мне с вами детей не крестить, – криво усмехнулась Тайра.

– И как это у Горана получилась дочь некромантесса? – Ноэль прищурился.

– Плохая экология, пьянство. В семье не без урода.

Гу еле сдержалась, чтобы не засмеяться.

Ноэль улыбнулся, заложил руки за спину и принялся ходить взад-вперед, как маятник на часах в холле.

– Я слышал, – начал он, – 'т Хоофт держит вас в ежовых рукавицах, вплоть до того, что не позволяет использовать магию. Это так?

И он испытующе посмотрел на Тайру.

– Именно так, – ответила она фразой Наставника.

– Он в двадцать лет был уже хорошо известен. Серьезными делами. Вы ведь слышали про Венецианскую Резню? А вы рискуете обрести известность благодаря драке с ван Хинксом. Тоже мне, признание. Никогда не задумывались, почему так получается?

Тайра не ответила, но по ее лицу начала медленно расплываться фирменная хищная усмешка Сэла.

– Мое время слишком дорого, а еще я не люблю ходить вокруг да около, – продолжил Кайо. – Я всегда говорю прямо. Я предлагаю вам подумать о нашем сотрудничестве. Я предоставил бы вам все условия и не стал вас ограничивать.

Тайра усмехалась уже открыто.

– Герр Ноэль не шутит? – спросила она у Гудрун.

– Я тебе сразу сказала, что его визит лишен смысла, – ответила Гу.

– Смысл есть во всем, – не согласился Ноэль. – Нужно только внимательно поискать. Какая цель у ограничений, которые накладывает на вас 'т Хоофт? Какая цель у игры, которую ведет сэр Бергер? Вас не спрячешь, это факт. От обывателей, возможно, да, но не от тех, кто смотрит в суть. Македонский в ваши годы владел миром, а чем владеете вы?

Вам даже Черную Книгу в руки не дают, а ведь это ваш артефакт. Подумайте пока над моим предложением, а ответ дадите позже.

– Не дам, герр Ноэль.

– Почему?

– За меня уже ответили.

– Не припомню, – Ноэль снова прищурился.

– Сталинград, сорок третий. Вспоминайте, – она издевательски улыбнулась. – Кажется, ответ был отрицательный.

– Сталинграда больше не существует, фройляйн, – наиграно печально вздохнул Кайо.

– Согласна. Не существует. Но не вашими стараниями.

Ноэль остановился прямо напротив нее.

– Я умею ждать. Подумайте, госпожа аль'Кхасса.

– Вы знаете, что такое Дар Элайя, герр Ноэль? – вдруг спросила Тайра, перестав улыбаться.

Гудрун поразились произошедшей с ней перемене. Она словно стала старше лет на пять-десять, и годы эти прошли не в мирных стенах Университета, а в жестоких боях.

– Наслышан, – кивнул он.

– Не пытайтесь играть со мной на моем поле, – Тайра в упор смотрела на Кайо. – При всем моем отвращении к вам и вашей агонизирующей организации должна признать, что вы не производите впечатление идиота, а это значит, что, прежде чем явиться сюда с абсолютно бредовым предложением, вы заранее просчитали ходы. Не стоит недооценивать

меня и Ишанкар. Я не знаю, что вам в действительности от меня надо, герр Ноэль, но, если я услышу о вас еще раз, мне придется это выяснить. Я доступно объясняю?

– Вполне, – холодно улыбнулся Ноэль.

– Тогда я тебя не задерживаю, Кайо, – подала голос Гудрун. – Дверь прямо за тобой.

Кайо кивнул ей с той же холодной улыбкой, которой пару секунд назад одарил аль'Кхассу, и удалился. Гудрун достала очередную сигарету и предложила Тайре сесть.

– Знакома с Ноэлем? – через полсигареты спросила Гудрун.

– До этого дня не была, мэм.

– Да? А говорила с ним так, будто изучила его досье наизусть.

– Никакого досье, мэм. Сэр 'т Хоофт задал направление, прислал даты Второй мировой, а дальше была моя импровизация.

– Йен прислал тебе даты Второй мировой, и ты только по ним решила, что герр Ноэль – враг? А почему не союзник?

– У России есть только два союзника – ее армия и флот¹, – процитировала Тайра. – Извините, мэм. Это особенности этнонационального восприятия. Сэр 'т Хоофт просто очень хорошо меня знает.

– Черт знает что! – Гудрун негромко выругалась.

Она молча курила, пристально глядя на аль'Кхассу.

¹ Высказывание приписывается Александру III.

– Сталинград? – не выдержав, воскликнула она. – Сталинград?!

Тайра расплылась в довольной улыбке.

– Это само по себе получилось, госпожа Гу.

– Хорошо получилось. Ненавижу фашистов. Полсемьи моей в расход пустили. Что скажешь про Ноэля?

– Лучше вы скажите. Я пока не знаю ничего.

– Кайо Ноэль, – голосом лектора начала Гудрун. – Называет себя Кайзером Третьей Стороны. Служил в «Аненербе». Специалист по психотехникам. Редкостная дрянь.

– Служил в «Аненербе»? – удивилась Тайра.

– А то! – Гу точным движением пальцев отстрелила бычок прямо в пепельницу. – На вид ему лет тридцать пять, но на самом деле тридцать шесть ему было в тридцать девятом. Понимаешь?

– Приблизительно.

– Ему чуть больше сорока, но выглядит он гораздо моложе. Кайо всю жизнь был повернут на идее вечной жизни, но добился только вечной молодости, так что он смертен. Это если ты или Йен вдруг решите избавить нас от его общества, – Гу многозначительно подмигнула. – Но пока Йен не решил. Говорит, что Кайо его устраивает, потому что предсказуем, а какой урод придет ему на смену – еще неизвестно.

– Значит, сэр 'т Хоофт с ним знаком.

– Не то слово, – злорадно улыбнулась Гу. – Йен как-то

двинул ему в морду. В твоём, по-моему, возрасте, и именно поэтому стал широко известен, так что пусть Ноэль не врет про великие дела.

– Сэр 'т Хоофт подрался с Ноэлем? – не поверила Тайра.

– Я не сказала «подрался», – уточнила Гу. – Я сказала «двинул ему в морду», после чего Ноэль не встал, так что драки не получилось. Твой Наставник в молодости тоже был непростой штучкой, да и сейчас, я уверена, даст фору молодым, и Ноэлю в том числе.

– С каждым днем у меня все больше поводов им гордиться, – усмехнулась Тайра.

– Да, удар у него поставлен на зависть, – мечтательно протянула Гудрун.

– А почему Третья Сторона?

– Да любовь у них к Третьему Рейху, – Гу достала очередную сигарету. – Как он все же меня выводит! Когда война закончилась, Кайо так и не успокоился. Собрал все разработки «Аненербе», всех сколько-нибудь стоящих магов, кто выжил, и создал свою Третью Сторону. Думал, будет диктовать условия магическому миру, наверное. Конечно, в первую очередь его интересуют некроманты и трейсеры. На Стороне их много. Гордыня – ваш общий недостаток, а у Кайо это считается достоинством. К тому же всеобщее гонение на Темные Науки сыграло ему на руку. Мракобесием открыто занимались только вы, Дрезденская Академия и Третья Сторона, а так как теперь Дрезден только поминать,

то остались вы и Третья Сторона. Дрезден хорош, не будем лукавить, но вы с Йеном для Ноэля мечта всей жизни.

– Не слышала, чтобы кто-нибудь из наших магов ушел к нему.

– А куда вы можете уйти? – возмутилась Гу. – За предательство у вас что полагается? Голову с плеч до полуденного азана или как там правильно говорится? Ишанкар своих не бросает и не отпускает, а на Третью Сторону вы вообще клали, вы же ничего никому не должны.

Тайре показалось, что последние слова прозвучали с большой долей обиды.

– Если у него не получилось всех под себя подмять, зачем вы идете у него на поводу? – спросила она.

– Потому что это вы можете себе позволить всех посылать. У вас самые сильные некроманты. Одного хет Хоофта хватит, чтобы вынести их всех. А Змей? А Гиварш? А Горан, чтоб ему пусто было? Тоже не пальцем деланы. А Шайорэ? Не хуже Лиги. К тому же как вас найти? А наше местоположение известно. Как мы будем защищаться, если Ноэль приведет своих специалистов, а это, на минуточку, боевой Дрезден и отступники Монсальвата, под наши стены? Положить всех Братьев и Сестер и всех боевых магов ему под ноги? Это не выход. Вот и приходится идти на компромисс, – Гудрун сникла. – Позор, но что делать.

– Вы позволяете ему приходиться и переманивать своих магов к себе?

– Именно.

– А раньше он переманивал торфиордских некромантов?

– Да.

– Но в Торфиорде уже давно нет некротов.

– Потому и нет! – рявкнула Гудрун. – Ноэль не получит ни одного, пока я жива!

– А боевые маги?

Гудрун тяжело вздохнула.

– А боевые маги уходят к нему. Он же не пропагандирует фашизм. Он создал свою идеологию, и это идеология власти и силы. Заманчиво для того, чей магический уровень выше среднего. А у Ноэля серединки нет, все отборные специалисты. И редкостные уроды, – с презрением закончила Гудрун.

– Значит, получается, если Ноэль пришел за мной, то он знает, что в Торфиорде появился некромант.

– В Торфиорде нет некромантов. Ты ничего Торфиорду не должна. Ты не наша. И к нему ты не пойдешь никогда, так что зачем он пришел, я не знаю. Наверное, хочет в очередной раз получить от Йена по морде.

– Да я и сама могу...

Гудрун посмотрела на нее сквозь сигаретный дым, оценивая, правда ли она сможет двинуть Ноэлю, и в итоге признала такую вероятность возможной.

– Ну-ну... Ван Хинкесу мало не показалось, сам сказал. Кстати, как ты думаешь, Ноэль тут появился неслучайно, так же как и ван Хинкес?

Тайра улыбнулась:

– И когда я научусь вкладывать в одну фразу два вопроса, как вы, госпожа Гу?

– Когда-нибудь. Ну так и?

– Я думаю, Ноэль – это постэффект в приложении к ван Хинкесу, который тут, конечно же, появился неслучайно. Напрямую они не связаны.

– Все, все, – Гудрун выставила ладони вперед. – Больше я ничего знать про ваши дела не хочу! Пусть этим занимается Йен.

Тайра молчала, переваривая информацию.

– Если у тебя больше нет вопросов, – наконец сказала Гудрун, – то можешь идти.

Тайра поднялась, по привычке чуть поклонилась и направилась к двери.

– Да, у меня один вопрос, – вдруг сказала Гу. – С Гюнтером ведь вы разошлись... Кто теперь тебя тренирует?

– Никто. Сама тренируюсь.

Гудрун полистала ежедневник и сделала в нем пометку.

– Следующую неделю я в командировке. А вот еще через неделю, в субботу в девять утра, жду тебя на площадке. Посмотрим, прав ли был ван Хинкес на твой счет.

Тайра не поверила своим ушам.

– Я непонятно выразилась? – уточнила Гу. – Иди, учи про своих мертвяков, чтобы 'т Хоофт не назначил тебе каких-нибудь отработок на это время!

Из портала Тайра не вышла: бело-голубой контур медленно погас, осыпавшись снежинками в непроглядную черноту, и тут же тьма засветилась снова, постепенно приоткрывая такой знакомый сверкающий чешуйчатый силуэт. Через несколько секунд Змей стал совершенно реальным, сдвинулся с места, перетек вправо, и его голова оказалась прямо напротив Тайры.

– Здравствуй, Кхасси, – прошелестел Змей.

– Привет, – Тайра улыбнулась и прижалась щекой к его морде. – Какой ты огромный сегодня!

– Бывает, – Змей не шевелился, чтобы неосторожным движением не сбить ее с ног. – Это мой постэффект от очень далеких путешествий.

– Ты можешь меня проглотить целиком!

– Могу, но зачем? Человеком ты мне больше нравишься, чем едой.

– Давно ты вернулся? – Тайра отодвинулась назад и посмотрела в его сказочные волшебные очи.

– Полтора дня назад.

– А когда уходишь?

– Через два часа сорок три минуты, – четко сказал Змей.

– Почему именно сорок три минуты, а не сорок пять, например?

– Нужно встать на маршрут, пока прыжковое окно не закрылось, – трейсерским жаргоном ответил Змей. – Иначе

не успею сделать все, что должен, и придется задержаться еще сильнее, а я этого не хочу. Я устал и соскучился по тебе.

– Я тебя уже так давно не видела...

– Бергер загонял, – кивнул Змей. – Сложно, оказывается, когда у тебя в начальниках трейсер: все понимает, что я делаю, так что не смухлюешь. А он еще и такие задачи ставит, что я бываю очень обескуражен.

– И что же ты делаешь?

– Ты не поймешь, – мягко, словно извиняясь, сказал он. – Я не смогу объяснить. Я защищаю Ишанкар. Кто-то очень нами заинтересовался, подошел слишком близко к нашему Первому Рубежу, а я не могу понять, откуда угроза. Как бы со всех сторон и ниоткуда одновременно. Сложная задача.

– Мне стоит волноваться?

– Нет. Пока что я нас держу. Пока что все в порядке.

– Я не про Ишанкар, – Тайра погладила его ладонью по носу. – Я про тебя.

Трейсер медленно моргнул и улыбнулся.

– Хочешь, полетаем? – спросил он.

– Конечно хочу! – обрадовалась Тайра. – Думала, ты никогда не предложишь!

Змей дотронулся до нее мордой, и в следующее мгновение Тайра оказалась на его голове, на ковре из его сверкающей белой шерсти, между прозрачных, как горный лед, рогов.

– Я стабилизацию активировал, – сообщил Змей, – но ты все равно держись крепче.

Он взмыл вверх, и спустя миг Тайра увидела затянутое вечернее небо. В вышине плыли тонкие рваные облака, сквозь которые были видны первые ночные звезды. Змей нырнул в белый туман и вскоре оказался сверху облачного ковра, рванул выше, и Тайра выпустила из пальцев его шерсть и раскинула руки, наслаждаясь полетом и ветром, бьющим в лицо, и через некоторое время, когда звезды показались совсем близкими, отпустила контроль. Блокировки упали, и ее окутал кокон из радужных искорок. Они волшебной пылью рассыпались вокруг нее при каждом движении рукой, повороте головы, проникали Змею под чешую, превращая его из снежного в радужного, Тайра смеялась, и трейсер улыбался в ответ, захваченный ее радостью и восторгом от наконец-то исполнившейся мечты. Он заложил два круга, пролетел сквозь свои же кольца, нырнув в разноцветье ее силы, и вынырнул уже под облаками. Снизу в наступивших сумерках можно было разглядеть горы: угловатые нереальных форм скальные пики, поросшие чудом удерживающимися на камнях деревьями. Змей спустился еще ниже, сделал несколько виражей между сказочных скал и опустился на одну из вершин, скрывшись на поляне под засыпанными снегом кронами.

– Ты невероятен!! – Тайра не хотела сдерживать эмоции. – Это просто сногшибательно!!

– Рад, что тебе понравилось, – промурлыкал Змей.

– Понравилось? Еще как понравилось! – она пробежалась

по его спине примерно до середины. – У меня даже слов нет!!

Змей фыркнул, свил кольцо и положил морду себе же на спину, чтобы не выпускать Тайру из поля зрения.

– Никогда тебя такой не видел, – сказал он и выдул из ноздрей струю воздуха, разгоняя летающие вокруг нее магические блески. – Я теперь тоже всегда буду цветным?

– Нет, не всегда, – Тайра засмеялась. – Когда я закроюсь, все пропадет.

– Так вот как ты выглядишь в полном раскрытии...

Тайра снова засмеялась:

– В полном раскрытии, боюсь, ты меня не выдержишь с первого раза. Даже сэр 'т Хоофт с трудом выдерживает. Привыкай пока так, а то мало ли, вдруг и правда навсегда радужным сделаешься.

Змей снова фыркнул, поднимая вверх разноцветные искры. Он развлекался так некоторое время, а потом затих, не сводя с нее своих магических очей. Под таким пристальным взглядом Тайре стало неловко.

– Мне с тобой хорошо, – признался Змей, и Тайра не услышала в его голосе обычных насмешливых нот. – Будто мы вместе уже целую тысячу лет.

– Профессор Тан говорит, что драконы могут принимать человеческий облик, – сказала Тайра и почувствовала, что краснеет.

– Ты говоришь обо мне с Таном?

– Иногда он спрашивает о тебе, – Тайра покраснела еще

больше. – Но я все равно никакие твои секреты выдать не смогу, потому что никаких твоих секретов не знаю.

– Самый большой мой секрет на данный момент – это ты, и прозорливый профессор Тан, похоже, об этом осведомлен.

– Не играй со мной, Змей, – спустя пару секунд молчания попросила Тайра. – Было бы невероятно, если бы я понравилась волшебному Снежному Дракону иначе, чем забавная ишанкарская зверушка. В книжках так бывает, но на счет жизни я не уверена. Ты моя самая лучшая сказка, но ты уйдешь через два часа, и я снова останусь наедине со своей печалью, и неизвестно, когда я еще тебя увижу.

– Печалиться будешь обо мне или о сэре Бергере? – не удержался Трейсер.

– А Бергер тут при чем? – где-то внутри больно кольнуло.

– При том, что я сказочный, а Бергер реальный. Я далеко, а он рядом.

– Бергер гораздо дальше и нереальнее, чем ты, – Тайра протянула руку и погладила его по носу. Змей недовольно фыркнул, но головы не убрал. – Он как игла в моем сердце. Вытянуть нельзя – уйдешь и его, возможно, с собой утянешь, а у него, оказывается, любимая женщина есть, и это не я. Да и не знаю я, как от этой иглы избавиться... Так что я о вас обоих печалюсь, только по-разному.

– Не лжешь, – спустя некоторое время констатировал Трейсер.

– Мне запрещено лгать по важным для Ишанкара пово-

дам, а ты для меня важен.

– Как и сэр Бергер?

Тайра некоторое время смотрела ему в глаза, а потом закрылась – радужные блески потускнели и пропали – и отвернулась в снежную темноту.

– Кха-а-ас-с-си, – позвал Змей. – Не обижайся. Просто я не понимаю до конца, что он для тебя значит.

– Я и сама не понимаю. Узы изменяют сознание, так сэр 'т Хоофт говорит. Я не знаю, что из того, что я чувствую, – правда, а что – магия, и я боюсь сойти с ума из-за этого. А когда ты рядом, нет никакого сэра Бергера, если ты о нем не напоминаешь.

Змей обождал немного и придвинул морду поближе к ней.

– Если в Торфиорде у тебя будут проблемы, иди к Тану, – посоветовал он, – он тебе поможет. От Айгеровых тесаков не защитит, конечно, разве что каким-нибудь комплексом его шархнет, но в остальном на него можно положиться.

– А ты и про мою драку с ван Хинкесом знаешь?

– Я же Трейсер Ишанкара. Конечно знаю. И про Карлоса тоже.

– Карлос у Тана на лекции наконец-то в другом конце аудитории сел, – рассмеялась Тайра. – Говорит, что не паникует, но на самом деле боится меня теперь: а вдруг заденет локтем и помрет?

– И меня пусть тоже боится, – попросил Змей. – Меня даже локтем задевать не надо, пусть только на тебя не так

посмотрит, и я ему голову откушу.

– А ты выяснил, кто Бергеру помог старую башню разрушить? – Тайра перестала улыбаться. – Кто его торфиордский союзник?

– Нет, – недовольно сверкнул глазами Змей. – Нет у него там никого, я уже как только его связи не проверял. С Паком, а это главный лигийский некромант, Бергер общается постольку-поскольку, нейтрально и редко. С Динозавром они друг друга на дух не переносят лет двадцать точно, а остальные пятеро – обычные парни и в большой игре не участвуют, так что либо твой некрос не из Торфиорда, либо это не некрос.

– Это некрос.

– Я всех проверил, никто ему в союзники не подходит, Кхасси.

– Ну и черт с ним, с ректорским помощником, – махнула рукой Тайра.

– Как это «черт с ним»? Я себе голову сломал, пытаюсь его вычислить!

– Не будем портить господину Ректору игры. Сто процентов ведь партия, раз ты этого человека опознать не можешь.

– Так просто? Даже не интересно, кто это такой?

– Интересно, конечно, но, пока он в стороне держится и меня на каждом углу не светит, и я его раскрывать не стану. Бергер говорил, что моей жизнью рисковать не будет, и я ему верю.

– А мне почему не веришь, когда я говорю, что ты моя жемчужина?

– Не говоришь ты такого, – смутилась Тайра.

– У каждого дракона есть жемчужина, – по секрету сообщил Змей. – Спроси Тана, раз уж он твой эксперт по драконам, он подтвердит. У меня это ты. Только это пока тайна: не хочу, чтобы кто-нибудь тебя выкрал.

– А что, есть подозрения, что есть желающий? – прищурилась Тайра.

– А разве нет? Ты теперь с Фэйтом в культурном обществе бываешь, а там достойных мужчин много.

– Вот черт! – испугалась Тайра. – А я и забыла, что мне с ним завтра в оперу идти!

– Юлиус такой плохой спутник?

– Хороший он спутник, только лучше уж в саркофагах и старых кувшинах копать, чем с ним по театрам ходить. Скорее бы Ксандер вернулся! Для меня все эти светские рауты – одно наказание.

– Не любишь оперу?

– Как бы тебе объяснить? – Тайра задумалась. – Оперу я люблю, и театр тоже... Но не могу я ничего ни смотреть, ни слушать. Героям же соперживать надо, а если я начну на все представления эмоционально реагировать, весь зал плакать будет. Или смеяться... Я всегда должна быть закрыта, должна держать блокировки, чтобы никого своими эмоциями и чувствами не задеть, и поэтому никакого удоволь-

ствия от высокого искусства я не получаю. Только и думаю, как бы кого ни ранить и свалить домой побыстрее.

– А если ты кого-нибудь своими эмоциями все же заденешь?

– Сэр хет Хоофт меня накажет.

– И как он тебя наказывает? – насторожился Змей.

– Просто так интересуешься или ему тоже голову можешь откусить?

Змей задумался, водовороты на дне его очей замедлили вращение.

– Расслабься, господин Трейсер Ишанкара, – Тайра улыбнулась. – Сэра 'т Хоофта я люблю, я за него сама кому угодно голову откушу. Он все правильно делает. И с Фэйтом меня, наверное, на эти великосветские сборища отправляет именно для того, чтобы я в блокировках практиковалась. Только для меня это очень сложно – не реагировать на эмоциональные вызовы, но я стараюсь. Тренировка такая. Может, когда-нибудь пригодится.

– Издевательство это, а не тренировка, – недовольно фыркнул Змей. – А мне понравилось твои эмоции ощущать. Словно я стал частью тебя на время, словно первый раз взлетел. Так давно это было, что я уже не помню той радости полета, а ты мне ее заново подарила.

– Это потому, что мне было хорошо. С негативными эмоциями и чувствами все хуже, как и у всех некромантов. Нас учат этому противостоять, а прочих магов и простых смерт-

ных это задевает очень и очень сильно, можно не пережить, поэтому кино я могу только на расстоянии смотреть, но пока не умею.

– Не умеешь? – удивился Змей. – Это же просто!

– Это для трейсеров просто.

– И для некросов просто, давай научу?

– И я буду смотреть сквозь пространство, как ты?

– Н-ну... почти как я, – соврал Змей.

– А сэр хет Хоофт потом тебе хвост оторвет?

– Нет. Я же ухожу скоро, а к тому моменту, как я вернусь обратно, его гнев поутихнет, так что он меня просто посохом отлупит и успокоится, – скаля в кривой улыбке правый клык, произнес Змей. – Ну а если он все же решит что-нибудь специфическое из вашего некромантского арсенала применить, ты же меня в обиду не дашь, я надеюсь?

Тайра задумалась, а потом опять погладила его по морде.

– Нет уж, Змей, оставайся-ка ты с хвостом. Вашим фокусам меня сэр 'т Хоофт сам научит, когда время придет. Мне сейчас еще только дополнительного курса трейсерской этики не хватает, она ведь к вашему видению прилагается?

Змей кивнул.

– Вот поэтому обойдусь я пока без вашего прозрения.

– Ты просто боишься, что и тебя сэр хет Хоофт посохом отлупит.

Тайра засмеялась.

– А ты правда можешь видеть все-все? Сквозь стены и рас-

стояния? Можешь увидеть, что сейчас на Брайтон-бич делается?

– Могу.

– А меня без одежды можешь увидеть?

– Могу, но... – Змей замялся.

– Трейсерская этика не позволяет, – смеясь, передразнила его Тайра. – А на Луне можешь лунные модули рассмотреть?

– Нет, там какие-то помехи. Луну трейсеры не видят. И Марс тоже, – упреждая еще следующий вопрос, сказал Змей. – И ядро Земли. У нас с планетами и звездами неконтакт.

– А еще чего вы не видите?

– Беременности до четырнадцатой недели.

– Серьезно? – Тайра перестала улыбаться. – И почему?

– Никто не знает. Но новую жизнь мы видим только на четырнадцатой неделе. Я могу сказать, полный у тебя желудок или нет, но беременность не определю, пока ты сама мне не скажешь. Я, конечно, увижу на четвертом месяце... Но так ждать долго, так что ты лучше сама скажи.

– Я пока не собираюсь детей заводить.

– Ну как соберешься, намекни.

– А ты никак помогать собрался?

– Ну должен же я увидеть тебя без одежды, – он улыбнулся, оскалив хрустальные клыки, и Тайра опять рассмеялась:

– Какой же ты классный, Змей!

– Это не совсем то, что я хотел бы услышать, – сообщил

Трейсер, – но пока и так сойдет. И, раз уж мое предложение с обучением отвергнуто, может, согласишься еще полетать?

– Нашел мое слабое место? – Тайра постаралась посмотреть на него с максимальным укором. – Так нечестно!

Змей легонько подтолкнул Тайру в бок, показывая, что ей пора вернуться на пассажирское сиденье, и, когда она добралась до его головы, стрелой взмыл в небо.

Фэйт недовольно плюхнулся на водительское сиденье, чуть сильнее, чем было необходимо, хлопнул дверью, пристегнулся ремнем безопасности и завел свой безумно дорогой «Бентли». Тайра полулежала в кресле рядом, глядя куда-то в пространство. Фэйту на секунду показалось, что она вышла за Грань и с ним рядом находится только ее тело, но испугался таких мыслей и отогнал их подальше.

Они уже полтора года были партнерами в непростом деле светской жизни, которую Фэйт, элитный успешный молодой адвокат и Тайра, временно исполняющая обязанности Куратора Темной Стороны Британского музея, обязаны были вести. С отъездом Ксандера Фэйт лишился своего постоянного спутника, появляться же в обществе в одиночестве было не принято. После долгих мучительных размышлений Юлиус пришел к выводу, что пары лучше аль'Кхассы в настоящее время ему не найти: все остальные женщины успели наскучить ему своей красотой, интеллектом или отсутствием того и другого, а Фиц вечно опаздывал и разглагольство-

вал о Боге даже там, где его всуе было лучше не поминать. Аль'Кхасса была в таком же безвыходном положении, как и он. Ей, чтобы реноме Куратора оставалось безупречным, как и при Ксандере, необходимо было держать марку, а самого Юлиуса, который не привык чувствовать себя хоть в чем-то ущербным, отсутствие возможности принадлежать миру своих клиентов вообще вгоняло в депрессию. Юлиус предложил ей деловое партнерство, даже составил договор, чтобы их отношения были оформлены в соответствии со всеми правилами, но Тайру это развеселило: она рассмеялась и читать и подписывать что-либо наотрез отказалась. Фэйт решил, что тем самым согласие, хоть и устное, было получено, и с облегчением выложил на стол первое из множества уже присланных приглашений на два лица. Аль'Кхасса признала, что такое сотрудничество избавляло от проблем и ее, и музей, и Александра Дарнелла, если тот когда-нибудь перестанет изображать из себя Индиану Джонса и решит вернуться к прежним своим обязанностям.

Тайра Фэйта устраивала полностью. Как и все некроманты, она выглядела старше своих лет, двадцать ей никто бы не дал. Лет двадцать пять минимум... Никто не обвинил бы его в том, что он путается с малолеткой. Хотя фигура ее была далека от идеала, выглядела она неплохо, во всем знала меру, и даже ее вечерние наряды были достаточно строгими. Она объясняла это тем, что настоящие вечерние платья пока ей были запрещены, Фэйт подозревал, что она просто не может

надеть то, что ей бы хотелось, из-за ужасных, так и не заживших шрамов на спине и шее, но о своих соображениях молчал. Он привык не задавать лишних вопросов обо всем, что касалось Ишанкара и поступления денежных средств на свой счет.

Ему нравилось, что аль'Кхасса не болтала, как множество его знакомых женщин: он мог спокойно обдумывать свои дела, пока они добирались до очередного выхода в свет. Она не навязывалась, не принимала от него подарков – ничего, кроме цветов, – не задавала глупых вопросов, и Фэйту было не стыдно, когда в беседе с каким-нибудь из его клиентов, бывших или будущих, аль'Кхассе приходилось высказывать свое мнение. Он должен был признать, что не ошибся в выборе партнерши. Он гордился своей интуицией.

До этого вечера у него не было к ней претензий, но сегодня ее будто подменили. Она готова была вылететь из зала почти сразу после начала представления. Фэйт, осознавая, что реально рискует жизнью, вцепился в ее руку, пригвоздив к подлокотнику, и удержал Тайру на месте до антракта: уход сразу после начала на его репутации сказался бы самым отрицательным образом, а этого Юлиус допустить не мог.

Он приоткрыл окно, выдвинул пепельницу, достал сигару, откусил кончик круглым металлическим ножом и закурил. Снег тихонько падал, прилипая к лобовому стеклу и вычурным кованым фонарям. Когда двигатель прогрелся, Фэйт выбросил сигару в снег и вырулил со стоянки.

– Вот так ходить с тобой по театрам, – буркнул он в сторону Тайры. – Спасибо, что хоть не посреди действия сорвалась с места! Вот было бы позора!

– Прости, Юлиус, – откликнулась Тайра. – Я знаю, что испортила тебе вечер.

– Лучше скажи, кто испортил вечер тебе, – предложил Фэйт. – Из-за кого я вынужден пропустить гастроль «Ла Скала»? Из-за той феи, что была с Гораном? Так это Анна-Мargarита Дюпре, наша монсальватская муза и идеал красоты. Я ее часто с ним вижу. Она по вашей торфиордской легенде тебе кем приходится? Будущей мачехой?

– Горан мне не отец, – глядя в стекло, ответила Тайра.

– А-а, ну тогда все понятно, – со знанием дела заявил Фэйт. – Мой Ишанкар, мой Ректор... Ревнуешь. Так тебе вроде не тринадцать лет.

– Как ты верно заметил, – абсолютно серьезно согласилась Тайра, – не тринадцать.

– Слушай, я вот тоже терпеть не мог свою мачеху. Всегда говорил ей, что она мне не мать, и что она не имеет право меня воспитывать, и вообще что она чужая в нашем доме, – Тайре показалось, что Фэйту было немного стыдно. – Но, когда отец умер, оказалось, что ближе мачехи у меня никого нет, а все эти годы я был полным идиотом. Смекаешь, о чем я?

– Да, но это не мой случай.

– Я вот что хочу тебе сказать, – не унимался Фэйт. – Го-

ран – еще очень молодой мужчина, а еще он очень умный, достойный уважения человек. Ишанкар у него на шее как пудовая гиря, так что он заслужил немного счастья вне его стен. Марго, кстати, отличается не только красотой, у нее объективно много других достоинств. Горану весь магический мир завидует. Ты просто попробуй посмотреть на Марго его глазами, и все наладится.

– Боюсь, ты не понимаешь, о чем говоришь, – Тайра грустно усмехнулась.

– Прекрасно понимаю. Только я понял это слишком поздно, а у тебя есть шанс. Учись на чужих ошибках, жизнь коротка, чтобы учиться только на своих.

– Останови, – попросила Тайра, подумав, что нравоучений Фэйта ей сегодня достаточно. – Пройдусь немного. Холл меня отрезвляет.

Фэйт подкатил к обочине, остановился, вышел и открыл ей дверь.

– Доберешься домой – позвони, чтобы я не волновался.

Вечер выдался тихим, теплым и безветренным. Снежинки медленно, почти вертикально падали вниз и ложились на тротуары тонким кружевным ковром. Тайра глубоко вдохнула зимний воздух – мир мягко поплыл по часовой стрелке, размывая огоньки магазинных вывесок, как на смазанной фотографии, – и медленно двинулась вдоль по улице.

Она шла мимо витрин, в которых еще остались напоминания о прошедшем неделю назад дне Святого Валентина –

покупатели не смогли осилить такое количество сердечек, розочек и всякого милого ненужного хлама в красных упаковках с золотыми ленточками. Тайра была терпима ко всем праздникам. В Ишанкаре, где были собраны люди всех национальностей, отмечались все существенные для них праздники и памятные даты, но День влюбленных раздражал ее просто невероятно: Тайра чувствовала себя одинокой. Это чувство обострялось каждый раз перед четырнадцатым февраля, но с этим можно было бороться, если разложить по полочкам все аргументы, среди которых не было ни одного весомого и обоснованного «за», загрузить себя работой, занятиями, особо сложными дисциплинами, сорвать Узы, чтобы за физической болью от оставшихся от них ран на неделю забыть, что где-то там существует Горан, человек, рядом с которым ей суждено провести всю жизнь и никогда не быть вместе. Тайре представлялось, что они две рыбы, пойманные искусным рыбаком в одну сеть. Они трепыхались, смотрели друг на друга большими, еще влажными рыбьими глазами и не могли ни вырваться из сетей, ни подобраться друг к другу поближе, и вынуждены были медленно и мучительно умирать, задыхаясь от воздуха, который единственный был у них на двоих.

Можно было бы пережить Валентинов день и в этот год, но Тайра, как на зло, сталкивалась с Гораном в самых непредсказуемых местах, начиная от Дальних Залов ишанкарской Библиотеки, куда практически никто не заглядывал,

и заканчивая автобусной остановкой возле Британского музея. В половине случаев он был не один.

Тайра не понимала, как у него получалось общаться с Марго так, будто он не носил на своей руке эту проклятую золотую удавку. Или он был не так восприимчив к Узам, или настолько хорошо скрывал свои переживания, что у Марго все эти годы не возникало никаких подозрений о том, что частичка сердца ее мужчины занята другой? Или он был Господином Игры и ловко обводил Марго вокруг пальца? Или у Горана просто было гораздо больше жизненного опыта... Последнее, скорее всего, и было истинно верным.

Он попадался ей везде, Тайре даже стало казаться, что он скоро заподозрит ее в преследовании, и она старалась покидать Башню как можно реже, но тут прорвало Фэйта с его светскими раутами, да и ее стол в музее был завален приглашениями на разные мероприятия. Выходами они не злоупотребляли, но куда бы ни пошли, везде наталкивались на Горана и его прекрасную Марго. Тайра не показывала вида и заинтересованности их парой, но Фэйт был знаком с Гораном, знал, что он Ректор Ишанкара, и о том, как он представился Гудрун, тоже знал и потому трактовал Тайрино показное безразличие исходя из собственного опыта. Фэйт, конечно, тактично молчал бы и дальше, оставляя свои соображения при себе, но сегодняшняя реакция Тайры на Горана и его спутницу разозлила его не на шутку. Тайра не сдержалась, но Юлиус должен был понимать: то, что она доси-

дела до антракта, было огромным ее реверансом в сторону его щепетильности относительно своего имиджа. Надо было что-то со всем этим делать.

В ишанкарской Библиотеке для нее еще было много работы. Должен же был быть хоть один способ снять эти проклятые Узы! Раз за разом она перелистывала все книги, хоть как-то связанные с этой темой, но каждая попытка все сильнее приближала ее к отчаянию. Способа не было. Тайра понимала это, но боялась произнести вслух. Она знала это еще и потому, что если бы способ был, то сэр 'т Хоофт обязательно помог бы ей, но Наставник был бессилен. Два сильнейших некроманта не могли справиться с заклинанием, понятным первогодке Первого Круга, но Тайра не собиралась сдаваться.

Она достала мобильник и набрала Фэйта.

– Я дома, – сказала она. – Не волнуйся. И прости меня, пожалуйста. Не знала, что так выйдет. Не сдержалась. Больше не повторится.

– Забыли, – снисходительно ответил Фэйт. – Чем займешься в этот прекрасный внезапно пустой вечер?

– Пойду в Библиотеку.

– Развлечение так себе, но удачи, – Фэйт сбросил звонок.

– Удача мне бы очень пригодилась, – согласилась Тайра и открыла портал в Ишанкар.

Ночь обещала быть длинной.

Горан шел по пустым коридорам Цитадели и наслаждался тишиной. Каждый раз, слушая приглушенные коврами звуки своих шагов, он вспоминал годы учебы в Университете, когда он оставался допоздна и вечером, в сумерках, особенно зимой, двигаясь к выходу, представлял себя королем, идущим по своему наследному замку, а отблески ламп в окнах казались ему бликами свечей, танцующими в витражах. Горан был безнадежным романтиком.

Теперь, спустя много лет, когда он получил в свое владение настоящий замок и был почти что настоящим королем, мечты юности казались ему наивными, и иногда он ловил себя на мысли о том, что надо было мечтать совсем о другом. Мечтам, как оказалось, было свойственно сбываться, поэтому Ректор Ишанкара сэра Джо Бергер запрещал себе мечтать: он был жестоким реалистом.

Горан вошел в приемную – в воскресенье как любой нормальный секретарь Кервуд не работал, – поправил шторы на окне, увидел, что кактус наконец-то выкинул длинную волосатую почку, которая должна была на днях распуститься розовым, красивым и отвратительно пахнущим цветком, вошел в свой кабинет и остановился на пороге.

Раньше Тайра никогда не позволяла себе заходить к нему в его отсутствие. Он хотел было сделать ей замечание, но что-то заставило его промолчать. Она сидела на краешке кресла, словно первоклассница, которую вызвали к директору и собирались наказать за непослушание, руки со сцеп-

ленными пальцами лежали на коленях. Горан знал, что она услышала, как он вошел, но даже не попыталась встать и поприветствовать его, как полагалось по всем правилам. Интересно, сколько времени она провела вот так, одна, сидя в его пустом кабинете на краешке кресла, ожидая его, впрочем, скорее всего, она не замечала времени.

Горан подошел к ней и присел в кресло напротив. Она подняла голову, и он увидел, что в глазах ее стояли слезы.

– Горан Иваныч, – шепотом сказала она. – Я больше так не могу. Я перевернула всю Библиотеку. Все, до чего у меня есть доступ. В книгах ничего нет. Я не знаю, как это снять. Никто не знает.

Горан взглянул на ее руки. На правой, поверх рваных с запекшейся по краям кровью ран, сияли тугие золотые жгуты Уз. Значит, она снова пыталась снять их механическим путем, минуя магию, но только до мяса разорвала кожу: Узы никуда не делись и теперь золотыми змеями покоились в окровавленных желобках ее плоти.

– Я так больше не могу, – повторила она. – Может, это чувство неправильное, навязанное, но я не знаю другого.

Горан должен был что-то сказать, но нужные слова исчезли, а остальные застряли в горле тугим комком, и все, что он мог, это созерцать ее искалеченную, объятую золотым огнем руку. Он с трудом оторвался от этого зрелища и вернулся к ее глазам.

– Я бы душу продала, чтобы ничего этого не было. Чтобы

смотреть на вас спокойно... Чтобы все это закончилось, – она прервалась, стараясь не расплакаться. – Или чтобы хоть на час... На минуту побыть на месте Марго...

Горан почувствовал, как сжалось его сердце, ему вдруг перестало хватать воздуха, и где-то внутри забытым ощущением из глубокого детства начал разматываться клубок обиды на несправедливость, с которой ничего нельзя было поделать, потому что мир оказывался сильнее, а ты, хоть и был прав, был один, и это противостояние было обречено.

Тайра встала и отошла на пару шагов. Горан поднялся следом. Он смотрел на нее и не узнавал.

– Горан Иваныч, – она посмотрела на него таким взглядом, от которого Горану захотелось умереть. – Поцелуйте меня. Один раз... И, клянусь, я больше никогда не попрошу ни о чем подобном. Я буду, кем захотите. Ручным монстром, Ишанкарской Ведьмой, вашей дочерью, вашей Некромантессой... Кем захотите. Но я хоть раз хочу узнать, как это – быть вашей женщиной.

Горан услышал, как его сердце с треском разорвалось на части. Тайра стояла на краю пропасти, и дальше идти было некуда, и Горан знал, что должен удержать ее, прижать к себе и никогда, никогда не отпускать, не давать ей смотреть вниз, он должен был что-то сказать, чтобы это молчание не воцарилось между ними навечно, сказать нечто доброе и светлое, то, что он так давно хотел сказать ей, но слова, которые он произнес, были как гвозди, которые он сам вби-

вал себе в ладони и ступни, навечно пригвождая себя к воротам Ишанкара.

– Я не гожусь на роль Первого Рыцаря, Кхасси, – тихо ответил он, – и буду жалеть об этом всю жизнь.

Навряд ли она ожидала другого ответа, но какая-то неведомая, неподконтрольная ей сила заставила ее, переступив через гордость и стыд, просить его о поцелуе и надеяться, что, может быть, все будет совсем не так.

– Я не могу тебя поцеловать, – он старался говорить как можно мягче, но понимал, что у него не получается. – Это невозможно. Ректор не может иметь никаких отношений со своей Некромантессой.

Сэр Бергер был жестоким реалистом. Горан медленно умирал.

Тайра опустила голову, и Горан увидел, как слезинка, пару секунд цепляющаяся за изгиб ресницы, сорвалась и потерялась в высоком ворсе персидского ковра. Он протянул руку, чтобы коснуться ее мокрой щеки, но она выпрямилась, и Горан поразился перемене.

Слез больше не было, осталось только каменное спокойствие хет Хоофта. Еще секунду назад перед ним стояла сломленная, потерянная девушка, а сейчас он видел перед собой Некромантессу Ишанкара. Его рука застыла в воздухе, так и не коснувшись ее лица.

– Благодарю вас, господин Ректор, – абсолютно спокойно сказала она, – за то, что напомнили мне, где мое место. Ви-

новата. Не сдержалась. Больше не повторится. – И, секунду помедлив, добавила: – Слово Некроманта Ишанкара.

Она прижала руку к груди, безупречно, как того требовал Церемониал, поклонилась и вышла вон.

Когда двери за ней закрылись, Горан хотел броситься следом, остановить, вернуть, сжать ее в объятиях, впиться в ее губы, но усилием воли удержал себя на месте. Когда тень звуков ее шагов совсем исчезла из Цитадели, он тяжело опустился в кресло и закрыл глаза.

На улице шел снег – легкий, невесомый, какой получался только у Змея. Дорожка к главному входу Цитадели была замечена тонкой пеленой, которая уже успела скрыть следы пришедшего в нерабочий день сэра Бергера. Тайра стояла на пороге, наблюдая ишанкарский сад через изящную снежную вуаль, и не знала, что делать дальше. В комнату не хотелось: пустой угол, лишенный Фархиной кровати и стола, нагонял тоску. В музее без Ксандера было не менее грустно, чем в комнате. В Библиотеке делать было нечего, а слушать радостный бред про пришельцев и Америку от Хидамари не было настроения. Идти было некуда.

Тайра доплелась до Башни и поднялась на верхний уровень. Вопреки ее надеждам на одиночество, Наставник в воскресное утро почему-то был на службе, расставлял по полкам книги. Тихо играла музыка, и негромко шумел в аквариуме воздушный фильтр. Хет Хоофт оглянулся, положил

неразобранную стопку на столик и подошел к Ученице. Снежинки растаяли, и теперь ее волосы были унизаны маленькими сверкающими капельками. Йен и без слов знал, что именно повергает Тайру в такое уныние. Маг обнял ее, стараясь не касаться раненой руки, ласково погладил по голове, невесомо коснулся пальцами виска и считал ее сегодняшнее утро.

Да-а-а... Импульсивные решения еще никому на пользу не шли, Йен знал это с юности и по себе. Тайра, конечно, не должна была идти к Ректору, и говорить ему все, что наговорила, тоже была не должна. Если бы Бергер не появился в своем кабинете, ничего этого бы не случилось. Принесла же его нелегкая в воскресенье... С другой стороны, теперь точки над «и» были расставлены окончательно, так что признать такой исход отрицательным было нельзя. Йен чувствовал Тайрин стыд, печаль и боль от оставленных Узами ран, а еще страх того, что Горан расскажет кому-нибудь о ее слабости и тогда она точно никогда себя не простит.

– Ты дала Слово, – подытожил он. – Придется держать.

Она кивнула, задев носом пуговицу на его сорочке.

– Я не знаю, как тебе помочь. Ну разве что... – он задумался.

Тайра с надеждой посмотрела на Наставника.

– Я могу совершить два действия, правда оба они в моем исполнении будут выглядеть странно и вряд ли тебя удовлетворят. Я могу убить Горана, и это снимет с тебя Узы, а мо-

гу тебя поцеловать. Закон в Списке Б этого не запрещает, а Магда говорит, целуюсь я очень даже неплохо.

Тайра засмеялась сквозь слезы. Когда Наставник начинал шутить таким образом, это означало, что дело труба.

– Давайте чаю выпьем, – предложила она, – а то мне скоро нечем будет плакать.

– Чай – это хорошо, – сказал он. – Значит, ты еще не безнадежна.

Он достал чашки и разлил темный, пахнувший апельсиновыми корками и корицей напиток. Тайра скинула пальто в Арсенал, вытерла слезы рукавом форменного платья, отчего на белом манжете остались следы потекшей туши, и села на диван. Йен присел рядом, раскрыл аптечку и осторожно освободил ее поврежденную руку, закатав рукав платья выше локтя.

– Почему вы не дома, сэр?

– Магдалена в отъезде, у ее театра гастроли в Швеции, а она не может отпустить свои костюмы в автономное плавание. Без нее дома пусто, – 'т Хоофт щедро смазывал раны каким-то ароматным, пахнущим горными лугами бальзамом. – Сегодня я доделаю дела, тебя вот подлечу, а завтра возьму три дня выходных.

– С понедельника? – удивилась Тайра.

– С любого дня, как мне будет необходимо.

– Вы же недавно брали три дня.

– Да, брал, – маг кивнул, ловко наматывая поверх тампо-

нов с бальзамом белоснежный бинт. – И что?

– И Ректор все равно даст вам выходные?

– Куда он денется. Не может не дать.

– А если вы станете выходить на службу день через три, тоже не возразит?

– Нет, не возразит.

– Я тоже так хочу. Эти выходные – это же наша общая привилегия.

– Нет, пока только моя. Всему свое время, – 'т Хоофт сказал это так, что Тайра поняла: больше на эту тему он говорить не будет.

Он собрал аптечку и отнес ее на полку одного из шкафов. Тайра молча пила чай, но вкуса не чувствовала. Она сделала еще пару глотков и опустила чашку на блюдце. Чашка мелодично звякнула.

– Почему я все время везде на него натыкаюсь? Я же не ищу встречи! Ну почему?

– Не хочешь написать научную работу по любовной магии? – как бы между делом поинтересовался Йен. – Ты уже всю доступную литературу по этой теме перечитала. Сложно представить, какой ты теперь специалист по всякого рода приворотам.

– Вам бы все шутить, сэр, – укорила его Тайра.

– Люди, связанные Узами, тянутся друг к другу даже против их воли, – сказал маг. – Магия изменяет структуру бытия, так что еще удивительно, что при такой сильной связи

ты сталкиваешься с Гораном вне Ишанкара так редко.

– Ну неужели нет никакого способа снять с меня эту гадость?

– Мне такой способ неизвестен.

– Может, мне попробовать специально влюбиться в кого-нибудь другого?

– Только не в меня, пожалуйста, – усмехнулся Йен.

– А вы были бы идеальным кандидатом, – не сдержалась Тайра.

Хет Хоофт тихонько засмеялся.

– Мне надо поработать, не обижайся, – сказал он, – а то я к понедельнику не успею со всем расправиться, а я очень хочу свалить отсюда на трое суток.

– Можно я побуду тут, сэр? Я не буду мешать.

– Конечно, можно, – согласился Йен, понимая, что она очень не хотела оставаться наедине с собой. – Башня и твоя тоже.

Йен вернулся за стол к своим делам. Он раскрыл книги, но в голову ничего не шло.

...Утром приходил Нурали-ходжи, собственноручно принес ему заказанные фолианты и как бы невзначай доложил:

– В мои пенаты вчера вечером пришла твоя Ученица. Просидела в Библиотеке до рассвета, дежурный не рискнул ее выпроводить. Не знаю, что она искала, – Нурали многозначительно посмотрел на 'т Хоофта, – но, если бы я не знал ее семь лет, я бы сказал, что она в отчаянье.

– В общих фондах Библиотеки нет того, что она ищет. Да и в спецфондах, полагаю, тоже.

– Если этого нет у нас, то этого нет нигде, – авторитетно заявил Нурали.

– В том-то и дело, – вздохнул Йен.

– Ты искал то же самое в Монсальвате?

Хет Хоофт знал, что Нурали неизвестен предмет их поисков, и просто кивнул.

– В Монсальвате думают, что ты спятил. Мол, седина в бороде – бес в ребро. Говорят, ты всерьез воспринял кое-какие разделы Списка Б, что куда хуже, чем если ты и правда спятил. С чего бы еще Йен хет Хоофт ударился в любовную магию?

– Мне плевать, что думают в Монсальвате, – спокойно ответил 'т Хоофт. – В Торфиорде вот думают, что я хожу в женском платье.

– В белом, надеюсь?

– Само собой. Но мне плевать и на это.

– Знаешь, Йен, – после небольшой паузы сказал Нурали. – Если бы я не знал тебя столько лет, то сказал бы, что и ты в отчаянье.

– Я близок к этому. Но никому, тем более Кхасси, об этом знать не надо.

– Не пугай меня. Если и ты в отчаянье, то что делать мне?

– Просто подписывай нам расширенные допуски без лишних вопросов, – предложил 'т Хоофт. – Может, мы что и най-

дем...

Когда Йен оторвался от компьютера и бумаг, Тайра спала, обнявшись с диванной подушкой. Он тихо подошел, накрыл ее пледом и приглушил свет.

Раз за разом Тайра оказывалась на земле. Гудрун порхала вокруг нее, как бабочка вокруг цветка, Тайра только и успевала отбивать удары. Она пыталась провести несколько атак, но Гудрун не дала ей ни одного реального шанса.

Гу была великолепна. Тайра предполагала, что ей за пятьдесят, но она двигалась так, как будто ей было двадцать. Плавная, как кошка, и гибкая, как змея, она перекидывала полуторный меч из руки в руку с такой легкостью, словно это была кисточка для макияжа, и Тайре приходилось сильно напрягаться, чтобы уследить, когда Гу меняла руку. Ее техника была безупречной. Гу не позволяла себе ни одного лишнего движения, ни одного неверного шага, ни одного случайного взгляда. Тайра поймала себя на мысли, что сама не столько дерется, сколько наблюдает за Гудрун, прячась за блоками и отскакивая в сторону. Тайра наслаждалась ее грацией и, засмотревшись, снова падала в снег, не в силах оторвать глаз и восхищенно улыбаясь. Тайра, конечно, знала, что лигийцы сохраняют боевую форму до самой смерти, но она и предположить не могла, что форма эта настолько превосходна.

Казалось, Гу не знает усталости. Тайра никогда не видела, чтобы Гу тренировалась, но теперь это стало очевидным.

Сложно было представить, сколько времени в день она тратит на тренировки, чтобы не терять мастерства. Тайра привыкла видеть Гу в строгих деловых костюмах, на каблуках и с уложенными в прическу волосами, Гудрун в лигийском кожаном доспехе выглядела ровно вполовину моложе и вполовину же опасней. Тайра была восхищена.

Гудрун видела, какое впечатление на подопечную производит, и получала от этого удовольствие. Иногда она забывала, что перед ней не профессиональный воин, а девчонка-маг, и тогда аль'Кхасса опять летела в подтаявший мартовский снег. Гудрун демонстративно тыкала мечом ей в грудь или в шею, а потом протягивала руку, чтобы помочь ей подняться. Тайра ни разу помощью не воспользовалась. Гудрун усмехалась и снова нападала. Несколько раз аль'Кхассе удалось ее существенно задеть, в реальном бою на теле остались бы глубокие раны, но она явно не дотягивала до уровня лигийских девчонок ее возраста. Впрочем, дралась она пристойно. Гудрун подумала, что если Гюнтер сумел так натренировать аль'Кхассу, которой никогда не суждено было стать настоящим воином, то от ишанкарских девиц, прошедших его школу, следовало ожидать много большего. Они могли составить достойную конкуренцию лигийским Сестрам. Гюнтер был настоящим мастером своего дела, и аль'Кхасса делала бы гораздо меньше глупых ошибок, если бы не смотрела на нее с детским восторгом в глазах и думала бы о бое. В целом Гу была ей довольна, но решила

не говорить ей об этом и ни в коем случае не хвалить. Ни в коем случае!

– Ты дерешься как девчонка, – наконец сказала Гу, решив, что на сегодня с аль'Кхассы достаточно.

– Я и есть девчонка, – усмехнулась та.

– Молчи и слушай, нечисть, – грубо отозвалась Гу. – Ты дерешься как девчонка. Техника у тебя есть, реакция тоже хорошая, но до воинов тебе никогда не дойти. Впрочем, для мага ты дерешься неплохо, хотя Гюнтер наверняка тебя только ругал.

– Иногда он говорил «нормально». Большого я от него не слышала.

– Потому что большего не заслуживаешь, – согласилась Гу с оценкой Гюнтера. – И обижаться на меня не надо. Тыкать тебя мордой в дерьмо – задача 'т Хоофта. Я хочу тебя кое-чему научить. Против Лиги с твоими навыками выстоять не выйдет. У нас свои секреты, и мы над ними столетиями работали. Вижу, Гюнтер тебе много что показал, но это цветочки. Не вовремя как вы разбежались...

Гудрун поковыряла мерзлый песок носком сапога. Тайра подумала, что в этот момент она была очень похожа на Гюнтера.

– Что значит «я дерусь как девчонка»? – спросила она, чтобы прервать размышления Гу.

– Как тебе объяснить, – задумалась Гудрун. – Вот представь, что женщину, которая лет двадцать замужем и имеет

троих детей, внезапно ставят воспитателем в группе детского сада. Она вроде и с детьми общаться умеет, и своих вырастила, и в целом не дура, но вот стоит она посреди этой кишащей кругом малышни и понятия не имеет, за что ей в первую очередь хвататься. И пока она стоит, какая-то логика в ее отсутствии действий есть, а как только она начинает пытаться что-то сделать, лучше бы стояла! И поэтому, имея опыт воспитания троих детей, со стороны она выглядит как зеленая девчонка.

– Понятно, – Тайра отвернулась.

– Хватит нос воротить, – раздраженно сказала Гу. – Я знаю, что ты маг. И с твоей некромантией тебе плевать должно быть на Лигу, но раз взялась учиться драться – учись и не ной! Жалеть тебя ван Хинкес не будет. Гюнтер не жалел. И я не буду.

– Спасибо, – с сарказмом отозвалась Тайра.

– Ты должна драться как женщина, – Гу решила не отвечать на ее сарказм. – Плавно, ласково, с чувством, со страстью. Перетекать из одной позы в другую, следовать за мечом, как за мужчиной в танце. Бой – это танго. Поняла? Танго!

– Я вам по секрету скажу, – Тайра повернулась к Гу. – Самый низкий балл в Ишанкаре у меня по танцам. Танцы – это не мое. Не умею и не хочу уметь.

– Вот в этом твоя проблема.

– В чем?

– В хет Хоофте. Если бы он сказал тебе учиться танцевать, ты бы ночами тренировалась, но научилась. Так же и с боем. Он считает, что это лишь приложение к твоему основному профилю, но сам он никогда ничего не делал наполовину. Так что не позорь Наставника. Придется соответствовать его уровню во всем.

– Госпожа Гу, я не способна стать воином.

– Не спорю. Но в пределах своих возможностей ты должна выложиться на все двести процентов! Поняла меня?

Тайра вздохнула.

– Ну пусть тебя радует то, что в некромантии ты лучшая, – смягчилась Гу и тут же осеклась: – После Йена, конечно. И зачем ты Стражей отпустила, дурочка? Ван Хинкес же тебя прибьет. Он мальчик способный, обучается быстро. Твои синтоистские зеркала уже раскусил, второй раз так провести его не выйдет.

– Не выйдет – так не выйдет.

– Еще как выйдет! – решительно заявила Гу. – Я научу тебя тому, чему тебя никто не научит. Я сделаю из тебя женщину!

– Может, не надо, госпожа Гу? – осторожно спросила Тайра и на удивленный взгляд Гудрун пояснила: – Мне бы хотелось, чтобы это произошло естественным путем.

– Поговори мне еще! – Гудрун несильно залепила ей подзатыльник, и Тайра беззвучно рассмеялась.

...Тайре снова снились пески. Желтыми они были только на картинках, на самом деле цвет был ближе к серо-белому. Небо тоже было бледным, а не красивым и голубым, будто солнце выжгло цвет не только из песка, но и из него самого. Смотреть на солнце было невозможно, глаза слезились, даже когда Тайра стояла к нему спиной. Интересно, куда оно девалось, если никогда не закатывалось за горизонт? Ходило по кругу, как и его пленница?

Дворец издалека казался древними развалинами, едва видимыми из-за барханов, и навряд ли какой-нибудь путник обратил бы на них свое внимание, если бы вообще их заметил. Стены были засыпаны только снаружи, внутрь песок, конечно, попадал, но двор был едва припорошен, под песком различались узоры плитки и мозаика на дне и стенах фонтана. Когда откуда-то налетал ветер, песок больно колот руки и лицо, забивался в прическу, и Тайра старалась поскорее спрятаться от него за стенами дворца.

Внутри была прохладная полутьма. Окна в большинстве залов были занавешены какими-то вылинявшими и выцветшими тряпками, которые когда-то наверняка были дорогими тканями, одеждой или покрывалами для диванов. Зулейха с ними не церемонилась, разрезала и разорвала без всякого сожаления. Кое-где ткань была сорвана и со стен, и под ней обнажились камни и дерево. Из всех окон был виден двор и окружающие его внешние стены. Можно было подумать, что Зулейха намеревалась обороняться, но обороняться бы-

ло не от кого, в ее тюрьму заглядывал только Трейсер, да теперь еще и Тайра. В одном из залов был накрыт стол, серебряная посуда сверкала начищенными боками, а потому в интерьере запустения казалась дешевым театральным реквизитом. Тайра все равно потрогала кувшин, больше похожие на стопки маленькие чашки и поднос, на котором призраком прошлого виделись зеленые и сизые кисти спелого винограда. Серебро было настоящим, но совершенно не волшебным.

В комнате чуть дальше по коридору стояла большая кованая кровать, готовая ко сну, но Тайре казалось, что стоит лишь сдернуть покрывало – и матрас, подушки и балдахин рассыплются в прах. Зулейха тут точно никогда не спала. Интересно, спала ли она вообще? Могла ли она спать? Сэл вот не мог. Мог только забыться, потеряться в воспоминаниях и времени, плыть по течению, не думая, не сознавая себя, будто находился в глубокой медитации. Сэр Котца всегда его жалел, но в сторону Зулейхи ни одного слова жалости Тайра от него ни разу не слышала.

Рядом с Зулейхой было страшно. Тайра не хотела от нее бегать, и иногда ей удавалось подпустить Зулейху совсем близко. Зулейха стояла, замерев, за стеной, в соседней комнате или коридоре, и будто видела сквозь стену, а может, и правда видела, где находится Тайра. Обе не двигались, боясь спугнуть друг друга, Тайра слышала, как колотится ее сердце, и за этим стуком не различала шагов. Зулейха появ-

лялась в дверном проеме, всегда внезапно, Тайра ждала ее с другой стороны, с другого входа, и, увидев, бросалась наутек. Зулейха кидалась следом, и ее черные косы темными змеями летели за ней.

Временами все было наоборот, Тайре удавалось застать врасплох Зулейху. Тогда убегала она, но недалеко, до своих тайников с оружием, и тогда в руках у нее оказывался или короткий меч, или кривая ржавая сабля, или палаш. Управляться с ними Зулейха толком не умела, только пугала, выставив перед собой и сопровождая свои выпады полубезумными криками.

Тайра пыталась поговорить, но Зулейха ни разу не ответила ни на один вопрос. Тайра разбирала только проклятья, строки из Корана и еще какую-то рифмованную чушь, похожую на детские считалочки или поддельные заклинания. Однажды Тайра услышала, как Зулейха поет. Мелодия была грустной, не то колыбельной, не то погребальной, Зулейха сидела на полу и переплетала свою косу, свивала черные пряди в один канат и поглаживала его рукой, будто это была кошка, уснувшая у нее на плече. Когда Тайра уже почти видела эту кошку, черную, длинную, худую, Зулейха взяла нож и срезала свою косу под корень. Коса дохлой змеей плюхнулась на пол, Зулейха оглянулась, улыбнулась и, взвившись с пола, бросилась на Тайру.

В этот раз во дворце было совсем тихо, не слышно было даже капля за каплей падающей в чашу воды. Тайра совер-

шенно точно чувствовала зов, Зулейха все так же растягивала «и краткий» в долгое «и» и выдыхала последний слог, будто задувала свечу. Тайра слышала ее голос сквозь сон, и ей казалось, что Зулейха стоит где-то у нее за спиной, за одним из сотен стволов деревьев в дремучем лесу, но, когда она наконец поддавалась, никакого леса не оказывалось, были все те же белесые пески, выцветшее небо и ощерившаяся на пустыню, кое-где обвалившаяся старая каменная стена.

Сейчас Зулейха молчала. Тайра чувствовала страх, но бояться мертвой некромантессы, не имеющей своего тела, заточенной невесты где между мирами, было глупо. Тайра досчитала до пяти, стараясь освободить свой разум от навязанного чувства, вышла в центр зала, заменяющего во дворце холл, и позвала.

– Зулейха! – Тайра осмотрелась по сторонам. – *Я здесь. Я пришла. Выходи.*

Шанкари затих и пропал, не оставив после себя ни единой серебристой ниточки. Тишина шуршала уличным песком и ветром, где-то наверху упала какая-то вещь. Звук был приглушенным, – скорее всего, на полу оказался ковер, но Тайра все равно вздрогнула и резко обернулась.

– Зулейха! – снова позвала Тайра. – *Выходи, поговорим. Я знаю, что тебе страшно. Мне тоже страшно. Я тебя не трону. Выходи.*

Тайра подождала еще немного, но Зулейха не откликнулась, не появилась на верхней ступеньке лестницы, не выгля-

нула из одного из четырех дверных проемов первого этажа.

– *Да и черт с тобой,* – Тайра пересекла зал, вошла в следующий, с истлевающими диванами, длинными подушками, пустым кальяном и голубыми восьмиконечными звездами на стенах. Звезды складывались в надоедливый орнамент, будто кто-то засыпал в калейдоскоп только белых и синих стекол, и поэтому математически верная композиция совершенно не восхищала. – *Я ухожу.*

Тайра пошла к окну. Входные двери были намертво запечатаны, и выбраться из дворца Тайра могла через окна и балконы. Она оторвала кое-как прикрепленный вместо занавески кусок ткани и подергала раму. Окно не открылось: было забито гвоздями. Тайра осмотрела два соседних, но и из них торчали квадратные шляпки кривых ржавых гвоздей.

– *Да ты издеваешься...* – Тайра оглянулась назад и наконец-то увидела Зулейху. Она сидела на когда-то красном бархате дивана, сложив ноги по-турецки, и наблюдала, чуть склонив голову.

Зулейха рассмеялась, и Тайра, найдя ситуацию забавной, улыбнулась в ответ.

– *Это одиночная камера, если что,* – напомнила Тайра. – *Так ты меня не удержишь.*

– *Девочка,* – Зулейха улыбалась, но улыбка была недоброй. – *Девочка...*

– *Однозначно не мальчик. Чего тебе надо, Зулейха?*

– *Сколько тебе лет?*

– Двадцать.

– Много. Гвендолин был двадцать один год, когда она ушла.

– А она ушла?

– Ее отпустили.

– А тебя почему не отпустили?

– Тебе не сказали, – Зулейха перестала улыбаться.

– Сказали, ты пообещала убивать каждую следующую некромантессу, поэтому ты здесь.

– Пообещала, да, – она кивнула. – Не веришь?

– Верю. Но это не все. Это повод. А причины я не знаю.

Зулейха застыла, будто превратилась в статую, и минуту просто смотрела на Тайру. Песок шуршал, задевая окна снаружи, Тайра отошла подальше, чтобы солнце не нагревало плечо.

– Девочка, – прошипела Зулейха. – Ты должна умереть. Должна уйти. Только тогда все закончится.

– Что закончится?

– Ты любишь ветер? – вместо ответа спросила Зулейха. – Я не люблю. За ним не слышно крыльев, не слышно шагов. С ним тревожно.

– Каких крыльев? Чьих шагов?

– Ты веришь в Бога, – Зулейха указала пальцем на Тайрин крестик, невидимый сейчас под одеждой. – В того, который умер. А в дьявола ты веришь?

– Нет, не верю.

– *Надо наоборот,* – посоветовала Зулейха. – *Потому что Бога нет, а дьявол существует. Я видела его.*

– *В зеркале?* – усмехнулась Тайра.

– *Зеркала его боятся.*

– *Это как?*

– *Как тебе удалось?* – Зулейха перетекла вперед, оказалась на четвереньках и медленно поползла к Тайре. – *Как тебе удалось?*

Тайра пошла вдоль стены, осторожно приближаясь к лестнице на второй этаж и надеясь, что Зулейха не заколотила все выходы на балкон.

– *Чего тебе надо, Зулейха? Ты вытаскиваешь меня из постели, чтобы поговорить о Боге? Поздновато ты о нем вспомнила. Надо было при жизни.*

– *Бога нет,* – Зулейха поднялась на ноги и пошла к лестнице, Тайре наперерез.

– *Бога нет – значит, все дозволено. Знаем мы это, в школе проходили,* – Тайра прикинула свои шансы пробежать мимо Зулейхи. – *Только там все плохо кончилось, так же как и в твоём случае.*

– *Умри, аль-Кхасса,* – приказала Зулейха и внезапно выкрикнула: – *Сдохни! Ненавижу тебя! Сдохни!*

Зулейха в один прыжок оказалась у подножия лестницы, Тайра обошла ее сбоку и перемахнула через перила. Зулейха развернулась и успела схватить Тайру за пятку, Тайра грохнулась на каменные ступени, развернулась на спину и вто-

рой ногой заехала Зулейхе по лбу. Зулейха взвыла, выпустила ее ногу, Тайра двинула ей еще раз, столкнув с лестницы на пол, вскочила, перепрыгивая через две ступеньки, поднялась на второй этаж, добежала до ближайшего балкона и, выбив ветхие двери плечом, выпрыгнула вниз.

Проснулась она ровно в три утра, как и в предыдущие четыре раза. Голова раскалывалась от боли, будто это Зулейха с размаху двинула ей ногой по лбу, но от Зулейхи Тайра всегда возвращалась целой и невредимой, даже выпрыгивая с балконов второго и третьего этажей. Значит, просто совпало... Значит, очередной цикл...

Голова болела уже месяц. Пытка длилась ровно одни сутки и оканчивалась так же беспричинно, как и начиналась. Через несколько дней все повторялось снова, таблетки были бессильны, целительская магия тоже, и только временная смерть помогала пережить эти ужасные часы. Нахождение за Гранью приближало постэффект, выбивая из графика и провоцируя недовольство Наставника, а потому этим способом Тайра не злоупотребляла. В Торфиорде в эти дни Тайра не появлялась: воспринимать новый материал с больной головой было невозможно, в Ишанкаре же к ее зеленым глазам уже привыкли, и Тайре удавалось пересидеть пары, не привлекая к себе особого внимания.

Сначала Тайра думала, что это последствия тренировок с Гу: та не скупилась на подзатыльники и не стеснялась лу-

пить ее тренировочным тупым дрыном, в том числе и по голове, но приступы боли с внезапным началом и окончанием на последствия привычных после тренировок с Гюнтером травм походили плохо, а вот на первые шаги в направлении безумия – вполне. Старые книги говорили, у Зулейхи все тоже начиналось с головных болей, поэтому первым делом Тайра шла к зеркалу проверять цвет своих глаз, пытаясь уловить в них оттенки красного, но на красный не было даже намека, хотя голова пульсировала огненными шарами, явственно пририсовывая Тайриному отражению кровавый нимб. Открывать глаза было больно, и с каждым разом становилось все хуже и хуже, но Тайра боялась, что, если расскажет об этом Наставнику и тот подтвердит, что эта боль того же характера, что была у Зулейхи, ее обучению, а то и жизни, придет конец. Уходить не хотелось, но больше всего не хотелось разочаровать сэра 'т Хоофта. Март прошел в бесполезных попытках справиться со всем без его участия, но успеха Тайра ожидаемо не достигла и наконец сдалась.

Она промучилась до рассвета, лежа в кровати и пытаясь не шевелиться и дышать ровно и неглубоко, но первые солнечные лучи, пробивающиеся сквозь темные шторы, словно выжгли ей глаза. Вероятно, нечто подобное чувствовали Гиварш, Лея и остальные бессмертные... Тайра медленно встала, кое-как оделась, выпила воды и поплелась в Башню к сэру 'т Хоофту. Она готова была подарить ему свою голову, лишь бы только эта боль отпустила.

– И давно это у тебя? – озабоченно спросил маг, усадив ее на высокий табурет посреди прозекторской, где она его застала, и аккуратно прощупывая ее с помощью магии.

– Чуть больше месяца, – простонала Тайра.

– С тех пор как в Торфиорде объявился Кайо Ноэль?

– Да, сэр.

– Почему молчала раньше? – строго спросил Наставник.

– Со мной будет то же, что и с Зулейхой?

– Будешь так ошибаться – да! А то и что похуже! Надо было прийти ко мне, как только это началось! И как ты на занятия ходила?

– На половину я не ходила.

– Изумительно! – выругался Йен. – Почему ты не сказала мне об этом сразу, Тайра?

– Я боялась. Я не хочу как Зулейха.

– Что это еще за глупости! – 'т Хоофт не скрывал своего раздражения. – Какая Зулейха? Абсолютно разная симптоматика! Башку тебе оторвать!

– Я за этим и пришла, сэр.

'т Хоофт укоризненно посмотрел на Ученицу и покачал головой. Он еще чуть подумал, а потом сказал:

– Я так и знал, что он сотворит что-нибудь подобное. Он не мог уйти просто так. Он всегда находит слабое место и бьет в него.

– Кто он?

– Кайо, конечно, кто же еще, – как будто это было само

собой разумеющимся, ответил 'т Хоофт. – Или ты думала, что ваша встреча у Гу быстро забудется и пройдет без следа?

– Я вообще о нем не думала, сэр. Ноэль и Ноэль.

– Еще одна ошибка, Тайра. На этот раз прощу, потому что в твоём состоянии думать действительно сложно, а на будущее запомни, что Ноэля со счетов списывать нельзя. Он умный, хитрый, упертый и имеет достаточно влияния в современном магическом мире.

– А госпожа Гу сказала, что он фашист.

– Он не фашист. Монархист – да. Поклонник Бисмарка и приверженец утраченной империи – да. Сторонник тайных организаций – да. Был в «Аненербе» – да. Это все, что о нем доподлинно известно. Я даже не уверен, что Кайо Ноэль – это его настоящее имя... Как он оказался в «Аненербе», я понятия не имею, не докопался. В те времена «Аненербе» прибирало к рукам всех стоящих специалистов во всех областях, и не все из них разделяли взгляды правящей партии. После окончания войны Монсальват Кайо не казнил, хотя процесс был долгим. Материалы дела засекречены и по сей день. Это придает уверенности в том, что он не фашист, но какого черта он делал в «Аненербе» и чем конкретно он там занимался, мне неизвестно. А вот то, что многие наработки в области магии и кое-какие древние артефакты Кайо забрал с собой, это факт. Думаю, кое-что осело в реликварии Монсальвата в качестве репараций, или еще в каком ином качестве, но Кайо точно в обиде не остался. У него свой на-

учный центр, золотые счета в швейцарских банках, некромантов и трейсеров на небольшую армию и никому не понятные цели в голове.

– Вы его почти защищаете.

– Я объективен и не стану обвинять Ноэля в придуманных грехах. Его связь с «Аненербе» еще не означает, что он был с ними заодно. Другое дело, что он ничего не отрицает, и это не самым лучшим образом сказывается на его репутации. По мнению Гудрун, как и многих других, Ноэль избежал наказания за содеянное. Если бы не нота Монсальвата о том, что Ноэль подсуден только им, его бы уже давно убили. Нашли бы способ и убили.

– Нашли бы способ?

– Он почти бессмертен. Не стареет с сороковых годов и сколько еще проживет, одному богу известно. Раны на нем затягиваются быстрее, чем на вампирах. Вероятно, если отрубить ему голову, он не восстанет, но, пока есть мораторий Монсальвата на его убийство, проверить это желающих не нашлось.

– А от меня-то ему что надо? Если он и правда умный, не мог же он думать, что я брошу Ишанкар и уйду к нему?

– Что ему от тебя надо – вопрос интересный. Со мной у него давняя вражда, и он и впрямь считает, что я ему что-то должен, но я ему не должен ничего, я же из Ишанкара.

– Госпожа Гу рассказывала, что вы уложили его на пол одним ударом, – сказала Тайра и сжала виски ладонями.

– И был очень собой доволен, – серьезно ответил 'т Хоофт. – И еще бы раз ему двинул, и еще раз был бы собой доволен.

– Так чего он хочет?

– Ишанкарских некромантов, он же сказал.

– Глупо надеяться, что кто-нибудь из нас будет плясать под его дудку.

– Он играет на скрипке, – поправил ее Йен. – А ишанкарские некросы – это его идея-фикс, но настолько бредовая, что я в нее никогда не вникал. Но, раз он решил со мной поиграть, втянув в игру тебя, придется составить ему партию. А пока, – маг встал сзади, одной рукой закрыл Тайре глаза, другую положил на затылок. – Смотри и запоминай. Точно еще пригодится.

Тайра почувствовала, как он раскрылся и дал силе течь через свои пальцы. Ее голова стала похожа на чугунок, в котором повар мешает большой деревянной ложкой какое-то варево. Внутренним взором она видела радужный поток, выходящий вокруг себя, он проникал внутрь, заполняя собой каждый уголок ее тела, вытесняя боль и оставляя после себя приятную прохладу. Постепенно поток распался на составляющие, цвета пропали, остались только тонкие белые нити, сплетающиеся в искусный узор и собирающиеся у макушки. Ну конечно, Наставник не мог просто нейтрализовать заклинание, он должен был шарахнуть им по Ноэлю.

– Код выполнен мастерски, надо признать, – произнес

Йен. – Кайо – специалист по ментальным техникам и телепатии, так что, если бы он хотел тебя убить, он бы убил. Именно поэтому Гудрун не стала связываться со мной ментально, а требовала звонка: Кайо бы телепатию засек, подключился к каналу и подслушал, а телефонную линию Змея еще никто не взломал. Кайо очень хорошо тебя просканировал тогда в Торфиорде. Заболтал всякой ерундой, вызвал эмоции, заставил задуматься и снял все необходимые показатели, пока ты была занята его персоной, а не его действиями. Все вычислено просто идеально, все компоненты заклятья сбалансированы исключительно под тебя. Самовоспроизводящаяся система, я бы даже автору поаплодировал за такое исполнение, если бы им был не Ноэль.

Тайра видела, как сэр 'т Хоофт дозировал силу, вкладывая ее в заклинание ровно столько, сколько было необходимо, чтобы Кайо не умер, но почувствовал на себе всю прелесть своего творения. 'Т Хоофт явно издевался. Он придал энергии форму копья, по-немецки написал на его древке «Судьба» и послал заклинание обратно. Тайра не засекала, как и куда ушло заклятье, настолько плавно, красиво и чисто оно было выполнено, но вместе с копьем из головы улетучились все воспоминания о боли. Йен убрал руку с ее затылка.

– Глаза пока не открывай, – предупредил он и отнял руку и от ее лица, – а то будет плохо. Посиди так минут десять и потом из Башни не уходи, дождись меня. Вернусь – научу защите от таких заклинаний. Что-то у нас с тобой все идет

не по плану, а на опережение, и это нехорошо.

– А вы куда, сэр?

– А я продолжу играть партию со старым знакомым, – усмехнулся маг. – Кайо любит шахматы, я свой ход сделал, теперь его очередь. Если я задержусь, а тебе вдруг нечем будет заняться, препарируй тело. Биокарта и техзадание к ней на столе.

Хет Хоофт сделал шаг и растворился в тенях. Тайра в который раз поразились, как ее Наставник так легко это все проделывает. В этих мыслях протекли десять минут, отведенных ей на реабилитацию.

...Мобильник зазвонил сразу после того, как она закончила аутопсию, будто Наставник ждал, пока она примет душ и переоденется. «Приходи в приемную Ректора», – коротко сказал маг. Видеть Бергера совершенно не хотелось, но не выполнить распоряжение сэра 'т Хоофта было невозможно, да и раз сэр хет Хоофт после встречи со старым знакомым подался не в Башню, а сразу к Ректору, значит, дело предстояло серьезное. Тайра запечатала Башню и почти бегом направилась в Цитадель.

'Т Хоофт, заложив ногу за ногу, расслабленно сидел в кресле возле секретарского стола и неторопливо листал какой-то альбом с репродукциями. Джимми был похож на попугая, которого другие попугаи уже несколько раз пытались выбить с жердочки, но он стоически держался, хотя и по-

терял несколько перьев. Тайра молча оценила обстановку в приемной, подошла ближе к столу и кивнула Джимми. Тот указал глазами на 'т Хоофта, потом на дверь ректорского кабинета, а потом дотронулся ребром ладони до собственного горла. 'Т Хоофт закрыл альбом и вернул его Джимми на стол.

– И в чем проблема? – спросила Тайра, в надежде, что хоть кто-нибудь из двоих сумеет ей внятно ответить.

– Лично я проблемы не нахожу, – ответил маг, – а вот господина Секретаря моя просьба приводит в ужас.

– Какая просьба? – спросила Тайра уже у Джимми.

– Он, то есть, простите, сэр хет Хоофт, хочет, чтобы Бергер подписал ему одну бумагу... Но Ректор в отпуске и настоятельно – ты знаешь, что такое в его исполнении «настоятельно», – Джимми многозначительно посмотрел на аль-'Кхассу, – просил его не беспокоить.

– С чего бы это он был в отпуске в конце марта? – удивилась Тайра. Странности с выходными, оказывается, были не только у некромантов.

– Вот это меня меньше всего волнует!

– И все же, – вступил в диалог 'т Хоофт. – У меня слишком мало времени, чтобы рефлексировать по поводу отсутствия господина Ректора. Дело надо сделать.

– Без его резолюции вы не сможете, сэр, – категорично заявил Джимми.

– Значит, я получу его резолюцию, – спокойно сказал маг. – Звоните, Джеймс. Он не мог уехать, не оставив коор-

динат. Звоните. Я сам с ним поговорю.

– Вы меня под монастырь подводите, сэр 'т Хоофт! – воскликнул Джимми, всучил ему трубку и набрал номер. – Он меня в могилу сведет, – сказал Секретарь, обращаясь уже к Тайре.

– Я тебя оттуда достану, не переживай, – пообещала она.

– Как я узнаю, что он вам сказал? – спросил Джимми. – Я слышан про ваши проделки с сэром Котцей, сэр.

– Включите громкую связь, – предложил хет Хоофт. – Это вас удовлетворит?

Каменное спокойствие сэра 'т Хоофта могло вселить уверенность только в Джимми, Тайра же понимала, что ситуация была непростая. Единственное, что было нетипично для Наставника – это озорной блеск в глазах, словно сэр 'т Хоофт расставил силок и ждал, когда в него попадетсся редкая птица. Словно он начал играть.

– Господин Ректор, – спокойно произнес маг, когда Горан после долгих пятнадцати гудков поднял трубку. – Приветствую. Это хет Хоофт. Не стал бы беспокоить вас по пустякам, но некоторые обстоятельства требуют вашего участия в делах.

– Какие обстоятельства? – плохо сдерживая раздражение, спросил Ректор.

– Третья Сторона. Кайо Ноэль вышел на Тайру и выдвинул некоторые требования...

– Ноэль хочет аль'Кхассу? Так отдайте ее ему к чертовой

матери!

Отвечать сразу хет Хоофт не спешил. Джимми, испытывая неловкость, глупо улыбнулся и взглянул на Тайру. Она отвернулась: сердце сжалось и заболело.

– Боже, могу я хоть на неделю забыть про Ишанкар и про аль'Кхассу? – Горан сто процентов воздел очи к небу. – Ну хотя бы попытаться забыть про всех вас вместе взятых?

– Попытка не пытка, почему нет, – поделился маг и продолжил: – Я правильно понимаю, сэр Бергер, что на время вашего отсутствия ваши полномочия переданы Совету?

– Правильно, сэр 'т Хоофт.

– Тогда у меня все, – сказал Йен. – Прошу прощения, что побеспокоил. Приятного отдыха.

– Шутить изволите? Какой теперь, к черту, отдых? Я возвращаюсь. Минут двадцать у нас в запасе есть? Мне надо придумать очередное извинение. Я обещал Марго и Анри, в основном Анри, что не сорвусь с места в карьер по первому требованию. Я дал мальчику слово, а теперь мне снова придется его нарушить. А потом я вернусь.

– Зачем?

Повисла пауза. Горан явно опешил, Тайра с Джимми переглянулись.

– Вы ведь сами сказали, что обстоятельства требуют моего участия.

– Я в тот момент не знал, что вы пообещали Анри провести каникулы с ним. Слово Ректора Ишанкара нерушимо,

разве нет? Даже если оно дано мальчику не из Ишанкара.

– Я не так долго был на солнце, чтобы у меня начал плавиться мозг, сэр хет Хоофт, – спустя пару секунд, сказал Горан, и Тайре почудилось, что он, так же как и она, начал подзревать партию.

– Тогда вы все поняли правильно, – заключил Йен. – Хорошо вам отдохнуть. – И маг сам нажал на кнопку сброса звонка и положил трубку.

Он удовлетворенно взглянул на Ученицу, потом на Секретаря и голосом победителя сказал:

– Выводите, Джеймс. В двух экземплярах, пожалуйста.

Джимми посмотрел на Некроманта как на сумасшедшего, и запустил принтер. Т Хоофт выхватил из него бумаги быстрее, чем Джимми успел коснуться их руками, а Тайра увидеть, что на них напечатано, и спрятал их в Арсенал.

– А теперь, господин Секретарь, соберите-ка мне Совет. В полном составе. Пусть бросят все. У вас полчаса. Благодарю.

Он встал и направился к выходу, поманив за собой Ученицу.

– Сэр, – сказал ему вслед Джимми. – Совет Советом, но этот документ должен подписать Ректор!

– Ректор подпишет, – не оборачиваясь, ответил Йен и убийственно улыбнулся.

...Они сидели в пустом зале, где обычно проводился ректорат, ожидая остальных. Когда молчание начало тяготить,

Тайра сказала:

– Я не знала, что Ректор в отпуске.

– А я знал, – ответил 'т Хоофт. – Это его третья попытка ненадолго отделаться от Ишанкара. Предыдущие две были неудачными.

Тайра пару секунд соображала, а потом с удовольствием признала:

– Ловко же вы его развели, сэр!

– Как умею.

– Это Дар Элайя?

– Именно.

– Но вы же не играете!

– До твоего появления долго не играл, потом все изменилось, но хорошо, что все думают, будто я все еще нейтрален, – ухмыльнулся Йен.

– Вам на руку, что Бергера сейчас нет в Ишанкаре, да? Вам нужен был не он, а Совет? Потому что он никогда бы не согласился подписать эту бумагу?

– Да. Совет все равно пришлось бы собирать, и Ректор встал бы на сторону Совета, а так Совет встанет на сторону Ректора.

– Это как, сэр?

– Не торопи события, Кхасси. Сама все увидишь.

– Мне нельзя присутствовать на Совете.

– Сегодня можно. Без тебя Совета не будет.

– Меня же вроде бы ни в чем не обвиняют...

Йен хохотнул.

– Будешь стоять рядом, молчать и слушать. И не встревай, а то у тебя ума хватит, – предупредил он. – Понятно?

– Да, сэр.

Тайра встала чуть сбоку и сзади кресла, в котором сидел Наставник. Она еще никогда не присутствовала на нормальном Совете, с овальным столом посреди зала и ректорским креслом во главе. Когда-нибудь, возможно, настанет такой день, что она сама будет сидеть в кресле, которое сейчас занимает сэр хет Хоофт, но в данный момент ей было отведено место только за его спинкой.

Пустыми остались два места: ректорское и по правую руку от него, напротив кресла хет Хоофта. Тайра знала, что оно предназначалось Змею. Гиварш появился последним. Он единственный не выразил удивления тому, что в зале делает аль'Кхасса, игриво подмигнул ей и занял свое кресло, не сводя с нее глаз. Йен показал ему кулак, Морис довольно ослабился.

– Что на этот раз, господин Хранитель? – ехидно спросил Гиварш.

– В этот раз я абсолютно ни при чем, – отбилса Саид.

– Совет собрал я, – сообщил хет Хоофт.

– Вот как? – Морис ослабился еще больше и уважительно кивнул.

– Ждем Ректора? – Нурали-ходжи взглянул на пустующее кресло во главе стола.

– Если вы о Бергере, то его не будет.

– А если мы о Горане? – не унимался Морис.

– Его тоже не будет, – не поддался на провокацию Йен. –

Они в отпуске. Но мое дело касается Ишанкара целиком и не терпит отлагательств. Господин Ректор передал свои полномочия Совету. Господин Секретарь может это подтвердить.

Джимми обреченно кивнул.

– Что здесь забыла госпожа аль'Кхасса? – поинтересовался аль-Малик. – Она еще не введена в состав Совета.

– Ну хоть в чем-то ты ее превосходишь, – тихо, но так, чтобы все слышали, сказал Гиварш себе под нос.

– Я поясню, – казалось, вывести хет Хоофта из себя было просто невозможно. – Недавно нас побеспокоила Третья Сторона. Мой старый друг герр Кайо Ноэль решил нанести Ишанкару визит.

– Он уже встречался с аль'Кхассой полтора месяца назад, – встала Айзекс. – Речь идет об этом?

– Не совсем. Торфиорд был началом. Тайра дала Кайо однозначный отказ, но он не принял его всерьез, и, когда его вмешательство в ее жизнь стало уж слишком навязчивым, мне пришлось с ним поговорить.

Совет хихикнул. Видимо, все были в курсе особенностей разговора 'т Хоофта и Ноэля.

– И чего он хочет? Все еще ишанкарского некроманта?

– Не знаю, – ответил 'т Хоофт. – С первого взгляда ка-

жется, что да. Ноэль иногда заставляет всех думать, что он полный придурок, хотя это не так. Он очень умный и осторожный человек. Я не знаю, зачем ему именно ишанкарский некромант и чем его не устраивает Дрезден, например... Но и мой Наставник, и я, и моя Ученица показали ему, куда ему идти. Тайра вот предложила ему в качестве направления Сталинград.

Макс заржал. Все обернулись в его сторону, и ему пришлось срочно заткнуться.

– Ноэль, однако, и до визита в Торфиорд прекрасно знал, что получит отказ, – продолжил Йен. – Он будет получать от наших некромантов отказы до тех пор, пока стоит Ишанкар, наш Закон относительно некромантов суров и однозначен, поэтому я не знаю, на что он рассчитывал.

– Может, хотел отнять у вас Ученицу? – предположил д'Эвре. – Не получилось переманить, значит, можно попробовать вывести ее из строя или вообще убить. Как я помню, у Ноэля к вам старые счеты.

– А он и пытался вывести ее из строя. Это такая игра, господин Командор. По ее правилам Кайо хочет, чтобы я так думал, и я сделал вид, что так я и думаю.

– А как на самом деле?

– Ноэль перехитрил сам себя. Он знает, что Тайре полтора года до выпуска в Торфиорде, но он также знает, сколько ей лет, и поэтому думает, что в Ишанкаре она всего лишь в середине первого года Второго Круга и что серьезные тех-

ники ей еще неизвестны, ведь в Торфиорде их тоже не преподают. Но Тайра знает достаточно, чтобы справиться с Ноэлем, если такая необходимость возникнет. Однако я не стал его разубеждать. Сказал, что девочка еще маленькая, нестабильная, да и вообще, зачем ему лишние проблемы с ее постэффектом? Кайо сделал вид, что серьезно над этим задумался, и в итоге признал мою правоту.

– Ну прямо лучшие друзья, – с неприязнью произнес д’Эвре.

Тайра заметила, что Гиварш перестал скалиться и сосредоточенно слушал. Ключевой фразой в речах сэра ’т Хоофта были слова «сделал вид».

– Ноэль сказал, что прекратит свои домогательства при одном условии: в обмен на Черную Книгу Ишанкара.

В зале Совета воцарилось молчание. Тайра слышала стук снежинок в окно.

– И что вы ему на это ответили? – осторожно спросил аль-Малик.

– Я сказал, что отдам ему Черную Книгу.

Стало необычайно тихо. Джимми царапнул пером по листу, и этот звук показался Тайре скрежетом металла о металл.

– Ты собираешься выменять у Ноэля аль’Кхассу на черную Книгу?! – не поверил Нурали-ходжи.

– Именно так.

– Это невозможно! – он вскочил со своего места и налег

на стол. – Невозможно! Это же Черная Книга! Как можно менять человека на книгу?!

– Это реликвия Ишанкара, сэра 'т Хоофт, – поддержала его Эстер.

– Аль'Кхасса, конечно, важна для Ишанкара, но покупать ее такой ценой невыносимо! – не унимался Нурали.

– Сэр, – подала голос Тайра. – Я тоже считаю, что...

– Молчать! – жестко приказал 'т Хоофт, чуть повернув к ней голову.

Тайра запнулась на полуслове, и вместе с ней замолчали Эстер и Нурали, как если бы приказ сэра 'т Хоофта относился и к ним.

– Далась вам эта Черная Книга, – как ни в чем не бывало, спокойным тоном продолжил маг. – Кто из вас в последнее время заглядывал в нее? Эстер? Саид? Макс?

– Я вообще ее в руки не брал никогда в жизни, – казалось, Макс сам был поражен этим фактом.

– Теперь и не возьмешь, – снова осклабился Гиварш и посмотрел на Тайру. – Видишь, моя сладкая, не ты одна в Ишанкаре не брала в руки Черную Книгу.

– Но я все равно против! – завопил Макс. – Как можно отдать ее недобитому фашисту?

– Нелогично, – спокойно возразил 'т Хоофт. – Ты не представляешь, что в ней, ни разу этим не поинтересовался, а туда же – против.

– Черная Книга никогда не покидала пределов Ишанка-

ра! – Нурали-ходжи стукнул ладонью по столу. – И не покинет!

– Знаете, на что все это похоже? – спросил маг и тут же ответил: – Я собираюсь выкинуть из дома старый хлам, о котором вы забыли и который был вам не нужен, и вдруг он попадается вам на глаза в мусорной корзине, и вы вытаскиваете его оттуда, чтобы поместить обратно на почетную полку, через год убрать в чулан, ведь выкинуть его нельзя, хоть он никому не нужен, но это память, реликвия или что еще... А еще через десять лет ситуация повторится.

– Хлам?! Хлам?! – Нурали был вне себя от гнева. – Это ценнейшая книга! Древнейшая! Это наша история! Ты получишь ее только через мой труп!

– Ну это, положим, устроить легко, – бесстрастно сообщил хет Хоофт.

– Скольких ты готов положить ради своей Ученицы, Йен? На что ты готов пойти? Хватит делать вид, что она нормальный человек! Только ты один заблуждаешься на ее счет! Остальные знают, что за монстра ты пригрел! Она же проклята Аллахом! Похоже, ее безумие перешло к тебе!

– Успокойся, эфенди, – попросил 'т Хоофт. – Ни я, ни моя Ученица не воспримем твои слова всерьез, потому что твоими устами сейчас говорит гнев. Твое желание сохранить Черную Книгу похвально, но вопрос уже решен. Я ее отдам.

– Ты не посмеешь!

– Почему же? – спросил маг.

– Она тебе не принадлежит!

– Но я ей распоряжаюсь. Я Некромант Ишанкара, и я буду делать со своей книгой все, что захочу. Сейчас я хочу предложить ее Кайо Ноэлю.

Библиотекарь не нашел слов, чтобы ответить. Совет молчал. Спорить с хет Хоофтом было бесполезно – он не принимал никаких возражений. Тайра не переставала удивляться, какую на самом деле власть имел в Ишанкаре ее Наставник. В тишине раздались одинокие аплодисменты.

– Bravo, – без какого-либо ехидства сказал Гиварш. – Bravo, Йен. Я чуть было не забыл, как ты это делаешь. Bravo.

Все обернулись к нему.

– А ты смотри и учись, – обратился он к Тайре. – Сэр Йен хет Хоофт решил сыграть в Дар Элайя, может, другого раза не будет. И судя по всему, партия будет за ним.

– Не вижу здесь игры, – зло сказал Нурали. – Отдать Черную Книгу – это не игра, это проигрыш чистой воды!

– Йен не сказал «отдать» Черную Книгу, – раздраженно пояснил Морис. – Он сказал «предложить». Я тебя правильно понял, Йен?

– Правильно, – кивнул маг.

– А для тех, кто не играет в Дар Элайя, кто-нибудь объяснит, что происходит? – попросил Макс.

– Йен предложит Кайо Черную Книгу, но не укажет на нее. Кайо должен будет выбрать сам. Выберет верно – забирает себе. Не выберет – остается ни с чем.

– Выберет из чего? – не поняла Эстер.

– Из других Черных Книг, – пояснил Морис.

– Подделки? – спросил д’Эвре.

– Нет, господин Командор, – осклабился Гиварш. – Настоящие!

От удивления Тайра чуть не открыла рот. Она всегда была уверена, что Черная Книга Ишанкара одна, та самая, которая была ее заветной мечтой. Видимо, она была заветной мечтой и для Кайо Ноэля.

– Именно так, – ’т Хоофт с признательностью взглянул на Мориса. – Настоящие. Моя, Макалистера, Змея, Мориса и собственно Черная Книга. Всего пять штук. Кайо придется выбрать.

– Кайо не может отличить указательный палец от безымянного, – презрительно сказала Эстер. – Он никогда не выберет Черную Книгу.

– Да, но с ним наверняка будет Сайхо, а она точно выберет то, что надо, – веско сказал д’Эвре.

– На это я и ставлю, – спокойно подтвердил ’т Хоофт.

– Чтобы она выбрала именно Черную Книгу?! – не поверил Нурали.

Хет Хоофт молча кивнул.

– И это, как я понимаю, самая сложная часть? – спросил Морис у Йена.

– Точно. Но где наша ни пропадала.

– Нет, ну ведь есть же хоть небольшой, но все же шанс,

что Сайхо выберет не Черную, а другую книгу? – с надеждой спросил Макс.

– Еще лучше! – Нурали не дал хет Хоофту ответить. – Страшно представить, что тогда будет с Ишанкаром!

– Ничего не будет, – скривился Морис. – Мы-то знаем, что написано в наших книгах, так что сможем противостоять любому дилетанту, а книгу Йена еще надо уметь прочесть, – Гиварш опять продемонстрировал свои блестящие клыки. – Она у него нацарапана на шанкари!

– Почему никто из вас не задался вопросом, зачем Ноэлю Черная Книга Ишанкара? – спросил Йен. – А ведь он помещан на ней так же, как и на ишанкарских некромантах.

– Контролировать магическое сообщество с помощью этой книги у него не выйдет, но, раз книгой распоряжаются Некроманты, в ней наверняка собраны самые сильные некромантские заклятья, – сказал д'Эвре. – А знания лишними не бывают.

– Ноэль не идиот, – вставил Гиварш, – хотя он и зациклен на желании иметь ишанкарских некромантов на коротком поводке. Может, он рассчитывает, что с помощью черной Книги Ишанкара получит себе и некротов, и Ишанкар, ну а потом, возможно, и весь магический мир... Хотя и это тоже слишком простой сценарий.

– И зная об этом, Йен отдает ему эту книгу, – укоризненно произнес Нурали.

– Я не знаю доподлинно, зачем Ноэлю некроманты Ишан-

кара и наша Черная Книга, – признался хет Хоофт. – Но я хочу, чтобы он кусал локти всю оставшуюся жизнь, и именно поэтому Черную Книгу я ему отдам. Я-то знаю, что с ее помощью нельзя ни подчинить кого-либо, ни уж тем более завладеть миром.

Тайра потеряла висок. Ей был почти понятен план сэра 'т Хоофта, но без знания того, что именно содержится в Черной Книге, партия оставалась открытой не до конца. К тому же заявления Гиварша о том, что существует еще несколько настоящих Черных Книг, вообще приводили ее в замешательство. Она посмотрела на Мориса в надежде, что он объяснит ей суть партии. Гиварш заметил ее взгляд и обратился к 'т Хоофту:

– Я ей расскажу? В общих чертах?

– В общих чертах, – согласился Йен.

– Смысл заключается в том, что Черная Книга Ишанкара, та, которую создал Сэл, действительно одна, но многим из нас, и Йену в том числе, до определенного времени трогать ее было запрещено. Это было очень обидно, поэтому мы имитировали ее, создавали свои. У каждого уважающего себя мага должна быть книга заклинаний и мудрости, согласна? У тебя же тоже есть такая штука, Йен ведь подарил тебе пустой талмуд в черной обложке еще в самом начале обучения, спорю на что угодно, – он обольстительно улыбнулся, и Тайра почувствовала, что краснеет, словно Гиварш и правда подсмотрел ее страшную тайну. – Внешне наши книги ни-

чем не отличаются от настоящей, и содержание у них серьезное, так что они тоже настоящие, но Ноэлю это, само собой, неизвестно. Это еще один наш ишанкарский секрет.

– Вы спятели оба, – сказал аль-Малик. – Отдать на сторону книгу сэра 'т Хоофта, да еще и написанную на шанкари! Та же Гудрун сможет ее прочесть!

– Прочесть мало. Надо правильно произнести и применить. Это же шанкари.

– Я надеюсь, – сказал хет Хоофт, – Совету понятен предмет собрания? Мне нужно ваше согласие, так как у меня мало времени, а у вас сейчас находятся полномочия Ректора Ишанкара.

– С вами попробуй не согласишься, – буркнула Эстер. – Я согласна. Делайте как считаете нужным. Я все равно ничего в этих играх не понимаю.

– Мы тоже согласны, – неожиданно для Тайры сказал аль-Малик. – Сэр 'т Хоофт ни разу не подставил Ишанкар и не рискнул его благополучием.

– Поэтому надо дать ему такой шанс! – зло бросил Нурали.

– Я полностью за, – в свою очередь сказал Гиварш. – Похоже, кроме Йена, я один понимаю расклад партии, а вы все радуйтесь, что хет Хоофт снизошел до того, чтобы провести мастер-класс. Он мог бы просто заставить вас дать согласие и ничего не объяснять.

Один за одним члены Совета принимали сторону 'т Хоофт-

та. Нурали-ходжи со своим протестом остался в абсолютном меньшинстве.

– Ну согласие Совета ты получил, Йен, но в данном случае этого недостаточно. По Закону, чтобы вынести Черную Книгу из Ишанкара, тебе нужно разрешение Ректора, его подпись, и никакой Совет тебе эту бумагу вместо него не подпишет! Я знаю Закон!

– Я тоже знаю Закон, – спокойно ответил 'т Хоофт, но Тайре показалось, что эти слова прозвучали как угроза. – И поэтому Ректор подпишет этот документ.

Йен выложил на стол два распечатанных Джимми листа. У Тайры перехватило дыхание, когда она поняла, кто именно подпишет эти бумаги. Она еле сдержалась, чтобы не расплыться в улыбке. Наставник просчитал все: и реакцию Горана, и поведение Совета, и возможные результаты. Ей оставалось только молчать и наблюдать. Да, воистину, сэр Йен хет Хоофт блестяще играл в Дар Элайя!

– С Ректором-то у нас и проблема, – заметил Нурали. – Или ты думаешь, что он прибежит по первому твоему зову?

– Я его звать не собираюсь. Ради меня он пальцем не пошевелит, а вот моя Ученица с ним на «ты».

Саид нахмурился.

– Твоя очередь, – обратился к Тайре 'т Хоофт. – Зови, а то мы соскучились без его общества.

Тайра спрятала правую руку за спинку его кресла, рассекла вены и послала зов. Несколько секунд ничего не происхо-

дило. Тайра намеренно не смотрела в сторону ректорского кресла, хотела насладиться выражением лиц членов Совета, и когда Макс наконец перекрестился, а лицо Нурали-ходжи стало каменным и он вцепился в четки, Тайра повернулась туда, куда были обращены все их взоры.

В Ректорском кресле прозрачный, но прекрасно различимый до мельчайших морщинок, с фирменной усмешкой на лице восседал Сэл.

– Погляжу, тут не все рады меня видеть, – довольно начал он. – Ну так и я не всех... Не всех. Что, Максимилиан? Всю жизнь в Ишанкаре, а к некромантским фокусам еще не привык? Стыдно. Я полагал, молодежь восприимчивее ко всему нестандартному.

Макс во все глаза тарачился на Сэла, но Тайра подумала, что он с удовольствием опустил бы взгляд, потому что Сэл его пугал.

– А ты, Нурали? Тебе тоже должно быть стыдно. Страх тебя ослепляет и лишает разума, как и сорок лет назад. Если ишанкарцы перестанут доверять своим собственным некромантам и начнут их бояться, лавочку надо будет прикрыть. И расслабь кисть – четки задушишь.

Нурали-ходжи дернул рукой, и четки, лежащие на коленях, упали на пол. Сэл картинно вздохнул и оглядел членов Совета.

– Гиварш несколько не изменился. Ты такая же дрянь, как и я, так что тебе респект. Стабильность в наши дни – про-

стите покорно – в ваши дни! – большая редкость.

– Хоть бы раз сказал, что я такой же умный и дальновидный, – незло огрызнулся Морис. – Вечно говоришь одни гадости.

– А ты молчи и слушай! – рявкнул Сэл. – А то дисциплина, смотрю, только в подразделении д'Эвре и у хет Хоофта в Башне!

Тайра сдерживала улыбку из последних сил. Почему-то ей было приятно от осознания того, что Сэл сейчас выплет Совету. Тогда уж точно обиженными уйдут все, а не только она и сэр хет Хоофт, которых как только сегодня ни обозвали.

– Развели базар. Был бы здесь Бергер, вы бы соблюдали протокол! Кот из дома, мыши в пляс! Я не утверждаю, что вы обязаны обращаться друг к другу на «вы» и в неформальной обстановке, но оспаривать полномочия ишанкарского Некроманта в Зале Совета – это уже слишком! И прикрываться при этом Законом! Так, Нурали?

Старший Библиотекарь молчал. Тайра подумала, что Нурали-ходжи считает, что прав из всех членов Совета только он один.

– Черная Книга была отдана мной Некромантам Ишанкара. Она хранится в Библиотеке только потому, что она принадлежит всем нашим Некромантам и всему Ишанкару, но распоряжается ей действующий Некромант! – Сэл существенно возвысил голос. – И если Йен считает, что книгу нужно выбросить вон – ее нужно выбросить! И вы не имее-

те права возражать! Его мнение в этом вопросе решающее, потому что он один знает истинную ценность книги!

Сэл поднялся из кресла и медленно пошел вдоль стола, заложив руки за спину.

– Эта книга нужна не для того, чтобы вы на нее молились. Она должна работать. Как и любая книга, она должна приносить пользу, – Сэл старался говорить спокойно, но Тайра знала, что его раздражает гнев. – Йен изучил ее вдоль и поперек! Он постиг ее мудрость! Да, если он не сумеет вернуть ее обратно в Ишанкар, мы многое потеряем, но, если мы потеряем ее, – Сэл ткнул пальцем в сторону аль'Кхассы, – Ишанкар кончится раньше, чем ему отмерено! И зачем тогда вам эта книга?

Сэл дошел до противоположного конца стола и оперся о спинку кресла аль-Малика. Саид замер и, кажется, почти перестал дышать.

– Вы хоть представляете себе, что Ишанкар может остаться без Некроманта? Йен у нас тихушник, он уж точно не рассказывал вам, как его уламывали взять аль'Кхассу на обучение. И не уломали! Ни я, ни Котца, ни Горан! Это провидение, что он и Тайра сейчас вместе. И как вы думаете, возьмет Йен еще одного Ученика, если ее не станет? Черта с два! У Ишанкара не будет Некроманта. Связь прервется. Знания и опыт будут утеряны. Если рука поражена гангреной, ее отрезают, чтобы спасти тело, в котором, кстати, заключена душа! Так какого черта вы вцепились в эту книгу?!

Эстер тихо выдохнула и вжалась в кресло. Абсолютно невозмутимым остался только хет Хоофт.

– Бергер бы вас быстро поставил на место, – без тени сомнения сообщил Сэл. – Речь сейчас идет не об аль'Кхассе, а об Ишанкаре. Если кто-то из вас испытывает к аль'Кхассе неприязнь или смешанные чувства – это ваше право, но верность Ишанкару – это ваш Долг! И если в какой-то момент слова «аль'Кхасса» и «Ишанкар» становятся синонимами, то это лишний повод для испытания вашей верности Ишанкару! Не аль'Кхассе! Не хет Хоофту! Не Ректору! Ишанкару! И будьте добры этот Долг соблюдать!

Сэл прошелся обратно, вдоль другой стороны стола, до ректорского кресла.

– Конечно, есть и такой вариант решения проблемы: вы устраняете Третью Сторону и лет пятьдесят живете спокойно. Потом появляются очередные безумные шуты... А смысл? Сила Ишанкара в его мудрости и его единстве. Победить силой ума достойнее, чем победить смертью. В этом, кстати, Ишанкару тоже нет равных. Но Дар Элайя – это искусство для избранных, а не развлечение для обывателей. Я полностью согласен с Йеном: надо сделать так, чтобы у Третьей Стороны отпало желание играть с нами в наши же игры. А если им хватит смелости – или не хватит ума, тут как посмотреть, – выйти с нами в открытое противостояние, то я мешать не буду. Воюйте на здоровье, – и Сэл хищно улыбнулся.

Такой тишины в зале не было, вероятно, даже при сэре Бергере. Тайра опять услышала, как в оконные стекла скребутся колючие снежинки.

– Кстати, Эстер, – вдруг сказал Сэл. – Ты замечательно выглядишь. Студенты еще не свели тебя с ума?

– К счастью, – честно призналась Эстер, – до тебя им далеко, так что пока нет.

Сэл усмехнулся и обвел взглядом Совет.

– Я вас всех люблю, – сказал он, – даже тогда, когда вы совершаете глупые поступки и непростительные ошибки. Так уж выходит, что я прихожу только для того, чтобы вас отругать, но ведь у каждого должен быть свой демон, не так ли? У некоторых это совесть, а у вас я, а посему примите это как должное.

– Мы тебя тоже любим, – ответил Гиварш.

– Но когда ты наконец по-настоящему сдохнешь, будем любить еще сильнее, – добавил д'Эвре.

– Поэтому не отнимайте у меня моих некромантов. Даст бог, они эту проблему решат. А теперь, собственно, к делу. – Он посмотрел на аль'Кхассу, оценил количество потерянной ей крови и опустил в ректорское кресло. – Так как разрешение должен подписать Ректор Ишанкара, а я от должности Ректора Ишанкара все еще не освобожден, – может, в этом и состоит проблема с моей смертью, – документ подпишу я, и согласно Закону он будет действительным. Я прав, уважаемый аль-Малик?

– Абсолютно, – подтвердил Хранитель.

– Ну тогда...

Сэл пододвинул к себе выложенные 'т Хоофтом листы, выхватил из воздуха перо и уже собрался обмакнуть его в Тайрину кровь, как 'т Хоофт перехватил его руку.

– В чем дело? – не понял Сэл.

– Подписывай моей, – сказал маг и рассек себе ладонь.

Сэл пару секунд думал, а потом усмехнулся и обмакнул перо в кровь хет Хоофта.

– Ну-ну, – довольно сказал он, выводя свою подпись под разрешением. – Я бы не обратил на это внимание. Я в тебе не ошибся, Йен. Не пора ли нам заключить мир?

– Не думаю.

Патриарх опять усмехнулся, вернул бумаги 'т Хоофту и встал из-за стола.

– Не забывайте, кто вы, – серьезно сказал он. – Вы семья. Не самая идеальная, конечно, но семью не выбирают.

Он дошел до двери – Сэл любил эффектно появляться и исчезать – и обернулся.

– Хоть бы на праздник какой позвали. Все время мне достаются только конфликты.

Тайра остановила кровь, залечила рассеченную руку, и Сэл растаял в воздухе, едва коснувшись дверной ручки.

Хет Хоофт передал один экземпляр разрешения Библиотекарю и сказал:

– Мориса и Нурали жду с книгами в Башне через двадцать

минут. Тайра свободна до вечера. В шесть у тебя мои пары. До этого добьешь два оставшихся препарата. – Макс при этих словах поморщился. – Остальных благодарю за содействие.

Он чуть кивнул в знак благодарности и закрыл Совет.

Гудрун курила уже третью сигарету подряд: ей очень не нравилось, что Йен хет Хоофт пошел на поводу у Третьей Стороны. Она могла ожидать от Ишанкара чего угодно, но то, что они спокойно согласятся расстаться со своей реликвией, предположить могла только во сне, и сон этот был страшным. Гудрун была наслышана про Черную Книгу, но не могла даже представить, что в ней содержится, а учитывая, что 'т Хоофт строго-настрога запретил аль'Кхассе даже прикасаться к ней, лучше бы она вообще никогда не была написана. Теперь же, отданная в перспективе Кайо Ноэлю, она представлялась Гудрун бомбой замедленного действия, и взрывной волной должно было накрыть всех, в этом Гу ни капли не сомневалась.

Ее злило также и то, что ей во всей этой истории выпала роль посредника. Она абсолютно не хотела быть арбитром между Ишанкаром и Третьей Стороной, принимать их на своей территории, и уж тем более не хотела видеть у себя в кабинете Черную Книгу Ишанкара, а Йен принес их аж целых пять, и от того, как накалился и зазвенел воздух вокруг них, Гудрун стало жутко: с такой магией она сталкивалась

считанные разы.

’Т Хоофт пришел не один. Нурали-ходжи еле сдерживал себя, чтобы не взорваться, и предметом его гнева был не Ноэль, а ’т Хоофт. Нурали считал его предателем. Маг спокойно сидел в кресле и со скучающим видом рассматривал книжные полки. Нурали стоял позади него, исподлобья глядя то ’т Хоофту в спину, то на Ноэля, то на Гудрун. Сайхо застыла в одной позе спиной ко всем минут пятнадцать назад и с тех пор ни одним движением не выдала, что жива. Черная коса толщиной в руку стекала по позвоночнику ниже пояса.

Гудрун недоумевала, как умнейшая женщина, потомственная шаманка с Алтая, могла связаться с Кайо Ноэлем. Сайхо была не просто правой рукой Ноэля. Она была его интуицией и в некоторых случаях мозгом, а еще она была его женщиной, – и вот этого Гудрун не понимала совершенно. Однако, если кто и мог безошибочно определить, какой именно из разложенных на столе фолиантов и есть та самая Черная Книга, то только Сайхо. На взгляд Гудрун все пять выглядели абсолютно одинаково. Кайо предугадал, что ’т Хоофт приготовит какой-нибудь сюрприз, и перестраховался: Сайхо в борьбе с книгами была универсальным оружием.

– У меня мало времени, – резко сказала Гудрун. – Мой кабинет – не место для игры в молчанку. Разбирайте свою макулатуру и проваливайте все!

– Могла бы быть и полюбезнее, – упрекнул ее Ноэль. –

Речь ведь идет о твоей подопечной.

– Она мне никто, – в том же тоне отбилась Гудрун. – Я не в восторге оттого, что мне приходится приглядывать за Йеновой зверушкой!

Кайо усмехнулся:

– Лгать в Лиге не учат, да, Гудрун?

– Забирай книгу и катись отсюда!

– Я бы тоже хотел вернуться к делам, – поддержал Гудрун 'т Хоофт.

Сайхо лениво отвернулась от окна.

– *Вы меня утомляете,* – с еле заметным акцентом по-немецки произнесла она.

Она подошла к столу и застыла над книгами.

Йен понимал, что Сайхо узнала, какая из книг истинная, как только Нурали вошел в кабинет Гудрун. Перед ней не было проблемы выбора, она могла бы сразу указать на Черную Книгу, ее чутье было абсолютным. Сайхо было интересно, что же находится в других. Она пыталась пройти сквозь наложенную на книги защиту, но терялась в окружающих их потоках силы. Йен втайне жалел, что Сайхо не принадлежит Ишанкару. Лишней она точно бы не была.

Кайо нервничал. Он старался не показывать вида, но глаза выдавали его целиком. Кайо хотел Черную Книгу. 'т Хоофту была недоступна такая степень желаний.

Сайхо провела рукой над всеми томами. Она наслаждалась привязанной к ним и скрытой внутри них магией. Ей

было сложно оторваться от этого потока и вернуться обратно в мир, где магические силы были ограничены. Кайо подошел и встал рядом.

Хет Хоофт увидел, что Кайо сразу клюнул на его книгу: маг постарался, чтобы от нее нельзя было отвести взгляд. Йен не был суеверен, но радоваться раньше времени считал лишним, однако бороться с собой было невероятно трудно – он уже чувствовал себя победителем. Где-то внутри зарождалась эйфория, как в молодости, когда он сидел на Дар Элайя, как на наркотике. Именно поэтому он перестал играть: научился радоваться жизни без впрыска адреналина и гордыни в кровь.

– *Эта*, – коротко сказала Сайхо и указала пальцем на вторую книгу слева.

– *Уверена?* – спросил Кайо.

Сайхо взглянула на него с презрением, отвернулась и отошла к обратно к окну.

Йен подумал, что Кайо совершил ошибку, которую Сайхо простит ему нескоро, если вообще простит.

Но Кайо колебался. Он сам вытянул руку над книгами, и его с ног до головы обдало магией, так что волосы на голове колыхнулись, словно под ветром. Он хотел книгу Йена.

– *Скажи мне, Сайхо, – спросил он. – Почему Черная Книга не фонит? Будто в ней нет никакой силы?*

– *Ты сомневаешься в моих словах?* – Сайхо обернулась к нему. – *Взгляни на Нурали. Этого тебе должно хватить.*

Кайо посмотрел на Библиотекаря, но не увидел ничего, кроме неприязни к себе и 'т Хоофту.

– Я бы никогда не смогла определить, какая из книг именно та самая, – соврала Сайхо, – потому что другие книги в разы сильнее, но Библиотекарь не может ошибиться. Он знает, какая из книг Черная.

Кайо снова взглянул на книги. Он всегда думал, что Черная Книга должна обладать невероятным потенциалом, быть сборником магических знаний и сосудом силы. Слова Сайхо шли вразрез с его прежними представлениями. Черная Книга единственная из всех, лежащих перед ним, была самой обыкновенной книгой. Кайо был практиком, но Сайхо никогда не ошибалась. Превозмогая желание взять другую, он протянул руку к книге, на которую указала Сайхо.

Дверь с шумом распахнулась, и в кабинет Гудрун вошел Гиварш. Нурали вздрогнул и обернулся, Кайо замер, остановив пальцы в миллиметре от обложки. Хет Хоофт устало вздохнул, взглянул на Мориса, с ехидной усмешкой остановившегося возле его кресла, и сказал:

– Я же просил тебя не приходить, Морис.

– Извини. Не мог пропустить такое зрелище. Когда еще я увижу Черную Книгу Ишанкара?

– Судя по всему, больше никогда, – ответил 'т Хоофт.

Гиварш посмотрел на Ноэля и неприятно улыбнулся:

– Жаль. Жаль, что она уходит.

– 'Т Хоофт, – Кайо смотрел мага в глаза. – Я думал, коме-

дианты у вас только Ректоры. Что ты тут устроил?

– А что тебя так раздражает, Кайо? – вкрадчиво спросил Гиварш. – Йен тут вообще ни при чем. Просто я и правда не мог не проводить книжку в последний путь, так что я не назвал бы это комедией, а, глядя на Нурали, можно смело утверждать, что для Ишанкара это трагедия. Книга принадлежала нам больше двух тысяч лет, а теперь уходит в руки какого-то подонка. В твои руки.

Нурали резко развернулся и вышел, хлопнув дверью.

– Что это значит? – спросила Гудрун, и 'т Хоофт уловил в ее голосе неподдельный испуг.

– Это значит, что Сайхо выбрала верно, – ответил он.

– Ты сомневалась, что может быть по-другому? – поинтересовался Морис. – Сайхо выбрала Черную Книгу. Bravo. Я вот не сомневался. – Гиварш прошелся до стола и встал напротив Кайо. – Но ты ведь хотел взять другую?

– Да, – отрывисто сказал Ноэль. – Другую. Вот эту, – он указал на крайнюю справа.

– А-а, это книга Йена, – Морис любовно погладил ее по обложке. – Но Сайхо выбрала верно. Забирай Черную, и разойдемся.

Кайо смотрел на Мориса и не мог понять, разыгрывает он его или нет.

'Т Хоофт молча наслаждался. Морис тоже вспомнил молодость, и, хоть они заранее не договаривались, партии он не портил.

– Это как шахматы, – произнес Гиварш. – Дотронулся до фигуры – ходи. Если бы книгу выбирал я, то я выбрал бы вот эту, – и он указательным пальцем коснулся книги, лежащей рядом с Черной. – Толку от нее было бы гораздо больше, чем от книги 'т Хоофта.

Сайхо заинтересованно обернулась. Она чувствовала, что Гиварш говорит чистую правду.

– И чья эта?

– Змея.

– Я не думала, что он настолько силен.

– Да, да, моя драгоценная, – неприятно улыбнулся Гиварш. – К несчастью, это так. Я бы выбрал книгу Змея, и тогда, возможно, от Ишанкара осталось бы только воспоминание. Мне даже сложно представить себе, что будет со всеми нами, если книга Змея окажется в чьих-то других руках. А что до книги Йена... У тебя есть хоть один специалист, кто владеет шанкари, так же как Йен, Кайо?

– У меня создается впечатление, – вставила Гудрун, – что Ишанкар наконец-то решил избавиться от Сэла и его наследия. Где подвох, Йен?

– Подвоха нет, – покачал головой 'т Хоофт. – Моя Ученица мне действительно дороже Черной Книги Ишанкара и Ишанкара в целом.

– Просто Йен играет честно, – добавил Морис. – Это Кайо и пугает. Он-то не привык играть по правилам.

– А в чем твой интерес, Морис? – подала голос Сайхо. –

Ты ведь тоже ни разу не соврал.

– А у меня свои счета с аль'Кхассой, – ответил Гиварш и на его лице появилась мстительная усмешка. – Я бы хотел разобраться с ней без посторонней помощи.

Хет Хоофт чуть повернул голову в его сторону и вернулся в прежнее положение.

– Да, Ишанкар не меняется, – констатировала Сайхо.

– Закончим с этим, – предложил Йен. – Забирай любую, Кайо, и мы уходим.

Кайо взглянул на Сайхо, потом на Гиварша, на 'т Хоофта и, не колеблясь более ни секунды, решительно взял со стола Черную Книгу Ишанкара.

Внутри у Гудрун все оборвалось. Она подумала, что это конец.

'Т Хоофт вздохнул, поднялся из кресла, собрал оставшиеся книги в стопку и, дойдя до двери, обернулся.

– Прошу извинить за причиненное неудобство, – обратился он к Гудрун. – Надеюсь, в следующий раз мы встретимся при более приятных обстоятельствах.

Морис наблюдал за Кайо. Тот раскрыл книгу, пролистал несколько страниц, закрыл ее и снова раскрыл, на этот раз в середине. Некоторое время он внимательно смотрел на раскрытые страницы, а потом передал книгу Сайхо. Сайхо пролистала ее от обложки до обложки, пожала плечами и вернула Кайо обратно.

– Это черная Книга Ишанкара. Именно то, что ты и хотел.

– Вы издеваетесь надо мной?! – заорал Кайо. – И это называется честная игра?!

– Не понимаю, что тебя не устраивает, – спокойно сказал 'т Хоофт. – Ты хотел Черную Книгу, ты ее получил. Владей.

– Чем?! Этим?!

– Избавь нас от истерики, – скривился Гиварш, картинно поклонился Гу и направился к выходу.

Кайо размахнулся и со всей силы запустил Черной Книгой Гиваршу в голову. Морис, не оборачиваясь, поймал ее в полете, его пальцы мертвой хваткой сомкнулись на корешке. Он остановился, передал книгу 'т Хоофту и развернулся к Кайо:

– Я же сказал тебе, Кайо, это шахматы. Отпустил фигуру – ход сделан. Жаль, что наша книга тебе не пригодилась.

Он открыл дверь, пропуская хет Хоофта вперед, и через плечо подмигнул Гудрун.

Гу, сдерживая желание перекреститься, достала сигарету и с облегчением закурила.

Морис поднялся в Башню, заглянул в бар, критически оглядел содержимое, выбрал бутылку красного вина, налил себе полбокала и развалился в кресле поближе к Йену. Маг что-то писал в своих документах, никак не реагируя на гостя. Морис медленно тянул вино, наблюдая закат сквозь стрельчатое окно, терпеливо ожидая, пока 'т Хоофт закончит работу. Сумерки плавно перетекли в ночь, белые снежинки без-

звучно бились в стекло и опадали к подножию Башни. Зима в этом году отступить не хотела.

Йен закрыл книгу, отложил ее на край стола и взглянул на Гиварша.

– Не знал, что ты держишь в Башне вино, – сказал Морис. – Это влияние Горана так сказывается? Ты вроде не пьешь.

– Это для Кхасси. В качестве лекарства.

– Кровезаменитель?

– Тебе нечем заняться?

– Я не могу пообщаться со старым другом?

– Не такой уж я и старый, – заметил маг.

Морис усмехнулся, обнажив клыки.

– Партия была просто блестящей! Хорошо, что ты не играешь постоянно. На что еще ты готов ради нее? Может, и поживешь подольше? – Гиварш испытующе посмотрел на хет Хоофта поверх бокала.

– Нет. Тут я своего слова не изменю, – твердо ответил маг. – Уйду вслед за Магдой.

– А смысл?

– Она там ничего не знает.

– Ты сам там ничего не знаешь, – Морис раздраженно поставил бокал на столик. – Она уйдет в свет, а ты застрянешь на Галереях бог знает на сколько сотен лет, и, пока ты будешь идти по Мосту, она забудет, кто ты такой! И ты ее тоже забудешь! А вот девчонку бросать одну – совсем не дело.

– Я рассчитываю, что ко времени моего ухода она уже не будет девчонкой и не будет одна. К тому же я не собираюсь помирать завтра.

– Йен, Бог может прибрать тебя раньше твоей жены, ты об этом не думал? – Морис сделал паузу. – Но если этого не произойдет, не понимаю, какой смысл идти против его воли и уходить раньше отпущенного тебе срока?

– Я некромант, Морис. Мне надоело это объяснять. Я имею право выбрать время и способ своей смерти.

– И тебе не будет жалко Кхасси?

– Нет.

– Она ведь заменила тебе дочь.

– Дочь мне никто никогда не заменит, – спокойно ответил маг. – Даже Тайра.

– Хватит, Йен, перестань, – скривился Гиварш.

– Я не внушаем, Морис, ты же знаешь.

– Ты упрямый баран!

Хет Хоофт не ответил, лишь чуть улыбнулся, словно Гиварш сделал ему комплимент.

– Черт с тобой, – недовольно сказал Морис и поднялся из кресла. – Живи как хочешь, помирай как хочешь...

– Именно так я и поступаю.

Гиварш вышел из Башни в ночную тьму Ишанкара, пожегся от холода и подумал, что еще никогда столько людей не молилось за здоровье жены сэра Йена хет Хоофта.

Магдалена

Год 4-й ректорства сэра Бергера, лето

Сумерки сгущались с потрясающей быстротой. Прозрачный воздух постепенно становился серым, потом затягивался синевой, расцветчивался оранжево-красным сиянием, истекающим из раны заката, становился густым и неприятно прохладным. Айгер осознал это только в семнадцать, когда время наступления сумерек перестало быть занято в его жизни. Все годы до этого, сколько он себя помнил, сумерки наступали во время вечерней молитвы, где-то за цветными витражами и толстыми каменными стенами старинной церкви. Он оказался к ним не готов. Он помнил это ощущение так ярко, словно только что вышел из дверей приюта и сумерки обрушились на него со всей их потусторонней силой. В них не было таинства ночи и прозрачности дня, и это пугало. Сумерки стали для Айгера отражением внешнего мира, его порочности, обманчивости человеческих отношений, призрачности надежд и иллюзий. Словом, сумерки он не любил.

Айгер сидел на ступеньках собора, смотрел на проезжающие мимо автомобили и слушал доносившиеся из-за массивных резных дверей главного входа звуки песнопений. Он опять не сумел зайти внутрь.

Кто-то тихо опустился рядом. Айгер не хотел, чтобы кто-

либо тревожил его одиночество, но ругаться прямо на ступенях собора не позволяла совесть. Он медленно повернул голову в сторону незваного гостя и тут же выругался.

– Тебе жить, что ли, в самом деле надоело, нечисть?

– И ты не болей, – ответила Тайра. – А я тебя сначала не признала. Иду мимо, смотрю: вроде бы ван Хинкес на паперти сидит. Вот подошла поближе, а это и правда ты!

– Убедилась? Вали отсюда!

– Побираешься или совесть замучила?

– Слушай, нечисть, – Айгер недобро посмотрел в ее сторону. – Вали по-хорошему, пока отпускаю! Мне ж меч достать – раз плюнуть.

– То-то ты на паперти сидишь и в землю пялишься. Меньше меч надо доставать.

– Ты меня еще поучи, как жить, чертово отродье, – огрызнулся Айгер. – У самой небось руки по локоть в крови.

– Так я, видишь, тоже внутрь не иду. Сижу с тобой тут рядом.

Ван Хинкес подумал немного и все-таки спросил:

– Ты это сейчас серьезно или опять в ехидстве упражняешься?

– Ты мое ехидство через два раза на третий понимаешь, так что с тобой лучше серьезно.

– Ну так и?

Тайра отвернулась к дороге. Большой корейский автобус подкатил к остановке на другой стороне улицы напротив со-

бора, выгрузил девятерых пассажиров, с мягким шипением захлопнул двери и покатил дальше. Айгер молчал, ожидая ее ответа.

– Я в церкви три года уже не была, – призналась Тайра.

– Верить, что ль? – уточнил Айгер.

Тайра кивнула.

– Я и раньше не особо часто туда ходила, только по большим праздникам или когда душе хотелось.

– А у тебя душа-то есть?

– А теперь вот как ты: внутрь не могу. Только колокола слушаю.

– А внутрь хочется?

– Да не сказала бы. Разве что свечи поставить за здравие и за упокой.

– Странная ты, нечисть, не понимаю я тебя, – сказал Айгер и отвернулся.

У подножия лестницы остановилась красная спортивная машина, из нее вышли мужчина и женщина в дорогих костюмах и быстро взбежали по ступенькам. Двери собора тяжело захлопнулись за ними.

– Золотая молодежь, чтоб ей сдохнуть, – Айгер плюнул себе под ноги.

– Что-то ты к ним слишком добр, – усмехнулась Тайра.

– Я, когда первые деньги заработал, купил себе машину. Типа этой, – он ткнул пальцем в сторону красного авто. – Купе. Два сиденья. Стиль, скорость и все такое.

– И как ты в нее влез, такая рама? Тебе больше «Хаммер» подойдет или «Белаз».

– Про «Белаз» не слышал, поэтому обижаться не стану, – рыкнул Айгер. – А «Хаммер» да... Хорошая тачка. Ну так вот, купил я себе купе, дурак. Водить толком не умел, в железках вообще почти не разбирался. Короче, заглохла машинка. Я вылез, думал, сейчас подтолкну. А дорога под горку шла.

– И как, подтолкнул? – Тайре уже было смешно.

– Гы-гы! Смешно, ведьма! Подтолкнул, чтоб ее...! Я ж не знал, что в купе на ходу сесть невозможно, еще и с моими габаритами... Короче, не было у меня больше машины никогда в жизни, только порталы.

– А олени лучше! – сквозь смех подытожила Тайра.

– Не понимаю я твоих шуток, нечисть, – признался Айгер. – Ну хоть тебе весело – и то хорошо.

– Мне-то весело, а ты что грустный такой? Рассказал бы.

– Что тебе рассказать, шайтан-девка?

– Ты мне прозвища на ходу сочиняешь или заранее готовишься? В книжечку записываешь и на ночь читаешь, чтобы не забыть?

– Я на ночь молитву читаю.

– Ну конечно! – елейным голосом произнесла Тайра. – Особенно когда пару девок в свою постель уложишь, так сразу и начинаешь молитву читать. Теперь это так называется?

– Я сначала тебе язык подрежу, Хат-Хас, а потом уже баш-

ку снесу, – пообещал ван Хинкес. – Такая перспектива мне больше нравится.

– Так и что ты тут делаешь?

– Ностальгия, – с неохотой поделился Айгер. – У меня двенадцать лет католической школы, а до того в их приюте рос. Считаю, больше половины жизни возле Бога провел.

– А чего ж в Лигу подался? – серьезно спросила Тайра.

– А ты чего в некросы?

– Выбора не было.

– Вот и у меня не было. И теперь нет.

– В каком смысле? – не поняла Тайра.

– Ты что думаешь, я псих, что ли, бегать за тобой? Я, хоть тебя и таких, как ты, терпеть не могу, не монсальватский фанатик. Пока ты себя прилично ведешь – и я тебя не трону.

– Да знаю я, – отмахнулась аль'Кхасса. – Тебе нужен повод.

– Сечешь, – кивнул ван Хинкес. – А ты повода все не даешь и не даешь.

– Тебе плохо оттого, что ли?

– Плохо. Когда заказ не выполнен, всегда плохо.

– Тебе меня заказали? – удивилась Тайра.

– Рот закрой, муха залетит, – посоветовал Айгер.

– Тебе меня заказали?! Я думала, ты просто Охотник, а противостояние у нас оттого, что так положено: сильнейший лигиец против сильнейшего мага...

– Много тебе чести, – скривился ван Хинкес. – Сильней-

ший маг у нас пока что хет Хоофт, а ты так, бесплатное приложение.

– А Гу ведь мне говорила, – Тайра потерла висок. – Говорила, что ты просто так даже за некросами не бегаешь.

– И что? Ну заказали тебя. Существенно-то что изменилось? – развел руками Айгер. – Как я тебе обещал башку снести, так и обещаю. Кто-нибудь бы все равно тебя заказал рано или поздно.

– Кто еще об этом знает?

– Я, ты, заказчик. Командование Лиги, наверно, знает, хотя я им не докладываю. Ваши только не в курсе. Мы свои заказы не афишируем.

– А зачем тогда сейчас рассказал?

– А что изменится-то? – опять спросил Айгер. – Бегать от меня ты не будешь, не такая. Своим жаловаться не пойдешь. Я тебе еще почти три года назад сказал, что я тебя уважаю, хоть ты и нечисть. Думаешь, 'т Хоофта не заказывали? Заказывали, и до сих пор заказывают.

– Это ты типа так извиняешься, – подколола его Тайра, – или хочешь, чтобы и я тебя уважала?

Ван Хинкес не ответил.

– Я тебя и так уважаю, не переживай. У каждого свой путь, и ты на своем по трупам не ходишь. Знаю я, что ты не фанатик.

– Да пошла ты, – огрызнулся ван Хинкес.

Они какое-то время молчали, наблюдая за проезжающи-

ми автобусами.

– Драться-то сегодня будем? – опять весело спросила Тайра.

– Не задирайся, ведьма.

– Ты мне не сэр 'т Хоофт. Запретить не можешь.

– Еще одна нечисть, – опять сплюнул Айгер. – Расплодили чернокнижников и еретиков в своем караван-сараяе. Тот хоть умный, слава богу.

– А как же я?

– А ты слишком умная. Непорядок.

– Зато ты временами полный придурок. В мире все гармонично.

– Вот когда я тебе голову отрублю, половину мозгов себе и выну!

– Ну мне тогда будет все равно, что ты с моей башкой делать станешь.

– Да ну? – не поверил Айгер. – Поди хет Хоофту расскажи. Зулейха ваша, тьфу, чертова нечисть, пятьсот лет успокоиться не может, все отомстить думает.

– Зулейха с головой похоронена. За что мстить-то?

– Обалдеть, – ухмыльнулся ван Хинкес. – Я знаю что-то, чего не знаешь ты.

– И чего я, по-твоему, про Зулейху не знаю?

– Сердце ее где? – Айгер приблизил к ней свое лицо так, что Тайра почувствовала его дыхание на своих губах. – Вот и никто не знает. И сама она, чтоб ей вечно в аду гореть,

не знает. А знай она это – уже давно бы вернула себе свое сердце, восстала и поубивала всех, а тебя в первую очередь. Поняла, нечисть?

Айгер увидел, как глаза у нее расширились от удивления и аль'Кхасса словно бы зависла. Она явно сопоставляла какие-то факты, и выводы ее просто обескураживали.

– Я всегда думала, – наконец сказала она, – что Зулейху лигиец порешил, соответственно, и сердце ее у вас.

– На кой оно нам нужно? – возмутился Айгер.

– Так вы же вроде покой магического мира охраняете... Я думала, и сердце ее вы храните. Да и ты сам мне все время говоришь, мол, я тебе голову отрублю и сердце выну. Я думала, это у вас в Лиге порядок такой.

– Во-первых, серьезно я тебе только про башку говорил, а про сердце – это так, для красного словца, чтобы припугнуть, – пояснил ван Хинкес. – А во-вторых, твой ересиарх что, тебе про это не рассказывал? Про то, как Зулейху пришили?

– Рассказывал, да я и сама столько всего про это читала... Так, значит, это не вы ее?

– Не мы.

– Но и не мы! – возразила Тайра.

– Я бы на твоём месте так уверен не был. У вас там сам черт ногу сломит, кто, кого, когда и за что, потому и не прибрал вас еще с вашей обителью мракобесия, тьфу!

– Нет, Айгер, в этом я точно уверена, – отрицательно по-

качала головой Тайра. – Наши только Брианну Арунделл сами замочили, потом никогда никого, даже Зулейху.

К остановке снова подъехал корейский автобус с рекламой каких-то чипсов на боку, постоял секунд десять – никто не вошел и не вышел – и поехал прочь.

– Скажи мне, нечисть, – спросил Айгер. – Вот если бы у тебя была одна свечка. Всего одна свечка. За кого бы ты Бога просила?

– За здоровье или за упокой?

– За упокой.

– За Сэла, – чуть подумав, ответила Тайра.

– Почему за Сэла?

– Потому что ему это больше всех надо.

– Так он же гад последний! – возмутился Айгер. – За что ему свечку?

– Ни черта ты про Сэла не знаешь, – вскинулась Тайра. – Он один из лучших людей! И я его люблю. И не тебе, лигийскому наемнику, рассуждать о Сэле!

– Он лжец и еретик!

– Но свечка-то моя! – Тайра поняла, что Айгера ей не переубедить. – За кого хочу, за того и поставлю!

– Будь по-твоему, – согласился с последним доводом ван Хинкес. – А за здоровье?

– За госпожу Магдалену, – без раздумий ответила Тайра.

– За Магдалену? Магдалену ван Хален? Жену хет Хоофта? С какой радости-то? – опять не понял ван Хинкес.

– А вот это уже не твоего ума дело, – Тайра встала со ступеньки и потянулась.

Айгер поднялся следом.

– Ты куда сейчас? – спросил он. – Или опять не моего ума дело?

– Расслабься, Айгер. Можешь сегодня спать спокойно. Бедокурить не буду. Домой я сейчас. В Ишанкар.

– Ну бывай, – ван Хинкес спустился на тротуар и обернулся. – Эй, Кхасса! А знаешь, за кого бы я свечку поставил?

– За здоровье или за упокой?

– Без разницы.

– И за кого?

– За тебя, нечисть.

– За меня? Почему за меня? – Тайра опешила. – Айгер!

Почему за меня?

Она сбежала вниз по ступенькам, но он уже скрылся за поворотом.

– Йен знает, что ты меня заполучила до конца света? – поинтересовался Морис и поставил на лабораторный стол еще двадцать пробирок.

– Знает, – Тайра вытерла кровь из уголка губ.

– А Бергер?

– Нет.

– Почему?

– А ты хочешь, чтобы он узнал?

– Не хочу, моя сладкая. Это дурной тон, чтобы Глава Дома Ишанкара ходил в собачках у Некромантессы.

– А чтобы Некромантесса была дойной коровой для Главы Дома Ишанкара, не дурной тон? Я думала, мы все уже решили и вопрос закрыт, – Тайра посмотрела на вампира. – Тебе со мной так неудобно?

– Мне неудобно в моем нынешнем статусе, – признался Морис.

– Сейчас со мной говорит твое уязвленное самолюбие. Представь тогда, что должна чувствовать я, зная, что меня использовали столько лет без моего ведома, так что мы квиты. И Ректору я ничего рассказывать не собираюсь.

– Ректор не дурак, к сожалению, – Морис криво улыбнулся. – Как ты ему объясняешь, что между нами происходит?

– А что происходит? Ничего я объяснять не буду. Ты учишь меня магии крови, а что там неофициально... Это не его дело, что и с кем у меня происходит. О личных отношениях я перед ним не отчитываюсь. Я свободный человек.

– Да неужели? Я бы поспорил и с человеком, и со свободным.

Тайра усмехнулась.

– Скажи мне честно, господин Гиварш, я злоупотребляю своим или твоим положением?

– Я бы так не сказал.

– Тогда почему ты каждый раз заводишь этот разговор?

– Глупо надеюсь, что ты меня отпустишь, моя сладкая.

– Отпущу, но не сейчас.

– Только не равняй меня с Ранией, – попросил он. – Или мне тоже придется ждать критического момента и удара в спину?

– Удара в спину? – Тайра не стала скрывать своего возмущения.

– В смысле, что я не буду рад своей свободе.

– Я будущее не предвижу, Морис. Может, и так получится.

– В таком случае я буду утешаться тем, что ты сдохнешь раньше меня. Давай определяй следующие, – и он кивнул ей на пробирки.

– И как вы эту дрянь пьете? – спросила Тайра. – Можно обойтись без употребления внутрь?

– Кому как, – загадочно улыбнулся Гиварш. – Научись сначала так, потом научу по-другому.

Она выдохнула и выпила новую порцию крови. Ей уже надоел привкус железа и соли, но в этом была своя прелесть: кровь и правда была разная на вкус.

– У тебя полминуты, – Морис засекал время. – Начала!

Тайра закрыла глаза.

– Глаза открой, не в первый раз! – прикрикнул на нее Морис и тут же своим обычным вкрадчивым тоном пояснил: – Не стоит выдавать себя такой мелочью. Смотри с открытыми глазами. И не входи в транс!

Тайра смотрела с высоты птичьего полета. Она видела подобное только в кино: камера неслась на высоте тридцати

этажей, круто поворачивала на виражах, падала почти к самой земле и снова взмывала вверх, огибала высотки и ныряла в темноту парков и задних дворов одноэтажных домиков, проделывая весь маршрут за считанные секунды, и наконец-то наезжала на цель и замирала. Теперь она проделывала такие трюки сама.

На этот раз это была женщина средних лет в спортивном костюме. Она бежала по аллее, рядом с ней на поводке вскачь неслась собака какой-то полугончей породы, в наушниках играл Брамс. Тайра слышала, как бьется ее тренированное сердце, чувствовала остатки алкоголя и противозачаточных таблеток в ее крови, слышала ее дыхание. Тайра спустилась ниже, чтобы разглядеть ее лицо. Женщина была без косметики, у нее практически не было морщин: в свои сорок пять она была в прекрасной физической форме. Тайра определила резус и группу крови.

– Назови мне место, – потребовал Гиварш.

Тайра проникла в ее сознание, голова заболела, но Гиварша сложности некромантессы с ментальными техниками не интересовали. Женщина думала о своих детях, о муже, который опять скажет, что задержится на работе, а на самом деле пойдет к любовнице младше нее на пятнадцать лет, о том, что шпинат на ужин ужасно надоел, что девочки из ее команды опять опоздают на утреннюю тренировку, что кредитка уже три дня как заблокирована...

– Бирмингем, Джермания парк, – сказала Тайра.

– И домашний адрес, – потребовал Гиварш.

Вот с этим было сложнее. Женщина напрочь отказывалась думать о доме. Она намеревалась бегать еще как минимум полчаса, а потом пойти в магазин и купить корма для собаки. Тайра потянулась к собаке. Собака заволновалась, сдавленно заскулила, но хозяйка была слишком увлечена Брамсом. Собачье зрение было весьма специфичным, но Тайра сумела вычленить дорогу и определить дом. Это была пятиэтажка в соседнем квартале, старой постройки, с разными запахами, доносящимися из дверных щелей, и большим мусорным контейнером за домом, который не вывозили, наверное, дня два.

– Пирсон-авеню, четыре-сорок один...

– Зачет, – сказал Морис. – Возвращайся.

Тайра отпустила магию, и полупрозрачная ниточка крови, связывавшая ее с бегуньей, растворилась в воздухе. Ей всегда требовалось время, чтобы прийти в себя. Она испытывала легкую дезориентацию после возвращения, но в этот раз ругаться Морис не стал.

– Неплохо, но медленно, – заключил он. – Надо наращивать скорость. Давай теперь в обратном направлении потренируемся. Не устала?

– Устала, но готова продолжать.

– Это Йен тебя так приучил?

– Ты всегда зовешь его Йеном?

– Я, моя сладкая, знаю его с того же возраста, что и тебя,

так что сэр хет Хоофт он для меня только на официальных мероприятиях.

– Так странно. Кто-то может запросто называть его Йеном.

– В жизни бессмертных есть свои прелести.

– В существовании, мой сладкий, – поправила Тайра.

– Ну госпоже-будущей-Некромантессе-Ишанкара это, конечно, виднее, – не остался в долгу Гиварш. – Ну-ка определи мне его кровищу!

Он дотронулся пальцами до ее виска и спроецировал в ее сознание образ молодого мужчины.

Обратная операция удавалась ей гораздо легче. Тайра вытащила из держателя третью во втором ряду пробирку.

– М-да, – сказал Гиварш. – С этим у тебя все в порядке. Все-таки мертвечина – это твое. С живыми у тебя получается хуже.

– Он живой, – возразила Тайра.

– Да, но кровь-то консервированная, – пояснил Морис. – Забор производили давно.

– Как вы ее храните? Тоже со временем мудрите?

– А как же, моя сладкая. С тебя еще одна и закончим на сегодня. Меня по-прежнему интересует, кто это и где.

И он подал ей еще одну пробирку. Тайра выдохнула и выпила кровь.

Мозг словно взорвался. Ее качнуло, она удержала равновесие и ухватилась обеими руками за край стола. Мир поплыл, как бывало от постэффекта. Тайра перестала разли-

чать пробирки на столе – они слились в одну стеклянную, наполненную кровью, емкость. В висках стучало так, будто какие-то злобные маленькие человечки пытались продолбить ее череп настоящими отбойными молотками, которыми потные загорелые дядьки ломали асфальт в каком-то рекламном ролике. Ей было одновременно и холодно и жарко. Она застыла, концентрируясь на своем дыхании, чтобы унять приступ тошноты и головокружения, запретила себе закрывать глаза и постаралась сфокусироваться на своих руках. Пальцы светились зеленым. Сквозь туман в голове Тайра поняла, что ее выкинуло за Грань и чуть не выкинуло из тела. Это было так резко и жестко, что сразу стало ясно: над этой порцией крови работал опытный некромант. Эта кровь не должна была достаться Морису, она не должна была достаться никому. Любой посягнувший на нее должен был окончательно умереть. Кровь была чистейшим магическим ядом: Тайра до сих пор не оказалась на Мосту только потому, что сама была некромантессой. А еще это значило, что покидать тело ей было никак нельзя, навряд ли она вернулась бы обратно: впереди нечетко вырисовывались арки и пролеты Нижних Галерей, и Тайра не узнавала ни один из них. Так далеко она еще никогда не заходила, и лучше бы не заходила вовсе.

Тайра собралась с силами, чтобы разложить кровь на составляющие и нейтрализовать яд, но ей необходимо было узнать, что за человека так тщательно охранял какой-то маг, к тому же уступить Гиваршу было невозможно – это было де-

лом чести. Она закрыла глаза, и ее снова потянуло на Мост. Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы распознать мертвую кровь, забранную уже с препарата. Рядового мертвяка Морис бы ей не подсунул, да и не стояла бы такая защита на крови обычного человека. Тайра не смогла отыскать его следов, словно он был спрятан от посягательств некромантов так далеко, что любой рискнувший пойти за ним заблудился бы в лабиринтах иного мира и остался навечно бродить по анфиладам Нижних Галерей. Она усилием воли вернула себя обратно. Закрывать глаза было нельзя ни в коем случае. На Мост ей было пока рано.

Она запустила обратный отсчет. Отравленная магией кровь медленно распадалась, и через несколько секунд Тайра уже могла различить группу крови, еще позже две... Нет, целых три группы крови... Это было невероятно. Три группы крови... И одна из них сто процентов принадлежала сэру 'т Хоофту.

Тайра швырнула Мориса об стену. Он пролетел через всю комнату, обрушил собой висевшее на стене старинное оружие и грохнулся об пол, потом осторожно поднялся, отряхнулся, поправил шейный платок и спокойно сказал:

– Я предполагал подобную реакцию. Силу бы соизмеряла, я не железный.

– Ты что творишь? – прошипела Тайра. – Совсем спятил?

– А-а, моя сладкая! – осклабился Гиварш. – Смотрю, с поставленной задачей ты справилась весьма успешно! Теперь

ты знаешь, что такое отравленная кровь. Мертвая кровь. Хороший урок, не так ли? Приятно тебе было? Вот теперь мы квиты!

– При чем здесь я? Я говорю о сэре 'т Хоофте! Ты о нем подумал?

– Почему я должен о нем думать?

– Потому что он почувствовал, что я к нему прикоснулась! Это тебе не чужая тетка в парке! Это сильнейший некромант! Я не понимаю, почему он еще не здесь и почему мы с тобой оба еще живы!

– Ну сказать, что мы с тобой живые нельзя...

– Ты же специально все подстроил!

– Конечно, моя сладкая! Или ты думала, я буду спокойно терпеть унижение? Но теперь я доволен и предлагаю тебе мир.

– Откуда у тебя ее кровь?

– Сядь и успокойся. Может, ты и станешь сильнейшим магом, но пока что Йен уложил тебя на обе лопатки, чему я, к слову сказать, безумно рад. Как тебе его магия? Жесткая, точная, холодная и беспощадная, как и он сам. А ты все думаешь, что он добрый, мудрый и справедливый Наставник, да?

– Богом клянусь, Морис...

– Чем-чем ты клянешься? – ехидно перебил ее Гиварш. – Богом? А он про тебя, вообще, слышал? Ты не в его юрисдикции, нечисть!

– Зато ты в моей юрисдикции, и советую об этом не забывать, – Тайра с трудом сдерживалась, чтобы не сотворить с Морисом что-нибудь страшное и необратимое.

– Сядь, – настойчиво предложил Морис. – Тебе здорово досталось от твоего наставничка. Не усугубляй.

Тайра чувствовала, что ноги у нее подкашиваются, а голова раскалывается на миллион мелких частей. Ее выкидывало за Грань все дальше и дальше на Мост, к изяществу арочных сводов Галерей, но Тайра продолжала стоять, опираясь руками о стол.

– Где ты взял ее кровь? – еще раз спросила она.

– Украл, когда она умерла. Йен никого к ней не подпускал, а я изловчился и украл.

– Мертвую кровь? Зачем она тебе, вообще, понадобилась?

– Ты бы видела Йена после ее смерти. Некромант Ишанкара, который не сумел вернуть собственную дочь, – Морис отвернулся к окну и прикрыл рукой рот, будто сказал нечто лишнее, тайное и причиняющее боль ему самому. – Я всегда был с ним в хороших отношениях, как и с тобой. Я не мог этого видеть. Я вообще не знаю, как он все это пережил. Я хотел вернуть ему дочь. Сохранить тело. С душой он что-нибудь бы придумал... Я был глупцом, Кхасси. Я многого не знал. Думал, что поступаю во благо, но Йен предвидел и это, а может, просто защитил ее от любого возможного магического вмешательства. Короче, ничего у меня не получилось. Сама видишь, какая убойная магия на ее крови.

– Зачем тогда ты оставил кровь?

– Не могу объяснить. Это было интуитивное решение.

Но вот видишь, пригодилась же! – он снова вернулся к своему обычному насмешливому тону.

– Знал бы, где упасть, – заметила Тайра.

– Сядь, – третий раз предложил Морис. – А то и правда упадешь. Смотреть на тебя больно.

– Не смотри. Я уйду.

Тайра оттолкнулась от стола и нетвердым шагом направилась к выходу. Только бы не грохнуться на пол и не схватиться за стену... Морис не должен видеть, что ей нечего противопоставить сэру хет Хоофту.

– Когда увидимся в следующий раз? – как ни в чем не бывало, напоследок спросил Гиварш.

– Ты злопамятная тварь, – не оборачиваясь, ответила Тайра.

– А что делать, уж какой есть!

Тайра вышла из комнаты, и двери мягко захлопнулись за ее спиной. Осталось миновать лестницу и огромный холл. На свежем воздухе должно было хоть немного отпустить.

Она сидела на своей скамейке, запрокинув голову вверх, и смотрела в почти ночное небо. Звезды были такими маленькими, что облетающие с урюка цветочные лепестки, сквозь маркер казавшиеся изумрудно-зелеными, заслоняли две, а то и три из них. Так плохо Тайра не чувствовала себя

даже во время самого сильного постэффекта. У нее не было сил дойти до своей комнаты, но она признавалась себе, что пошла во Внутренние Сады не поэтому: если ей суждено было уйти, то хотелось бы, чтобы ее тело нашли уже утром.

Стоило закрыть глаза, и мир снова начинал проваливаться в тартарары, в голове при малейшем движении вспыхивали сиреневые и зеленые молнии, а где-то за похожей на стену воды Границей светился нереально белым Мост Нижних Галерей. Тайра старалась не шевелиться. Она медленно дышала, считая секунды – две на вдох и две на выдох. Пока она концентрировалась на счете, по крайней мере, могла оставаться на Грани и не выходить из тела вовне. Магия сэра 'т Хоофта опустошила ее почти полностью.

Она слышала шаги Наставника, но не могла пошевелиться, не то что встать и приветствовать его как положено. Он сел рядом и внимательно ее осмотрел.

– Совсем плохо? – спросил Йен.

– Совсем... – еле шевеля губами, ответила Тайра.

– Я надеялся, что он траванется сам. Не думал, что он подсунет это тебе.

– Вы знали...

– Что у него кровь Софи? Конечно, знал. Я некромант, а уж свою кровь я почувствую с любого расстояния и в любом виде.

– Как... у нее... ваша кровь...?

– В детстве делали переливание, она сильно болела совсем

маленькая, а почему потом стали определяться три составляющие – я не знаю. Какая-то магия. Ей это не вредило.

Наставник говорил об этом спокойно, будто уже давно все пережил, но Тайра знала, что эта рана не затянется никогда. Его спокойствие было показным, призванным спрятать его настоящие чувства.

– Извини, Кхасси, помочь тебе я ничем не могу, – после небольшой паузы сказал Йен. – Мое заклинание некомпенсируемо. Не была бы ты некромантессой, уже была бы окончательно мертва. Однако способность выживать для некроманта важнейшая, со времен Сэла тут ничего не изменилось... Ты справишься.

– Я могла уйти... – Тайра с трудом произносила слова.

– Могла, – подтвердил хет Хоофт. – Но не ушла. Ты Некромантесса Ишанкара, а я несколько перестарался тогда, поэтому контроль – это фундамент.

Тайра подумала, что он умудряется учить ее даже в такой ситуации, и удивилась, почему ему нисколько ее не жаль: Наставник не проявлял никаких эмоций.

– Я думала, вы будете ругаться...

– Обязательно буду, – пообещал Йен, – но не сейчас и не на тебя.

Тайра на секунду прикрыла глаза и снова зафиксировала взгляд на звездах.

– Ты ее нашла? – вдруг спросил маг.

– Нет... Она там, куда мне нельзя... – каждое слово дава-

лось с невероятным трудом. – Она ушла в свет.

Хет Хоофт медленно выдохнул, словно ее ответ оказался верным или подтвердил его подозрения или надежды, посидел еще немного, затем поднялся и, не прощаясь, ушел во тьму. Тайра медленно легла на скамейку и отключилась.

Она пришла в себя где-то после полудня. С неба лил дождь, и где-то за стенами Ишанкара слышались раскаты грома. Если бы не он, она лежала бы в забытьи еще неизвестно сколько времени. Одежда промокла и неприятно прилипла к телу. Тайру знобило, и ко всему прочему страшно болело горло: дождливая ночь посреди сада не прошла бесследно.

...Всю ночь она падала куда-то спиной вниз, ее швыряло из стороны в сторону между магическими потоками, в абсолютной темноте, наполненной антрацитовыми искрами и серыми хлопьями тумана. Она летела к самому дну нескончаемого колодца, составленного из бесконечного количества грубо вылепленных из серой глины или цемента лиц. Когда ее швыряло в сторону, она натыкалась на эти лица, они корчились в агонии, и между ними просовывались руки, такие же серые и грубые, они пытались поймать ее и затащить внутрь, сделать частью себя, но ни одна их попытка не увенчалась успехом только потому, что ее падение не прекращалось. Тайре было страшно. Она пыталась кричать, но крик застревал где-то внутри, не доходя до голосовых связок, па-

рализуя дыхание. Она не могла пошевелить рукой или ногой, она могла только наблюдать за искаженными, изуродованными лицами и корявыми руками. Ее мучило чувство вины за все, что она когда-либо совершила или должна была, но не совершила, она хотела бы просить прощения и каяться, но понимала, что уже поздно, время для этого уже прошло и ее отчаянье, вина и падение в бездну будут вечными. Тайра была абсолютно уверена, что ее персональный ад выглядит именно так...

У нее не было сил двигаться. Она смотрела на свою руку, которая безвольно свешивалась со скамейки вниз, и слегка шевелила указательным пальцем, выковыривая из мокрой газонной травы прозрачные от влаги лепестки урюка. Тело затекло, но она не рисковала пошевелиться, боясь, что малейшее движение снова выкинет ее за пределы этого мира. Голова все еще болела, но больше не пахло ладаном. Она попыталась припомнить события вчерашнего вечера, но стоило только подумать о крови, как тошнота опять подкатила к горлу. Тайра пообещала себе не есть мяса как минимум месяц. Никакой крови. Хватит.

Она медленно затащила руку обратно на скамейку, спустила ноги вниз – их тут же пронзил миллион иголок из горячего льда – и, отталкиваясь обеими ладонями от досок, аккуратно приняла сидячее положение. Жаль, что звезд уже не было. Были только тяжелые серые облака, и зацепиться взглядом, чтобы удержать себя в безумном падающем ми-

ре, было не за что. Тайра закрыла глаза, откинулась на спинку скамейки и старалась не двигаться и дышать: вдох-выдох, вдох-выдох, медленно, чувствуя, как прохладный влажный воздух обжигает горло, вдох-выдох. Она просидела так минут двадцать, пока падение не прекратилось и она не почувствовала под ногами твердую землю. Нужно было добраться до нижнего уровня Башни. О том, чтобы идти на занятия, речи быть не могло.

Она попыталась открыть портал, ничего не вышло. Тайра попробовала еще раз, но магические потоки не слушались, ускользали, стоило лишь подумать о том, чтобы сплести заклятье. Может, голова плохо соображала после вчерашнего, но руки должны были помнить, Тайра столько раз тренировала это заклятье, прежде чем научилась колдовать его без рук. Она выставила пальцы в начальную позицию, вывела первый знак, но магия прошла сквозь пальцы, даже не коснувшись ее кожи. Магия была повсюду, Тайра чувствовала ее вибрации и видела ее потоки, но сама не могла сотворить даже такую элементарную мелочь, как портал. Тайра словно стояла под водопадом, но вода чудесным образом расступалась прямо над ее головой, оставляя ее совершенно сухой, не задевая ни единой каплей.

Тайра попробовала открыть портал еще раз, потом безрезультатно попыталась скастовать что-нибудь совсем уж элементарное, но ни легкие, ни сложные заклятья ей не давались. Сил бороться не было, Тайра безвольно опустила ру-

ки и почему-то вспомнила Зулейху. Сколько раз она пыталась выйти из своей тюрьмы? Да хотя бы из дворца... Что она чувствовала, зная, что больше никогда не прикаснется к магической ткани? Гнев? Отчаяние? Безысходность? Тайра была слишком слаба, чтобы чувствовать хоть что-то, кроме усталости. Теоретически, если бы у Зулейхи было подходящее тело, она снова смогла бы колдовать. У Тайры тело было, просто сейчас оно оказалось повреждено магией сэра 'т Хоофта. Он ведь признался, что перестарался тогда с силой своего заклинания... Но его заклятье предполагало окончательную смерть, а не ограничение магических способностей. Тайра не могла лишиться магии навсегда. Это всего лишь постэффект. Неожиданный, незапланированный, но постэффект. Тайра была некромантессой, не умерла от магии своего Наставника, а значит, способности должны были вернуться. Это просто постэффект... Надо только переждать, дать своему телу восстановиться... Тайре было не привыкать жить без магии, но в Ишанкаре, пропитанном магией сэра 'т Хоофта, отголоски его колдовства поддерживали наложенные заклятия, и это было самое отвратительное. Ей надо было не в Башню, а подальше от нее, надо было убраться из Ишанкара, пока постэффект не отпустит полностью, но у Тайры не хватало сил даже на то, чтобы подняться со скамейки.

Мысли двигались в голове медленно, как сонная рыба в замерзающей воде неглубокого пруда у храма Канон. Рыба

была золотая. Она блестела в лучах заходящего солнца, как и множество монеток, которые набросали на дно туристы. Золотые лучи отражались от чешуи и сверкали солнечными зайчиками, когда рыба подплывала близко к поверхности и тревожила ее своими плавниками. Хидамари кидала в пруд хлебные крошки, рыбы ловили их овальными ртами. Тайра вспомнила это буйство красок, гомон пришедших на экскурсию японских детишек, и глазам и ушам стало больно. Ей захотелось темноты и тишины, такой густой и плотной, чтобы в нее не проникали ни звуки, ни голоса, ни существа никакого из возможных миров, темного угла, в котором она смогла бы отсидеться, пока магия сэра 'т Хоофта не сменит гнев на милость. Хотелось спрятаться, так, чтобы никто не нашел, хотелось покоя и одиночества. Тайра собралась с силами и открыла глаза.

...Не было ни звуков, ни запахов, ни света. Не было ни верха, ни низа, никаких понятий о направлениях, ничего, о чем можно было бы сказать, что оно существует. Абсолютная тьма. Вязкая, густая и теплая. Тайре показалось, что она сходит с ума или что она незаметно для себя окончательно умерла.

Она понятия не имела, где находится, но это не было похоже на видевшийся ей всю ночь персональный ад. Она все еще сидела на скамейке, но самой скамейки тоже не существовало. Она просто сидела где-то посреди тьмы межреальности. Не было ни боли, ни тошноты, ни головокружения,

никаких следов постэффекта от магии сэра 'т Хоофта. Было удивительное ощущение легкости и усталости, и безумно хотелось спать.

Тайра подумала, как хорошо было бы иметь сухую одежду – и влага, пропитавшая за ночь ее платье, моментально исчезла. У нее не было сил удивляться. Она протянула руку во тьму и выудила из нее подушку, такую же большую и мягкую, как была у нее в детстве. Она легла на что-то, что наверняка стало кроватью, натянула на себя теплое одеяло, обняла подушку обеими руками и провалилась в сон. Если окончательная смерть была именно такой, то Наставник был прав – бояться было действительно нечего.

Ей снился ван Хинкес, бессвязно и бессюжетно. Он то появлялся, то исчезал, то читал «Ave Maria» и «Credo», преклонив колени перед воткнутым в землю моргенштерном, то садился в спортивный автомобиль на колесах от «Белазы» и уезжал вслед за корейским автобусом, потом он почему-то оказывался в ее комнате, и она знала, что он живет с ней вместо Фархи. Иногда Фархино место занимала Зулейха, она сидела по-турецки поверх тканого покрывала, застилавшего ее кровать, переплетала свои косы и тихонько напевала что-то себе под нос. Когда подобная чушь повторилась в очередной раз, Тайра заставила себя проснуться и какое-то время лежала, прислушиваясь к своим ощущениям. Постепенно начали проявляться звуки: шелест бьющейся в окно листвы, стук капель о подоконник, философские звуки дудука отку-

да-то снизу... Тайра открыла глаза. Она лежала в собственной комнате, правда почему-то на полу. Такой отдохнувшей она не чувствовала себя уже очень давно. Она перевернулась с бока на спину, вытянула руку к потолку и сотворила простенькое заклятье. Магия работала. От ограничений сэра 'т Хоофта больше ничего не осталось.

Тайра вытащила из Арсенала разряженный мобильник, подсоединила его к сети и пошла в душ. Мобильник тихо дзынькал, принимая входящие сообщения, и наконец разразился нескончаемым звонком вызова. Тайра вылезла из ванной, замотавшись в полотенце, и ответила на звонок.

– Я думал, тебя уже и в живых-то нет! – завопил Макс. – Ты где пропадала?

– Ты что так кричишь? – Тайра отодвинула трубку от уха.

– Я кричу? Ты еще Айзекс не слышала! – не унимался Макс. – Тебя не было неделю! Где тебя носило?

– Неделю? – не поверила Тайра.

– Что ты делала все это время?

– Спала.

Макс на том конце некоторое время молчал, а потом тонким заговорщика сказал:

– Ты понимаешь, как неубедительно звучит такая версия? Советую для Айзекс придумать что-нибудь более натуральное.

– Но я действительно спала.

– Неделю? – в свою очередь засомневался Макс. – Что вы,

некроты, бывает, по трое суток спите, это я в курсе, но неделю? И что за прекрасный принц тебя разбудил?

– Ты не поверишь, – Тайра хихикнула, – Айгер ван Хинкес.

– Что?! – опять завопил Макс. – Ван Хинкес в Ишанкаре?! Это уже слишком! Как ты его сюда протащила?!

– Ты в своем уме, мой лорд? Он мне приснился. И все.

– То есть ты проснулась от страха? – уточнил Макс.

– Именно, – Тайра была рада, что Макс не видит ее кривой усмешки. – Теперь все в порядке?

– Ты меня напугала, – Макс с облегчением выдохнул.

– Зачем звонил, мой лорд?

– Просто так. Проверить, где ты есть. Переживал я. Ладно, проснешься окончательно – зайди в гости. Буду ждать.

Тайра переделалась и пролиставала входящие сообщения. Ни одного от Ректора или сэра 'т Хоофта. Ни одного за неделю от Наставника... Это было самое неприятное. Она неделю не появлялась в Башне, а он даже не поинтересовался, все ли с ней в порядке. Значит, что бы он ни говорил тогда вечером, она его задела, не зная того, вторглась в область его личных переживаний, его личной жизни, нарушив тем самым обозначенную им границу допустимого. На душе стало неуютно.

Тайра валялась на кровати, обеими руками обнимая игрушечного Змея, пока мобильник снова не зазвонил. Номер не определялся, но Тайра и так знала, кто это.

– Здравствуй, Кхасси, – бархатным голосом сказал Змей.

– Пожелание отличное, – Тайра усмехнулась. – Привет.

– Как Макс успел позвонить раньше меня? Я все-таки Трейсер. Я посрамлен.

– У Макса большой опыт телефонного общения. Номера он набирает не глядя, а я у него на быстрой кнопке. Тут он любому фору даст.

– Ладно, уговорила. Больше с ним тягаться не стану, – он фыркнул. – Как ты себя чувствуешь?

– Удивительно хорошо.

– Хм-м, – Змей хмыкнул. – Странно. Тебе серьезно досталось. Ты спала почти полных пятнадцать дней. Была внутри вашей единой тьмы, я тебя даже не видел... Не отзывалась. Я успел испугаться.

– Испугаться чего?

– Того, что ты уйдешь. Твой трек мерцал. У некромантов так бывает перед окончательной смертью, когда они не могут вернуться в тело. Когда они еще думают, что живы, но тело их больше не принимает. Обычно в бою такое случается. В горячке боя некроты могут и не заметить, что тело получило необратимые повреждения, – Змей замолчал. – Вот с тобой было то же самое. Но я не видел, чтобы ты с кем-то дралась.

– Потому что я не дралась. Это магия сэра 'т Хоофта. Я просто залезла туда, куда не следовало.

Змей подумал немного, а потом сказал:

– Кхасси, я Трейсер Ишанкара. Я вижу твой трек и знаю,

когда и где с ним начались странности.

– Мориса не трогай, – почти приказала Тайра. – Это наше с ним личное дело. Посредники нам абсолютно не нужны.

– Сэр 'т Хоофт мне сказал примерно то же самое, – Тайра почувствовала его раздражение и явно представила себе, как он чуть прикрыл глаза, пряча под веками огоньки гнева.

– Ты говорил об этом с сэром 'т Хоофтом?

– Разговора не вышло. Он просто приказал мне, чтобы я не лез. И Бергер приказал, чтобы я не вмешивался. А я бы хотел.

– Что у вас случилось с Морисом? Почему ты его так не любишь?

– Может, потому что его любишь ты? – ушел от ответа Змей.

– Ваш конфликт начался до моего появления.

– Прости, Кхасси, но это наше с ним личное дело, – ее же словами отбился Змей.

– В Ишанкаре порой ветер меняется слишком быстро, – Тайра усмехнулась. – Я тебя поняла.

– Мне скоро уходить... Вставать на маршрут... Хочешь прийти ко мне ненадолго?

– Еще спрашиваешь? – обрадовалась Тайра.

– Я у Первого Рубежа. Приходи.

– Как? Я не знаю, как входить в тени.

– М-да? – не поверил Змей. – А мне кажется, что знаешь. Ты входила и выходила без сопровождения уже не один раз.

– Ты шутишь? Когда это я была в тених? И зачем бы мне туда понадобилось?

– А это мне тоже интересно.

– То есть в тених ты меня не видел?

– Нет. Видел, что ты входила, но куда потом пропадала? На Мост? Там я вас не вижу, разве что у самой Границы.

Тайра задумалась. В тених делать ей было нечего, да и не очень-то ей там нравилось. В здравом уме она точно туда не совалась. Разве что за ее путешествия по тених Змей принял ее ночные походы к Зулейхе... Значит, Зулейха была в межреальности? Или Ишанкар упрятал ее на Галереи? Если бы было верно первое, Змей не терял бы ее из вида, а если второе, то Зулейху бы уже нашли.

– Ничего не понимаю, – призналась Тайра.

– Я пока тоже. Но ты попроси сэра 'т Хоофта, пусть он тебя научит, как правильно входить в тени, а то мало ли...

– Он ругаться будет. Мне пока этого делать не положено. А может, ты научишь?

– А он мне потом хвост отрубит по самую шею, – Змей недовольно фыркнул. – Нет уж. Ты отказалась, когда я тебя хотел научить сквозь пространство смотреть, а по тених ходить куда опаснее, чем издалека картинки разглядывать, так что разбирайся со своим Наставником сама.

Тайра вздохнула.

– Ладно, давай я тебя заберу, – смилостивился Трейсер.

Что-то неуловимо изменилось – и вместо кровати Тайра

оказалась посреди его сверкающих колец. Она обняла его за шею и закопалась в гриву его мягких снежно-белых волос.

– Я соскучился, – Змей потерся мордой о ее спину. – Ты такая милая, когда живая.

– Комплимент так себе, – Тайра усмехнулась, отлипла от него и осмотрелась по сторонам. Вокруг Змея тьма будто расступалась, подсвеченная его внутренним сиянием. – Как ты это делаешь? Как перемещаешь предметы, как живешь между мирами, как видишь на расстоянии? Это удивительно!

– Я с этим родился, – просто сказал Змей. – Я тоже не понимаю, как ты возвращаешь мертвых. Как возможно быть мертвой, но думать, говорить и двигаться при этом...

– А в прошлый раз ты был просто огромным, – Тайра оглядела его кольца.

– Это магия, – Змей довольно прищурился. – Это тени. В тених я могу делать все, что захочу, и со своим телом в том числе. Выбираю оптимальный размер. Такое развлечение. На службе помогает, а в поединке так вообще дает преимущество. Я же уже объяснял.

– И часто ты дерешься? – она села и прислонилась спиной к его телу, Змей плавно перетек вперед и положил голову ей на ноги.

– Не очень. Но, видимо, скоро придется. Я так и не выяснил, кто бывает у границ моей территории, не могу понять, в чем дело, и меня это очень беспокоит, – он нахмурился

и мотнул головой. – А еще ты ходишь по теням так, что я тебя не вижу. Можешь мне и под горячую руку попасть.

Тайра гладила его по морде и перебирала пальцами его белоснежную шерсть. Змей щурился от удовольствия, разве что не фырчал, как домашний кот. Тайра очень хотела потрогать его за ус, но терпела: Змей не любил, когда кто-то прикасался к его усам. Он приоткрыл один глаз и сказал:

– Если ты и дальше будешь меня так гладить, я сделаю все, что ты захочешь.

– Даже признаешься в любви к Гиваршу? – подначила его Тайра.

– Тебе придется очень, очень долго меня гладить, – Змей будто бы ухмыльнулся. – Мне не нравится, что вы так тесно общаетесь. Он умный, хитрый и опасный.

– Тоже мне, новости... А что тебе еще не нравится?

– Еще мне не нравится, как на тебя смотрит ван Хинкес.

– Да брось ты, – усмехнулась Тайра. – Он лигийский Охотник, ему положено видеть во мне добычу.

– Я не об этом, – Змей плавно выполз из-под ее ладони и перетек в другую позицию, замерев перед ее лицом. – Он видит в тебе добычу иного рода. Ты привлекаешь его как девушка, а не как дичь.

Тайра несколько секунд смотрела на Змея, а потом рассмеялась.

– Ну ты, господин Трейсер, и скажешь!

– А еще больше мне не нравится, что Айгер тебе тоже сим-

патичен.

Тайра перестала улыбаться и поняла, что Змей не шутит.

– Ты это все сейчас серьезно? – на всякий случай спросила она.

– Абсолютно серьезно.

– Ну ладно, – сдалась Тайра. – Айгер мне и правда нравится, но я не думала о чем-то там... О чем ты думаешь. Ты меня удивил сейчас.

– Я ван Хинкеса уважаю, – признался Змей. – Ему можно доверять, он надежный товарищ и прекрасный боец, но я не юная девушка, Кхасси, мне Айгер нравится может. Я давно за ним наблюдаю и ни разу не видел, чтобы он по-настоящему с кем-то встречался. Ходил на свидания пару-тройку раз... Получал то, за чем ходил... И все.

– А драка в торфиордском парке считается за свидание? Он тогда не получил того, за чем пришел, мне ожидать второго раза?

Змей не ответил, только недовольно выпустил воздух, и Тайра рассмеялась.

– Да ладно тебе, – она погладила его по морде. – Мне нравишься ты.

– Я – дракон и чертов трейсер, – бархатным голосом напомнил Змей. – А Айгер – настоящий мужчина. Ты не заметишь, как он заберет твое сердце.

– Это не так-то легко сделать, – снова улыбнулась Тайра. – Ты ревнуешь?

– Да. Я по долгу службы иногда за тобой присматриваю.

– И ревнуешь тоже по долгу службы?

– Нет, это личное. Я ведь не шутил, когда говорил, что ты моя жемчужина.

Тайра потянулась к нему и обняла его обеими руками, снова зарывшись носом в его белоснежную гриву. Он медленно обвился вокруг нее и замер.

– Не ревнуй, Змей. Ты лучше любого мужчины.

Змей промолчал, только чуть потуже сжал свои кольца.

– Ты переживаешь, что у тебя нет человеческого тела? – спросила Тайра. – Хочешь, я поищу какое-нибудь заклинание, чтобы ты смог хоть иногда становиться человеком? Как в «Русалочке», например.

– Ты в это веришь? – спросил Змей. – В то, что я мог бы быть человеком?

– Легенды и профессор Тан говорят, что такое возможно. Да и душа у тебя совсем не змеиная... Не знаю, как должны выглядеть души драконов, но точно по-другому. Так почему нет?

– И что бы ты со мной делала, с человеком? – усмехнулся Трейсер.

– Ну-у... Я не знаю... – Тайра почувствовала, что покраснела. Она могла сказать, что была бы не против пройтись с ним вечером по улице или посидеть в кафе, но в ее мире приглашать мужчин на прогулки было не принято, так что делиться своими желаниями Тайра не стала.

– Кхасси, – тихо позвал Змей. – Ты мне дорога. Я очень не хочу, чтобы Айгер сделал тебе больно.

– Ну откуда у тебя такие мысли? – поразилась Тайра. – У меня с ним, если можно так сказать, чисто деловые отношения.

– Ладно, – Змей нехотя согласился, – пока поверю.

Тайра покачала головой, удивляясь тому, о чем он думает, улыбнулась и поцеловала его в нос.

Было около пяти вечера, когда она покинула комнату. Первым делом надо было зайти к Айзекс, пока та еще не ушла с работы. Если она и правда орала не хуже Макса, стоило появиться у нее раньше, чем Эстер нашла бы ее сама.

Дверь в ее кабинет была приоткрыта, Тайра осторожно заглянула внутрь, Эстер тут же оторвалась от бумаг, словно ждала ее.

– Зайди, закрой дверь и сядь! – жестко сказала она.

Тайра повиновалась.

– Ну и где тебя носило целую неделю? – спросила Эстер, взглянув на нее поверх очков. – Гудрун тоже очень этим интересуется.

– Я спала, мэм, хотя Макс в это не поверил, – ответила Тайра.

Айзекс сняла очки и окинула ее критическим взглядом.

– Я поверю, – сказала она. – Для вранья слишком нелепо выглядит.

– Спасибо, мэм.

– Что у тебя с хет Хоофтом? Он даже не спросил, куда ты пропала. Я не помню, чтобы у вас портились отношения. Так в чем дело?

– Это личное, мэм. После вас я зайду к нему, чтобы извиниться.

– А есть за что?

– Как посмотреть, – честно призналась Тайра. – Но извиниться лишним не будет.

– Ну и черт с вами. Меня больше волнует другое. Догадываешься? – Эстер хитро взглянула на нее.

– Нет, мэм.

– Я прислала тебе смс, думала, ты сразу прибежишь.

– Этих сообщений за неделю столько насыпалось... Я удаляю всякий спам, не читая.

Айзекс встала, открыла гардероб и вынула из своей сумки мобильный телефон. Она пощелкала клавишами, выбирая нужное сообщение, и вручила телефон Тайре.

– Ну так вот, что было в спаме.

Тайра взглянула на экранчик. Короткое сообщение, в стиле Эстер, содержало всего три слова: «Рания оставила Ишанкар». Тайра перечитала сообщение еще и еще раз. «Рания оставила Ишанкар». Эстер внимательно наблюдала за ее реакцией.

– Это правда? – спросила она Айзекс.

– Правда. Мне бы хотелось объяснений, Тайра. Зная

о том, что наш Господин Хранитель всегда готов беглецам и предателям головы рубить до полуденного азана, это для Рании просто самоубийство!

– Я не могу объяснить, мэм.

– Куда она ушла? Зачем? Почему сейчас? У нее еще четыре дисциплины не сданы, она семестр не закрыла... Я думала – я надеялась, – ты сможешь объяснить мне, что стало причиной такого ее решения!

– Я не знаю, госпожа Айзекс, – ответила Тайра. – И давно она ушла?

– Пять дней назад. Но у меня создалось впечатление, что она просто сбежала.

– Сбежала?

– Да, сбежала. Не взяла почти никаких вещей: ни одежды, ни книг, ни украшений. Даже оружие оставила, что вообще очень странно.

– Оружие оставила? Оружие-то ей там дадут, – задумчиво сказала Тайра.

– Где – там? Где – там? – требовательно спросила Айзекс.

– Где-то возле Лиги.

– Сбежала к своему лигийскому дыхателю, значит, – сделала вывод Эстер и напялила очки обратно на нос. – Средние Века какие-то. Зачем сбежать-то?

– Вот именно, мэм, – Тайра отдала ей телефон. – Нелогично. Она теперь от Долга свободна, могла по любви замуж выйти, если ей так уж хотелось.

– Зачем она подалась в Лигу? Не понимаю. Ясно только одно: мы правильно поступили, что перекрыли ей все пути обратно.

– Она не сможет вернуться в Ишанкар?

– А ты думала, надо было открыть ей ворота и хлеб на блюдечке вынести? – взвилась Эстер. – А учитывая, что она теперь на стороне Лиги...

– Она ни на чьей стороне, мэм. Она сама по себе. Ну влюбилась она в лигийца, вы сами сказали, не Средние Века. Она не из-за этого сбежала.

– А из-за чего?

– Не знаю, мэм. Вот если бы с ней поговорить...

– Поговори, попробуй. У тебя в Ишанкаре с ней не очень-то разговор задался... А сейчас где ты ее найдешь?

Тайра задумалась. Она почти ничего не знала о Рании. Явно она ушла не в семью, откуда ее выгнали, только услышав, что она обладает какими-то сверхъестественными способностями. В Лигу ее не примут даже с ее мастерским владением мечом – не окончила обучение. А если и примут, даже со всеми странностями в поведении Рания никогда не предаст Ишанкар – в этом Тайра была уверена, – а ее мужчина уж точно спрячет ее так, чтобы никто не нашел. Он-то наверняка думает, что Ишанкар вышлет за Ранией карательную бригаду... М-да.

– Хранитель ей правда голову снесет?

– Если Лига ее примет – нет, не снесет, – Эстер погрызла

кончик карандаша. – Только ей доучиться придется, и скорее всего, в Торхильдфиорде.

– А если Лига не примет? Или если Рания в Монсальват подастся?

– Тогда аль-Малик ее казнит.

Тайра замерла. Неужели и правда казнит? Неужели это не просто угроза из разряда ишанкарских страшилок? И что за странности с Лигой?

– Что за предпочтения для Лиги, мэм? Чем они лучше Монсальвата?

– Ересиарха своего спроси, когда помириться, – не стала отвечать Эстер и подняла трубку коммуникатора. – Девочки, кто-нибудь, принесите мне личное дело Рании Азиз. И быстрее, пожалуйста.

– Вы думаете, там есть что-то нужное?

– Адреса, телефоны, в том числе и родителей, ближайшие родственники...

– И чем нам поможет информация почти десятилетней давности?

– Информация у нас актуальная, не даром разведкорпус в Шайорэ держим. Первичная биокарта тоже там, а это биометрические данные, – продолжила перечислять Айзекс, освобождая стол от многочисленных бумаг, – рост, вес, цвет волос, цвет глаз, результаты сканирования радужки, группа, резус и проба крови, отпечатки пальцев.

– Проба крови? Как в биокарте?

– Да. Что тебя удивляет?

– Зачем это в личном деле?

– А почему нет? – Эстер смотрела на нее поверх оправы.

– Если там и правда есть ее проба крови, я смогу ее найти, где бы она ни была.

Эстер поманила ее пальцем, чуть привстала с кресла и пододвинулась ближе к середине стола.

– Не вздумай разрешить Гиваршу себя обратиться, – раздельно произнесла она. – Я тебе тогда сама осиновый кол в сердце вобью.

И Айзекс вернулась обратно в кресло.

В дверь постучали и вошли две молодые женщины, сотрудницы отдела кадров.

– Ну? – Айзекс протянула руку за папкой.

– Мэм, – начала та, что повыше. – У нас нет личного дела Рании Азиз.

– Что за чушь? – теперь Эстер сверлила взглядом их. – Я сама лично просматривала его не далее как пять дней назад!

– Мэм, оно действительно было, но теперь его нет, – поправила первую вторая сотрудница. – Его изъяли господин Хранитель.

– Сразу, как только вы его вернули, – добавила первая.

– Была не наша смена, поэтому мы не знали, мэм.

– Но Грета сказала, что господин аль-Малик забрали дело Азиз еще пять дней назад.

– Они даже как положено в журнале расписались, вот, –

вторая открыла журнал и продемонстрировала Эстер витиеватую подпись Хранителя.

– Они даже ее биокарту у господина Варфоломея забрали, мэм, – дополнительно в свою защиту добавила первая.

Эстер посмотрела в журнал, потом на Тайру и, сдерживая гнев, сказала:

– Хорошо, девочки, вы свободны. Но впредь я хочу знать, что понадобилось аль-Малику, до того, как он это заберет. Ясно?

– Да, мэм, – в один голос ответили женщины и выпорхнули за дверь.

Эстер подождала, пока их каблуки затихнут в отдалении, и разразилась потоком ругательств на родном языке. Тайра ее не слушала. Господина Хранителя Эстер в расчет не брала, и совершенно зря. Он не спустил бы на тормозах побег и рядовой студентки, а тут речь шла о бывшей Стражнице госпожи аль'Кхассы. Если бы заинтересованность аль-Малика была только служебной, он довольствовался бы документами учебной части и не изымал биокарту... Да-а-а... Любое дело, в которое с особым рвением влезал аль-Малик, шло не как положено и оборачивались Дар Элайя. Тайра все еще не понимала смысла игры, но сейчас Хранитель опережал ее на шаг. Он знал о Рании что-то такое, чего не знали все остальные, даже всеведущая Эстер Айзекс, и он очень хотел, чтобы эта информация осталась тайной. Однако если никто не заподозрил ничего в течение стольких лет, значит, инфор-

мация и в личном деле, и в биокарте не была настолько явной.

– Что будем делать? – спросила Эстер уже по-английски.

– Я попробую поговорить с Хранителем, мэм.

– Дурацкая затея.

– По крайней мере, спрошу, зачем он взял дело.

– Это я у него спрошу! – опять начала злиться Айзекс. –

С пристрастием!

– Ну тогда я буду ориентироваться по обстоятельствам, – пообещала Тайра.

– Только, упаси боже, чтобы это не закончилось Советом!

Тайра вышла от Эстер. Надо было найти сэра хет Хоофта, но желание выяснить отношения с Саидом было сильнее. Она несколько секунд стояла перед Цитаделью, выбирая направление, и все же выбрала Архив.

Тайра постучала и вошла, не дождавшись позволения. Саид полулежал на диване и курил кальян. Она поклонилась, села в кресло напротив, закинула ногу за ногу и, потянув за гибкую трубку, выдернула у него из руки мундштук.

– Что пришла? – спросил Саид.

– Поздоровайся сначала, – табак был виноградный, с ароматом солнца и лета.

– Здравствуй, аль'Кхасса, – как первоклассник произнес Саид. – Что пришла?

– Дай мне посмотреть дело Рании.

– Зачем тебе ее дело?

– Она моя Стражница.

– Она не твоя Стражница, – спокойно возразил Саид. – Она свободный человек.

– Я хочу знать, почему она ушла из Ишанкара.

– Тебе есть до нее дело? – Саид забрал мундштук обратно.

– А как ты думаешь? Я с ней бок о бок столько лет провела. Я хочу понять, что происходит.

– А я думаю, ты просто ее убьешь, – Саид затаился, задержал дыхание, а потом с удовольствием выдохнул дым Тайре в лицо.

– Ты тут опиум, часом, не куришь? – Тайра отмахнулась от дыма. – А то я смотрю, у тебя с мозгами нехорошо стало.

– Я думаю, ты чувствуешь себя брошенной. Фарха тебя использует в качестве корма, Гюнтер тебя послал, Рания от тебя сбежала... Думаю, чаша твоего терпения полна. А учитывая, что Рания портила тебе жизнь почти целых пять лет, теперь ты можешь безнаказанно ее убить. Она больше не принадлежит Ишанкару, и, если ты ее грохнешь, я даже не смогу вызвать тебя на Совет, – и он передал ей мундштук.

– Чтобы ее грохнуть, мне личное дело не нужно, – Тайра мгновенно вышла за Грань и указала пальцем на свои зеленые глаза. – Ты говоришь ерунду.

– Я говорю правду. Неприятно слышать правду, да?

Тайра положила мундштук на стол.

– Дай мне взглянуть на ее дело. При тебе. Сейчас. И я уйду. Пожалуйста.

– Значит, ты утверждаешь, что не хочешь ее убить?

– Не хочу я никого убивать! Я вообще не хочу убивать.

А с Ранней я хочу поговорить.

– Вам не о чем разговаривать, – Саид был непробиваем. – Дела я тебе не дам.

Тайра потеряла висок.

– Слушай, Саид, давай начистоту.

– Давай, – он снова затянулся.

– Ты не даешь мне ее дело не из-за страха, что я ее убью, хотя и за жизнь ее ты беспокоишься. Ты знаешь о ней что-то, чего не знают даже Айзекс и господин Варфоломей. Вернее, аль-Малик знает. А дело мне не дает Саид. Объясни мне, что происходит, хотя бы с твоей стороны.

– Объясню, – легко согласился Саид, – раз ты и до этого дошла. Только правильно задай вопрос. Один вопрос. Не больше.

– Что это еще за новости? Я не люблю такие игры.

– Ну конечно, ты любишь пазлы. А я хочу вот так. Я не люблю пазлы. Или задаешь вопрос, или уходишь. За неделю, пока тебя не было, я начал привыкать к покою.

– В земле привыкнешь, – огрызнулась Тайра и задумалась.

Вопросов был просто миллион. Она могла вообще ничего не спрашивать, если бы он согласился дать ей дело, но это была дурацкая затея, Айзекс оказалась права. Тайра не могла выбрать ни один из вопросов, которые вертелись у нее в голове: все они казались ей одинаково важными. Она уже было

решила вообще ничего не спрашивать, но вопрос сам вылетел у нее изо рта, и Тайра поразила его формулировка.

– Кто забрал дело Рании – Саид или аль-Малик?

– Оба, – чуть подумав, ответил Хранитель и добавил: – Но ты ведь догадывалась об этом и без моего подтверждения... Ты впустую потратила свою единственную попытку.

Ответ Саида поразил ее еще больше, чем собственный вопрос. Вот тебе и подсознание... Надо было обязательно найти Наставника.

Гиварш с раскрытым зонтом ждал ее у выхода из Архива. Тайра прошла мимо, не поздоровавшись.

– Оклемалась? – догнал ее Морис, пристраивая зонт над ее головой.

– Как видишь. Чего тебе?

– Поужинаем? – предложил он.

– И хватает же у тебя наглости, – Тайра выразительно посмотрела на него.

– Хватает, – Гиварш улыбнулся во все лицо.

– Я прихожу к выводу, что магическое сообщество не так уж и не право, когда рассказывает про нас гадости.

– На пустом месте гадости не появляются. В этом, однако, есть своя выгода: пока они пересказывают друг другу ересь, мы можем жить спокойно.

– Зато какая у нас после этого репутация.

– Тебя заботит наша репутация?

– Иногда. Если у тебя ко мне все, я пошла.

– Не злись, сладкая моя, – примирительно сказал Морис. – Куда ты пойдешь без зонта? Июнь нынче дождливый. А я хотел попросить прощения.

– Ты умеешь просить прощения?

– Так поужинаем? Я все еще предлагаю тебе мир. Он ведь нам необходим.

– И желательно весь, – заметила Тайра.

Гиварш возражать не стал, только широко улыбнулся и предложил ей локоть.

– Ну и? – поинтересовалась она, когда они пошли по одной из дорожек в сторону вампирского особняка. – Что с тобой сделал сэр хет Хоофт?

Морис скривился, и Тайра испытала мстительное удовлетворение.

– Как обычно, некромантское непотребство. И хватает же у вас, нечисти, фантазии.

– А в подробностях?

– Обойдешься.

– А без подробностей?

– Без подробностей – ты его симулякр и сублимация.

– Чушь. С дочерью он меня никогда не ассоциировал.

– Но горло перегрызть за тебя может кому угодно.

– А вот и подробности! – засмеялась Тайра.

– Смейся, смейся, – недобро ухмыльнулся Гиварш. – Ну а с тобой он что сотворил?

– Ничего. Разве что он ни разу за неделю ни у кого не поинтересовался, где я и что со мной.

– А вот это хуже, но и это пройдет.

– Он мне, кстати, нужен. Не видел его?

– Сладкая моя, его уже неделю никто не видел, так же как и тебя. Башня запечатана, свет не горит. Некоторые уже стали надеяться, что вы оба того, – он опять обнажил клыки в довольной улыбке. – Да шучу я, расслабься! Я по тебе скучал. И по Йену тоже.

Морис накрыл для нее стол и налил себе большой бокал вина. Тайра поморщилась.

– Бифштекс с кровью? – предложил Морис.

Тайра сглотнула подступивший к горлу ком и отвернулась в сторону. Гиварш довольно ухмыльнулся, но мяса ей не подал.

– Что ты делала в Архиве?

– Пыталась уговорить Саида дать мне допуск к кое-каким документам.

– Безрезультатно, как я понимаю?

– Именно, – кивнула Тайра.

– А что тебе там надо?

– Сама не знаю. Что-нибудь про Зулейху.

Это было полуправдой, но пояснять что-либо Тайра Морису не стала. Информацию от него следовало побереечь.

– Да, – Морис мечтательно посмотрел в потолок. – Страшная была женщина! Поначалу ничего, а под конец вообще...

Не переживай. Ты на нее не похожа.

– Мне говорили. У нас только глаза одного цвета.

– Неправда, – Морис внимательно изучал ее глаза.

– Ну конечно, неправда, – согласилась Тайра. – У меня-то пока не красные.

– Я не о том. У нее были синие глаза. Синие, как весеннее небо перед грозой. Пожалуй, это единственное, что мне в ней нравилось.

Тайра не донесла вилку до рта. В голове опять что-то щелкнуло: две части пазла наконец-то соединились в правильном порядке.

– Ты ничего не путаешь?

– Я ничего никогда не путаю, моя сладкая. А что тебя так удивило?

– Да не может этого быть! – Тайра положила вилку на тарелку. – У нее карие глаза. Я пересмотрела столько миниатюр, да все миниатюры! Саид мне даже ее портрет в европейском стиле показывал! Глаза у нее или красные, или карие.

– Краски на полотнах от времени темнеют.

– Карие у нее глаза!

– Тебе так хочется быть похожей на Зулейху?

– Мне хочется правды.

– Ну так правда в том, что глаза у нее были синие, – Морис с удовольствием отпил из бокала. – От того, веришь ты мне или нет, ничего не поменяется. Я-то видел ее живьем еще до того, как она окончательно повернулась, так что можешь

забыть про миниатюры.

– Но я сама видела!

Морис поставил бокал и отодвинулся от стола.

– Я правильно тебя расслышал, моя сладкая? – осторожно спросил он.

Тайра поняла, что сболтнула лишнего, но Гиварш уже вцепился в ее слова мертвой хваткой.

– Ты видела Зулейху? Ты видела Зулейху?!

– Как тебя сейчас, – подтвердила Тайра. – И не один раз. Она меня к себе вытягивает, когда я сильно устаю и не контролирую свой сон.

– Вытягивает к себе?!

– Да, в то место, где она сейчас. Старый дворец посреди песков, ее тюрьма. Я не знаю, где это, но это точно не иной мир. В смысле она где-то в досягаемости Ишанкара, может в межреальности. Она и правда все еще не ушла, и я начинаю верить в сказки про то, что она может вернуться.

– Может вернуться?!

– Ну как-то же она колдует, – Тайра пожала плечами.

– Она колдует?!

– Иначе как бы я у нее оказывалась? Она меня вызывает.

– Вызывает?! Зачем?!

– Откуда я знаю? Может, скучно ей, а может, тело мое хочет, чтобы вернуться. А может, хочет меня убить: она же обещала каждую следующую некромантессу убивать. Я ее спрашивала, но она ни разу не ответила.

– Ты с ней разговаривала?!

– Ну разговора-то пока не получается, только прятки, догонялки да драки, но уж глаза ее я рассмотрела во всех подробностях, и они карие.

– Ты понимаешь, что ты сейчас говоришь?! – Морис вскочил со стула и подошел к ней. – Сладкая моя, ты влипла так, что даже находиться с тобой рядом уже опасно!

– Что тебя так пугает?

– Ты была у Зулейхи! Ты ходишь по теням! Ты ходишь по межреальности!

– Да.

– Давно?

– Достаточно давно. Ты не ответил.

Морис отошел к окну и вцепился себе в волосы, и, если бы ему было куда бежать, он непременно бы сбежал, бросив свой Дом и Ишанкар. Тайре стало не по себе.

– Может, объяснишь? – аккуратно попросила она.

Гиварш вернулся к столу и тяжело опустился на стул.

– И как он тебя еще не засек? – медленно протянул Гиварш, обращаясь не к Тайре, а в пустоту.

– Я ему просто не говорила об этом.

– Я не про Йена, моя сладкая, – словно маленькому ребенку пояснил Морис. – Хотя то, что ты не сказала о своих визитах к Зулейхе Йену, тоже удивительно. Я про Змея. Он себе уже хвост до половины сгрыз, потому что никак не может определить, кто без его ведома шарится по окрестным

тням! Ты хоть понимаешь, как ты попала?!

– Нет, – честно ответила Тайра. – Не понимаю.

Если верить Змею, о том, что она ходит по тням, он знал уже давно, а беспокоил его кто-то другой, кого он до сих пор не мог опознать, но Гиварш об этом почему-то не ведал.

– Мать моя королева, – шепотом произнес Гиварш. – Ты сколько лет в Ишанкаре?

– Ты долго будешь меня пугать?

– Ты не знаешь про Змея! – поразился Морис.

– Почему не знаю? Знаю. Виделись даже неоднократно, да и от тебя наслышана. Он милый и не такой страшный, как ты описываешь.

Гиварш замер в удивлении.

– А вот об этом я как-то не подумал. Интересно, это Йен так все закрутил или господин Ректор?

– Что закрутил?

Но Морис не ответил, погружившись в собственные мысли и складывая воедино разные линии предполагаемой партии.

– Ты мне расскажешь, чем тебя Змей так пугает?

Морис еще некоторое время думал, оценивая степень опасности и подбирая слова, а потом произнес:

– Представь себе алмазный клинок. Настолько острый, что он рассекает межреальность легче, чем твой любимый джедайский меч стальную дверь метровой толщины. Абсолютно холодный, абсолютно острый, абсолютно безжалостный, абсолютно разумный и абсолютно смертоносный. Хо-

лодная кристалльная концентрированная магия смерти, – выговаривая каждое слово, произнес он и замолчал, оценивая произведенный эффект. – А теперь представь, что каждый раз, как тыходишь в межреальность, этот клинок висит над твоей головой, и стоит тебе сделать... Нет! Стоит тебе подумать о том, чтобы сделать хоть один недозволенный шаг, – я уж не говорю о действии! – и он опустится тебе на голову и пронзит тебя насквозь! И никто никогда – даже великий и ужасный сэр Йен хет Хоофт и еще более великий и ужасный Сэл – не найдет твоих следов! Ни тела, ни души – ничего! Змей – это абсолютная, моментальная смерть без какого-либо посмертия. Ты понимаешь, моя сладкая?

Тайра почти что открыла от удивления рот. То, что она сама знала про Змея, абсолютно не соответствовало ни единому слову Мориса.

– Да ты его боишься! – поразилась Тайра.

– Да, боюсь, – не стал отказываться Морис. – Да, боюсь! Кроме тебя, только два живых идиота его не боятся! Твой обожаемый хет Хоофт, потому что привечает всякое зверье вроде тебя, и господин бывший Ректор сэр Котца, потому что тот еще сказочник и просто не осознавал всей опасности!

– Значит, Змей похож на меня? Тоже монстр?

– Тоже монстр, – подтвердил Гиварш, залпом допил вино и, игнорируя все нормы застольного этикета, налил себе еще полный бокал.

– Но меня-то ты не боишься.

– Кто тебе сказал? Конечно, боюсь. Ты тоже та еще штучка. А Змей живет подольше тебя, и опыта у него побольше будет. И логика у него мужская. Господи, Кхасса! Ты себе даже не представляешь!

– Видимо, нет. Иначе бы уже давно поддалась панике, так же как и ты.

Гиварш осушил полбокала вина и поставил локти на стол, подперев ладонями подбородок.

– Чего ты на меня уставился? – спросила Тайра.

– Хочу тебя запомнить. Я погорячился, когда сказал, что не буду жалеть о твоей смерти, – тихо сказал Морис. – А он тебя убьет, как только ему надоест быть для тебя милым и нестрашным или как только он засечет тебя в тених. И разбираться не станет. Он никогда не разбирается в такой ситуации.

– В какой?

– Когда кто-то посягает на его территорию или на то, что он считает своей территорией.

– А что он считает своей территорией?

– А кто его, трейсера, разберет... Но Ишанкар – точно его территория. Все порталы, все врата, все тени – вообще все пути в Ишанкар находятся в его ведении. Он отслеживает каждое перемещение, контролирует всех нас, и если появляется чужой – он исчезает в начале своего пути к нам, не дойдя даже до Первого Рубежа. Понимаешь, моя сладкая? Никто, кроме Змея, не знает, где находится Ишанкар. Даже

Ректор. Он охраняет нас и нашу территорию от чужаков как из этого, так и из потустороннего мира. Змей очень хорошо делает свою работу, тут надо отдать ему должное, именно поэтому нас никто до сих пор не нашел.

– Если он охраняет нас, почему он должен меня уничтожить? – не поняла Тайра.

– Сладкая моя, ты знаешь многих людей, способных ходить по теням? Из наших я знаю только троих. Сэр Бергер – у него это врожденное, он сам мог бы быть нашим трейсером, но почему-то не захотел. Точнее, выбрал Наставником сэра Котцу, а не сэра Макалистера. Хет Хоофт – потому что должен это уметь. Вас, некросов, этому обучают. И, собственно, сам Змей. Соответственно, ходить по теням без сопровождения в Ишанкаре имеют право только два человека! Ты такого позволения не имеешь! Ты вне закона! А нарушителей в межреальности Змей уничтожает без суда и следствия!

– Это так мило, – улыбнулась Тайра. – Ты и правда за меня переживаешь.

– Наивная ты, Кхасси, – вздохнул Гиварш. – И за что я тебя люблю?

– Ну а еще? – спросила она. – Что еще про Змея? Чем он еще занимается?

– Еще про Змея! – возопил Морис. – Тебе и этого должно хватить с головой! Ты об этом должна думать!

Гиварш замолчал. Тайра доела рукколу с авокадо и поло-

жила вилку.

– Интересно получается, – уже спокойно сказал Морис. – Ты мало знаешь про Змея, он мало знает про тебя. Почему Йен тебе про него почти не рассказывал? Потому что он чертов трейсер? Но вы все равно бы встретились, вам служить вместе. Может, он боялся, что два монстра уничтожат друг друга?

– Почему мы должны друг друга уничтожить?

– Потому что у вас природа такая! А теперь, в новых обстоятельствах, тем более так и будет. Он убьет тебя, а ты убьешь его. Ты же не собираешься сдаваться без боя, я надеюсь?

– Морис, почему вы со Змеем все время в контрах? – Тайра наконец-то задала давно интересующий ее вопрос и ему.

– А вот так сложилось, – не стал объяснять Гиварш.

Он залпом допил вино и отодвинул от себя бокал.

– Ты расскажешь? – спросила Тайра. – Что я хожу по теням?

– С ума сошла? – возмутился Морис. – Себе дороже. Буду молчать. И ты молчи. Неизвестно, чем кончатся твои бесконтрольные похождения по межреальности. Хотя, знаешь ли, моя сладкая, приятно иметь на руках козырной туз против тебя!

– Легко же доставить тебе удовольствие.

– Не язви. Будь аккуратней. И попроси Йена научить тебя ходить по теням и взять официальное разрешение у Трейсе-

ра. И быстрее.

– Ладно, уговорил. Пойду я. Надо кое над чем подумать, – она встала из-за стола.

– Проблем себе лишних не надумай.

Но Тайра уже его не слышала. Пазл всюду щелкал в голове, собираясь в новую картинку.

– Джимми! Джимми! – Тайра почти вбежала в приемную. Господин Секретарь отсутствовал: наверное, Ректор опять отослал его куда-то со срочными поручениями.

– Черт! – Тайра плюхнулась в его рабочее кресло.

Тайра знала, что Джимми, так же как и Ректор, хорошо рисует акварелью, но просить краски у сэра Бергера она бы не стала: он был слишком умным и знал больше нее, он вполне мог бы догадаться о ее истинной цели. Наверняка краски были где-то у Джеймса в столе, но все ящики были магически заблокированы, да и лазить по его столу было неприлично.

– Ну почему тебя всегда нет, когда ты нужен? – вслух сказала Тайра.

Джимми вышел из Ректорского кабинета с кружкой чая в руке.

– Ты чего вопишь? – спросил он.

– Джимми! – Тайра выскочила из-за стола. – У тебя же тут есть краски?

– Есть. А зачем тебе?

– Надо! Дай, пожалуйста!

Джеймс величественно занял свое кресло и достал из нижнего ящика разные кисточки и три пачки акварели.

– Тебе какие? Обычные, медовые или...

Но Тайра уже открыла первую попавшуюся коробку и вытащила из стопки бумаги на его столе какой-то лист.

– Это нужное?

– Нет, это черновик, – Джимми с интересом наблюдал за ней.

Тайра взяла кисточку и обмакнула ее в кружку с его чаем.

– Ты что делаешь? – возмутился Секретарь.

– Молчи и не мешай!

Тайра и так знала, что должно получиться, но проверить все же стоило.

Она набрала на кисточку синей краски и нарисовала на листе круг. Потом смыла краску и набрала на кисточку зеленый. Синий с зеленым давали какую-то страшную мазню. Тайра оценила получившийся шедевр и нарисовала рядом круг зеленого цвета. Это больше походило на то, какими были ее глаза при выходе за Грань.

Да-а-а... Сэл был умнейшим человеком: метка должна была быть универсальной. Когда он ставил такой маркер на радужку некромантесс, он не брал в расчет истинный цвет их глаз. Интенсивность зеленого цвета, в который окрашивались их глаза при использовании магии смерти, не зависела ни от чего, значит, начинать надо было не с синего, а с зе-

ленного цвета.

Джимми молча наблюдал за ее художествами. Его творческая душа явно страдала, но любопытство перевешивало отвращение к ее мазне.

Тайра набрала на мокрую кисточку красной краски и от души нанесла ее на еще не успевший высохнуть зеленый круг. В детстве Тайра проделывала такие цветовые эксперименты с мамой, и вот, спустя почти двадцать лет, этот опыт наконец-то пригодился. Краски потекли по листу в разные стороны, смешиваясь и давая коричневый цвет. Значит, изменения затронули Зулейху, когда она была за Гранью: красный цвет безумия наложился на зеленый маркер, поэтому ее глаза стали карими. Зулейха, оказывается, и не выходила из своего безумного потустороннего состояния! Именно поэтому ее запомнили и изобразили на картине с карими глазами! И именно поэтому каждый коснувшийся ее тут же уходил: Зулейха всегда была мертва! Тайра ужаснулась. Как она могла жить с этим постоянно? Никто из некромантов не мог все время находиться в двух мирах! Немудрено, что в итоге она окончательно спятила.

Тайра набрала еще красной краски и нанесла ее поверх коричневого круга. Иногда Зулейха возвращалась из-за Грани, и тогда глаза ее становились красными. Так ее и запомнили: с красными глазами, а карий считали ее родным цветом. Тайра рисовала красным до тех пор, пока коричневый почти не исчез. Лист промок, и краска просочилась Джим-

ми на стол. Вместо коричневого круга на листе красовалось интенсивное красное пятно. Тайра кинула кисточку обратно в кружку, подняла лист и взглянула на него на просвет.

Да, все было именно так. Дело вовсе не в потемневших от времени полотнах... Удивительно, как быстро страх вытесняет из памяти истинные картины произошедшего! Теперь Тайра была уверена, что и со смертью Зулехи все было не так или не совсем так, как они все привыкли считать, и аль-Малик, безусловно, знал об этом и о том, как все было на самом деле, и именно поэтому отказывал в допуске, придумывая нелепые причины!

– Ну и что это такое? – Джеймс наконец не выдержал. – Учишься рисовать?

– Ага, – ответила Тайра. – Учусь рисовать шарики.

– Какие шарики? – не понял Джимми.

– Новогодние. Новый год скоро, – пояснила Тайра и вылетела в коридор.

Ректор неслышно открыл дверь и вышел в приемную. В его кружке чай краской испорчен не был.

– И что это было? – спросил он Секретаря.

– Аль'Кхасса готовится к Новому году, сэр, – сообщил Джеймс, брезгливо выкидывая промокший лист в мусорную корзину и вытирая тряпкой стол.

Ректор посмотрел на календарь. До конца июня была еще неделя.

– Черт знает что, – сказал он. – Одна к Новому году в июне

готовится, другой добровольно сидит в Зиндане.

– Вы бы помирили их с сэром хет Хоофтом, сэр, – предложил Кервуд. – Глядишь, странности бы закончились.

– Не думаю, Джеймс, что они закончатся. Пусть все идет как идет. Может, им так надо, нам их не понять.

Джимми вздохнул и принялся собирать краски.

– Попил чайку, – с досадой сказал он, вынимая кисточку из кружки.

Тайра сидела в кафе на третьем уровне огромного торгового комплекса в Дублине. Когда-то ее заманил сюда Ксандер, пообещав самое вкусное во всей Ирландии мороженое с вишневым сиропом, грильяжем и миндальной стружкой. Насчет мороженого Ксандер не солгал, но кафе нравилось ей еще и тем, что с его балкона открывался хороший вид на зимний сад и подсвеченный разноцветными огоньками бассейн на первом этаже. За обилием зелени не было видно многочисленных бутиков и снующих покупателей, а из-за приятной музыки – в кафе почему-то почти всегда звучало что-то расслабляющее-нейтральное – и шума фонтанных струй были почти не слышны детские крики из «Стар Гэл-экси» уровнем ниже. Тайра приходила сюда отдохнуть и подумать.

Вся ситуация в Ишанкаре ей не нравилась. Ни поступок Гиварша и странное исчезновение сэра 'т Хоофта, ни внезапный и бессмысленный уход Рании, ни таинственное поведе-

ние аль-Малика... Тайре казалось, что все это составляющие одной головоломки, но они никак не хотели собираться вместе. Не хватало какой-то маленькой части, которая определила бы положение каждой из остальных частей, чтобы общая картина стала ясна.

Странно, что и неуравновешенный юнец Саид, и умудренный годами господин Хранитель аль-Малик – оба были в одинаковой мере заинтересованы личным делом Рании Азиз. Аль-Малик, конечно, знал, что подпускать некроманта к крови было неосмотрительно: кто знает, как много он мог бы узнать по одной капле? Хранитель явно располагал этой информацией и был твердо уверен, что госпоже аль-Кхассе этого знать ни в коем случае не надо. Положим, у Господина Хранителя аль-Малика была причина, чтобы так ревностно охранять дело Рании, но почему в личное дело хваткой бойцовской собаки вцепился Саид? Ему-то какое дело до выбывшей студентки? И все эти его странности с игрой в один вопрос... Может ли быть, что и Саид знает что-то, что не известно никому? Почему бы нет? Тайра допускала и такую возможность: должен же он был когда-то начать взрослеть и умнеть. Если все было так, как она думала, то та самая маленькая и самая важная часть головоломки находилась в руках у господина Хранителя, и отдавать ее он не собирался.

Эта часть касалась и Рании, и Тайре просто необходимо было иметь о ней представление, а раз Хранитель так

не хотел, чтобы она нашла Ранию, значит, Стражница знала еще что-то, чего Тайре знать было не положено. Получается, Хранитель спрятал Ранию, чтобы Рания скрывала другой секрет. Даже голову рубить не стал... Может, сам и пристроил ее поближе к Лиге и ее Братьям... Может, именно этот секрет и объяснил бы странную перемену, произошедшую со Стражницей много лет назад.

Проще всего было попросить помощи у Мориса: бесмертные должны были иметь образцы крови всех в Ишанкаре, но сейчас обращаться к Гиваршу было нельзя. Морис был Господином Игры, и, раз он по его собственному признанию никогда ничего не забывал, он мог бы сложить Тайрин пазл куда быстрее нее. Давать ему такое преимущество Тайра не хотела: непонятно, как он смог бы использовать полученную информацию в будущем. Последняя история с его участием показала, что Гиварш может быть совершенно непредсказуем.

Это было похоже на задачу по моделированию. Бывало, что Тайра халтурила. Когда она не могла справиться с расчетом, она строила модель и потом по ней просчитывала недостающие части. Интуиция подсказывала, что здесь надо было действовать так же, но с чего начинать строить эту модель? Не было центральной оси, на которой все могло бы держаться, и ее необходимо было найти.

У Тайры уже было предположение, но оно было настолько сумасшедшим и неправдоподобным, что она боялась ду-

мать о нем всерьез. Оно могло объяснить практически все, но Тайра не могла без предварительной тщательной проверки поставить на Рании крест, а чтобы хоть как-то проверить свое предположение, надо было проникнуть в Архив. Все опять замыкалось на Саиде.

Тайра ела мороженое по чуть-чуть, стараясь подольше растянуть удовольствие. Пломбир постепенно таял, стекая на дно креманки, смешивался с вишневым сиропом, образуя причудливые цветные завитки с белыми миндальными лепестками. Тайра зачерпнула ложечкой вишневого сиропа, но во рту вместо приятного кисло-сладкого вкуса появился привкус железа и соли. Тайра бросила ложечку и зажала рот рукой. Она еще не отошла от подsunутой ей Морисом крови, и ее чуть не вывернуло от отвращения. Она проглотила сироп и пару раз глубоко вдохнула. Ощущение крови во рту не пропадало. Она посмотрела в вазочку. Сверху мороженого определенно был вишневый сироп, но для нее по запаху и вкусу он был натуральной живой человеческой кровью. Тайра отодвинула креманку подальше.

От общения с Гиваршем ей всегда доставались странные подарки. Чего стоил только тот эксперимент с ядами... Она, впрочем, никогда и не напивалась, но теперь такой опыт ей определенно не светил. Надо было спросить сэра 'т Хоофта, как он обошел такую же проблему. Наверняка Гиварш в свое время отравил и его, так что пришлось срочно запускать магический механизм распада, который давал подоб-

ный постэффект в отношении спиртного. Даже водка казалась простой водой, но кровь всегда оставалась кровью. Может, теперь она, как любой вампир, однажды попробовавший чью-то кровь, могла определить жертву, даже не желая этого? Тайра повернула голову в сторону ряда пальм и фикусов на втором уровне напротив – теперь со стороны можно было подумать, что она просто рассматривает что-то вдалеке, – и принялась искать.

Она снова была кинокамерой. Она летела между листвы зимнего сада, мимо бутиков с нижним бельем и обувью, нырнула под эскалатор, упала на первый этаж, пролетела под струями фонтана, которые в этот момент были оранжевыми, и опять взмыла вверх. Ее цель находилась четырьмя уровнями выше. Она неторопливо шла, разглядывая витрины магазинов одежды, стараясь не столкнуться с женщинами, руки которых были заняты множеством фирменных пакетов с покупками, обходя техперсонал на роликах, пропуская веселящую молодежь. Она была вполне спокойна и довольна сегодняшним днем. Тайра поняла, что опять встряла в неприятности, потому что теперь-то Наставник ее точно приберет, но не могла отвести взгляд, продолжая наблюдать.

Госпожа Магдалена прекрасно выглядела для своих лет. У нее были удивительные голубые глаза, а морщинки возле уголков губ говорили о том, что она чаще улыбается, чем грустит. Тайра испытывала к ней уважение и какое-то сакральное почитание: без участия госпожи Магдалены она

никогда не встретила бы с сэром 'т Хоофтом и наверняка уже давно была бы окончательно мертва. Если ее крестным феем был сэр Котца, то крестной феей, несомненно, была Магдалена ван Хален.

Тайра продолжала бы наблюдать за ней и дальше, но ее внимание привлек молодой парень на роликах в форме техперсонала торгового комплекса. Он как-то слишком близко и слишком медленно проехал мимо госпожи Магдалены, и, когда отдалился от нее, у него в руке была вещь, принадлежащая ей: у него был ее портключ.

Тайра моментально вернулась обратно. Мороженое в вазочке почти растаяло. Зачем техслужащему портключ госпожи Магдалены? Это же обычный носовой платок, на который не польстился бы никакой грабитель или шутник. Пацан должен был знать, что и откуда он должен вытащить! Это означало только то, что его подослали. Госпожа Магдалена не была магом, без портключа она не смогла бы вернуться домой, а это, в свою очередь, означало, что она кому-то была очень нужна здесь и сейчас и этот кто-то знал, что самого сэра 'т Хоофта не было рядом.

Тайра додумывала мысль уже на бегу. Эскалатор двигался слишком медленно и был забит народом. Она кинулась к лестнице, и, когда одолела пролет, мир вдруг изменился, замедлился и стал отсвечивать зеленым.

Некросы! Тайра свернула с лестницы и перегнулась через перила вниз. В главные двери вошли пятеро крепко сложен-

ных мужчин. Двое из них были лигийскими воинами, трое – настоящими опытными некромантами, не такими недоучками, как она. Такой ударный отряд ради одной не обладающей никакими магическими способностями госпожи Магдалены? Тайра кинулась вверх, налету пытаясь снова найти и удержать ее образ. Магдалена двигалась к лифту. У лифта уже стояли две парочки и пожилой мужчина с двумя внуками. Тайра поняла, что не успеет. Она опять подлетела к перилам, остановилась и стала ждать.

Лигийцы остались снизу. Им даже не надо было подниматься. Они не торопились. Они были хорошими охотниками. Лифт останавливался на каждом этаже, принимая и выпуская пассажиров, так что в итоге госпожа Магдалена сама должна была спуститься к ним в руки.

Надо было срочно решить несколько задач. Во-первых, парень на роликах. Если он доедет до наемников и передаст им портключ, возможно, их трейсеры сумеют его перенастроить, и тогда сэра 'т Хоофта будет ждать засада в собственном доме. Парень был самой легкой задачей. Тайра перестала наблюдать за госпожой Магдаленой и аккуратно, чтобы некросы не засекали ее раньше времени, потянулась к парню. Платок был зажат у него в кулаке. Тайра спроецировала ему в ладонь обычный файербол, начиненный белым, уничтожающим все магические артефакты огнем, и поставила таймер. Заклинание сработает, как только он разожмет пальцы.

Лифт подъехал на четвертый уровень. На пятом в него войдет госпожа Магдалена... Тайра могла бы отправить ее домой сама, но она понятия не имела, где она живет, и спрашивать об этом ей было строго-настрого запрещено. Неизвестно, как расценил бы это сэр хет Хоофт: она и так уже достаточно далеко вторглась на запретную для нее территорию его семьи. Надо было срочно найти госпоже Магдалене провожатого, а заодно и телохранителя.

Первым на ум пришел Змей, но его из межмировой тьмы было не дозваться. По теням он ходил быстрее обычных трейсеров, значит, был уже далеко и за полминуты вернуться все равно бы не успел. Вторым Тайра вспомнила Траву, командира-спецназовца из Шайорэ. Где-то даже был его телефон... Тайра нашарила в Арсенале мобильник и уже почти отыскала среди прочих его номер. Если Трава находился в Шайорэ, сорваться по первому ее зову, бросив место службы, он бы не смог: над ним точно были еще командиры, у которых пришлось бы отпрашиваться, объясняя причину и тратя драгоценное сейчас время. Конечно, он мог бы уйти и без разрешения... Это если дежурным спецназовцам в Шайорэ позволяли свободно входить и выходить из крепости, в чем Тайра сильно сомневалась. Если же Трава в данный момент был на задании, то обращаться к нему за помощью было и вовсе бесполезно. Нет, спецназовец для этой миссии точно не годился. Тайра закинула мобильный обратно в Арсенал.

Она видела только один выход, и имя ему было Айгер ван Хинкес. Это была задача номер два. Тайра закрыла глаза и, стараясь, чтобы голова Айгера и ее собственная не развалились от боли, послала зов.

«Айгер! Айгер, ответь мне! Это аль Кхасса».

Никакого ответа не последовало. Звать мертвых было гораздо легче: они слушались сразу, и голова от такой телепатии совсем не болела. С живыми у нее всегда получалось хуже.

Лифт подъехал к пятому уровню, и госпожа Магдалена, выпустив выходящих, пропуская вперед деда с внучками, вошла внутрь.

«Айгер, черт тебя побери! Айгер! Отзовись!»

«Я думал, мне это кажется, – услышала Тайра в сознании голос ван Хинкеса и схватилась за виски. – Ты опять меня достаем, нечисть! Уже и в голову влезла!»

«Мне нужна помощь! Срочно!»

«Ты понимаешь, кого и о чем просишь, ведьма?» – Тайра услышала удивление и нотки оскорбленного самолюбия в его голосе.

«Понимаю. Айгер, времени нет! Ну пожалуйста! Змей далеко на маршруте, некого мне просить!»

«Координаты давай», – нехотя ответил ван Хинкес.

Тайра как раз успела сбежать по лестнице на третий уровень и долететь до лифта, когда ван Хинкес вышел из портала.

– Совсем страх потеряла? – спросил он.

– Ты уже спрашивал, – выдохнула Тайра. – Спасибо, что не бросил.

– Может, объяснишь? – ван Хинкес смотрел на нее с высоты своего роста.

Лифт звякнул и открыл двери. Вышли все, кроме Магдалены и одной парочки. Тайра затолкнула Айгера внутрь, и двери мягко закрылись за ними.

– Ну отлично...! – выругался ван Хинкес. – А она что тут делает?

Тайра прижала руку к сердцу и поклонилась. Магдалена вздрогнула, но глаз не отвела. Они видели друг друга впервые. Тайра смотрела на нее пару секунд, а потом повернулась к ван Хинкесу.

– Слушай сюда. Доставишь госпожу Магдалену домой и сдашь с рук на руки сэру 'т Хоофту. Понял? С рук на руки!

– А сама что, не можешь?

– Я понятия не имею куда, – призналась Тайра. – Мне нельзя этого знать.

– И ты решила, что я хорошая нянька, да?

– Айгер, – Тайра посмотрела ему в лицо. – Там на первом этаже два бойца из ваших и три некроманта с ними, и все они за ней. Вот зачем ты мне нужен.

Айгер мгновенно подобрался и принял боевую стойку. Лифт звякнул и открылся на втором уровне. Парочка, услышав странные разговоры, от греха подальше вышла. Войти

никто, увидев Айгера, не рискнул.

– Ну положим, – мрачно сказал ван Хинкес. – И с какой стати я должен тебе помогать?

– Потому что я тебя прошу!

– Не понял, – хищно улыбнулся ван Хинкес.

– Я тебя нанимаю, так понятней? – разозлилась Тайра.

– И что я получу в качестве оплаты?

– Все, что угодно, – Тайра считала секунды до первого этажа.

– Все, что угодно? – уточнил Айгер. – Это твое Слово?

– Это мое Слово, – кивнула Тайра и толкнула его в грудь. – Да вали уже! Не светись перед своими!

Айгер галантно приобнял Магдалену, они сделали полшага и исчезли. Тайра выдохнула, повернулась к дверям и вышла за Грань ровно в тот момент, как они открылись.

Она атаковала сразу. Один из магов успел поставить блок, и ее заклятье растеклось по его щиту. Защита была несложной, но сработала. Двое других, объятые черно-зеленым сиянием, растворились в воздухе и отправились на Нижние Галереи. Лигийцы потянулись в Арсеналы за мечами, но в этот момент откуда-то появилась толпа, желающая попасть в лифт, и оттеснила их назад. Парень на роликах подкатил к одному из них и протянул руку с зажатым в ней платком Магдалены.

Портключ взорвался беззвучно и очень ярко, парень взвыл и завалился на спину, прижимая к груди обожженную

руку. Некрос запустил в Тайру какую-то черную дрянь, Тайра приняла ее в центр ладони, переводя энергию в откат и отводя его на посох. Некрос не ожидал ничего подобного, отшатнулся назад, но Тайра перехватила их порталы и вытолкнула их из торгового комплекса на пустырь за серым жилым домом любительницы бега и Брамса. Это было место, в котором определенно не было людей и которое первым пришло Тайре на ум.

Она ударила по некросу еще раз, для того, чтобы выиграть время. Он снова выставил щит, и за эту секунду Тайра отбросила лигийцев в стороны метров на сто. Некрос достал посох и направил ей в грудь. Из посоха вырвалось красное сияние, и Тайра словно вросла в землю. Было безумно больно, в солнечное сплетение вонзился раскаленный винтовой нож, но она знала, что долго терпеть ей не придется. Некрос просчитался. Тайра вышла вовне и, пока маг удерживал ее тело своим заклинанием, вытолкнула наружу его сердце. Спина мага ощерилась осколками ребер, сердце в ореоле кровавых брызг вылетело назад, Тайра фиолетовым силком притянула его к себе и со всей силы сжала в ладони, пронзая пальцами плотную ткань мышцы и вместе с сердцем сминая и тело мага, будто это был разогретый пластилин. На все Тайре хватило трех секунд. Маг бросил тело, выронил посох, Тайра ударила по нему заклятьем уничтожения, и артефакт взорвался, магическая воронка завертелась и затянула в себя остатки дерева, металлических накладок, обрывки изуродо-

ванной плоти и душу некроманта.

Тайра огненной волной выбила из рук бегущих к ней лигийских Братьев раскаленное докрасна оружие, выхватила из Арсенала две свои шпильки и встретила бойцов на подлете. Шпильки вошли обоим аккурат в горло, воины упали к ее ногам, скованные магией смерти. Тайра привязала их к себе, наклонилась к ближнему, взялась пальцами за наверхшие шпильки и заглянула ему в лицо.

– У тебя ровно минута, – сообщила она. – За эту минуту ты можешь сделать выбор между жизнью и смертью. Ответишь на мои вопросы – будешь жить. Дальше продолжать?

Воин смотрел на нее абсолютно без страха почти полминуты – Тайра терпеливо ждала, – а потом улыбнулся страшной улыбкой камикадзе. Из уголка его рта алой змейкой вытекла кровавая струйка. Тайра подумала, что, если бы мог, он плюнул бы ей в лицо.

– Твой выбор понятен, – сказала она и выдернула шпильку из его горла.

Тайра присела возле другого.

– Условия те же, – объявила она и взялась за шпильку. – Кто заказал госпожу Магдалену, полагаю, спрашивать бесполезно: вы заказчиков не светите.

Лигиец моргнул. Это должно было означать «да».

– Зачем?

Воин чуть пошевелил головой. Это могло означать все, что угодно, но ей показалось, что лигиец ее послал, и послал

очень далеко.

– Это твое последнее слово?

Лигиец, так же как и его собрат, неприятно улыбнулся и закашлялся, подавившись собственной кровью.

Тайра выдернула шпильку, вытерла ее о песок и клочки травы и вернула в Арсенал. Она встала, испытывая отвращение к самой себе, и свысока посмотрела на лежащие у ее ног тела. Она уже собралась уходить, но ее взгляд зацепился за кожаную подвеску в виде нескольких кармашков на бедре у первого воина. Тайра не могла объяснить, что заставило ее нагнуться и проверить, что было внутри. Она сунула пальцы и рассекла их об острые как бритвы края, чертыхнувшись, но вытянула содержимое наружу.

...Точно такой же сюрикен был прибит над входной дверью ее комнаты в Ишанкаре. Девять метров белого шелка валялись где-то в шкафу. Она не могла ошибиться.

Внезапно еще несколько кусочков пазла встали на место.

Тайра моментально вытащила из Арсенала все свои шпильки и пронзила тело лигийца в ключевых точках, привязывая к нему энергетические потоки. Она вышла за Грань и бросилась на поиски. Его имени Тайра не знала, поэтому не могла его даже позвать. Если она не сумеет вернуть его обратно, Рания потеряет все.

Она нашла его без труда: такой ненависти к себе она не чувствовала еще никогда. Она отсекала его от потустороннего мира и перетащила в ближайшую тень. Он что-то кри-

чал ей, но она не слышала. Тайра опутала его всеми семью нитями, тянущимися от шпилек, и силой втокнула в тело. Он изогнулся дугой, от шпилек во все стороны брызнули разноцветные искры, Тайра еле успела выдернуть их, пока они не расплавились, и накрыла его пологом целительской магии, закрывая раны и восстанавливая его сердцебиение.

Принудительное воскрешение вышло грубым и некрасивым, сэ́р 'т Хоофт обязательно отругал бы ее и заставил переделывать, но ей казалось, что времени катастрофически не хватает. Она потратила драгоценные минуты на общение с другим воином и на глупое сентиментальное созерцание лежащих на земле тел, так что в данном случае результат был важнее исполнения.

Когда дыхание лигийца выровнялось, Тайра встала с земли и ушла через портал в Ишанкар.

Ван Хинкес дремал, сидя в гостиной в большом удобном кресле, положив обнаженный меч себе на колени. Госпожа Магдалена смотрела телевизор, правда Айгер был уверен, что она не любит глупые ток-шоу для полуночников и смотрит в экран лишь для того, чтобы скрыть свое волнение: он не спускал с нее взгляд, таковы были условия его контракта, ничего личного. Айгер не переставал удивляться самому себе: он принял заказ от одного некроманта и должен был защищать жену другого некроманта. Времена менялись, это уж точно... Он чертыхался бы все то время, что провел в доме

’т Хоофта, но присутствие госпожи Магдалены действовало на него так же, как и присутствие сестры Агнессы много лет назад, только у сестры Агнессы с собой всегда был мешочек с сушеным горохом, чтобы при случае насыпать его в угол и поставить на колени особо злостных сквернословов.

Он был абсолютно спокоен. Если бы кто-то рискнул явиться в дом к ишанкарскому ересиарху, то сделал бы это безотлагательно. Сейчас часы показывали около одиннадцати, и если до сих пор никто не пришел, то, значит, приходиться было и некому. Младшая нечисть должна была уложить всех без особого труда. Айгера даже не сильно огорчало, что вместе с некромантами на тот свет наверняка отправились и лигийские Братья. Нападать на человека, не обладающего магическими способностями, считалось крайне неэтичным, даже если этим человеком была жена некроманта нелюбимого всеми Ишанкара, поэтому ван Хинкес был уверен, что все получили по заслугам.

О том, кому понадобилась смерть госпожи Магдалены, он себе думать запретил, потому что от одной мысли об этом у него начинала болеть голова. Пусть с этим разбирается ’т Хоофт и его младшая нечисть. Заказ казался ему абсурдным, на этом он и успокоился.

Шаги он услышал еще задолго до того, как человек подошел к двери. Айгер крепче перехватил меч, распахнул дверь и встал на пороге, заслонив собой почти весь дверной проем.

Хет Хоофт не замедлил шаг, но приподнял бровь в удивлении. Этот жест просто выводил Айгера из себя, особенно в исполнении младшей нечисти. Каждый раз, когда она делала так же, Айгер чувствовал себя полным придурком, будто не мог понять чего-то элементарного. Ван Хинкес спрятал меч и пропустил 'т Хоофта внутрь.

– Удивлен, – сказал Йен ван Хинкесу и подошел к жене.

– И я удивлен, где вас носило, – огрызнулся Айгер – за сегодняшний вечер он устал вести себя прилично – и все же добавил: – Сэр.

– Все в порядке? – спросил 'т Хоофт, обращаясь к жене.

– Теперь, думаю, да, – Магда одной рукой обняла его за пояс.

– Ну а ты, Айгер, что делаешь у нас дома? – маг переключился на Айгера.

– Работаю, – ответил он и натянул куртку. – Вернее, работал. Но теперь я пойду.

– Спасибо, Айгер, – вслед ему сказала Магда.

Ван Хинкес явно не ожидал никакой благодарности, он не привык получать благодарность за выполнение заказа и смутился. Он вынужден был что-то ответить, неловко обернулся к Магдалене и сказал:

– Вкусные пирожки, госпожа Магдалена, особенно с земляничкой. Никогда таких не ел.

Он кивнул 'т Хоофту и вышел в ночь.

Йен пару секунд смотрел Айгеру в спину сквозь закрытую

дверь, а потом повернулся к жене. Магда поняла, что от его спокойствия не осталось и следа.

– А теперь я хочу узнать, в чем, собственно, дело.

– Пойдем, я тебя накормлю, – предложила Магда.

...Йен в третий раз выслушал краткий рассказ жены, хотя обычно ему не требовалось повторять что-то дважды, но так и не мог найти логического объяснения произошедшему. Лига решила убрать его жену. За всю жизнь такого не было никогда. 'Т Хоофт был ужасно зол и очень хотел поставить Лигу на полагающееся ей место, но видел одну нестыковку: Айгер взялся защищать Магду от своих.

– И что ты думаешь обо всем этом? – спросила Магдалена.

– Если ван Хинкес согласился защищать тебя от своих, значит, он считает, что они поступили неверно, – сказал маг.

– Я думаю, он не успел ничего посчитать. Твоя Ученица не дала ему времени подумать.

– Это я понял. Я не понял, как она его вызвала. Не вместе же они там были.

– Нет. Он сказал, она оторвала его от важного дела.

Хет Хоофт усмехнулся, но тут же стал серьезным.

– Магда, она вызвала своего Охотника, человека, который обещал снести ей голову, – Йен сделал паузу и продолжил. – И ее Охотник мало того, что не отрубил ей голову, предполагая, что она ликвидирует всю зондеркоманду, так еще и принял от нее заказ. Не удивительно?

– Удивительно, – согласилась Магда, – но не менее чем

то, что кому-то понадобилась моя смерть. Я вообще не лезу в ваши магические дела.

– Именно это озадачивает меня больше всего, – признался 'т Хоофт. – Я всю жизнь старался ограждать тебя от этих склок, и до сегодняшнего дня мне это удавалось. Я не могу понять, что именно вдруг изменилось.

Магда подлила себе чаю.

– Я не хочу тебя обидеть, Йен, но ответь мне, где ты был всю эту неделю?

Йен молчал. Он считал обвинения жены вполне заслуженными и обоснованными.

– Если бы твоей Ученицы не оказалось рядом, я бы тут не сидела. Как ее занесло в Дублин? Как она меня вычислила?

– Про Дублин не знаю, – 'т Хоофт вертел в руках чайную чашку. – А по поводу вычисления... Есть у нас некоторые техники. А что ты делала в том торговом центре?

– Ты не поверишь, – Магда выдержала драматическую паузу. – Я там гуляла. Хотела купить каких-нибудь ненужных сувениров, шмоток или сладостей. У меня был выходной, день без спектакля, мне нечем было заняться. На улице был ливень, не сидеть же мне весь день в костюмерной или в своем номере?

– Нет, конечно, но почему именно туда?

– Я спросила на ресепшене, что бы они посоветовали, и один из портье меня даже проводил. Очень интересный

мужчина, между прочим.

– Неужели? И насколько интересный?

– Достаточно. Он не успел мне наскучить, пока мы пили кофе.

– Ты всегда на гастролях пьешь кофе с незнакомыми мужчинами?

– Обожаю, когда ты ревнуешь, – Магдалена игриво подмигнула. – Кстати, завтра у меня репетиция в девять утра, а у меня еще Оберон и Титания не отглажены, так что, надеюсь, ты вернешь меня в Дублин вовремя. Гастроли еще не окончены. А теперь, когда со мной все понятно, может, расскажешь, где провел эту неделю ты, Йен?

– Я сидел в Зиндане.

– Господи, это еще что за новости?! Почему ты сидел в Зиндане?

– Не почему, а зачем.

– И зачем? – строго спросила Магда.

– Хотел кое-что понять.

– Ну и как, понял?

– Не злись, Магдалена, – примирительно сказал 'т Хоофт. – Не могу рассказать. Служебная тайна. Я просто очень давно не совершал ошибок. Уже забыл, как это и что при этом чувствуешь.

Магда встала и отвернулась к плите. Она сняла чайник с огня и заварила новую порцию чая. По кухне поплыл запах апельсиновых корочек и свежих чайных листьев.

– И знаешь, что Тайра пообещала Айгеру в качестве оплаты? – Магда повернулась к мужу и сложила руки на груди.

– Нет, – покачал головой маг.

– Себя! – веско сказала Магда.

‘Т Хоофт некоторое время смотрел на жену, ожидая объяснений, и, не дождавшись, поднялся со стула.

– Я пошел спать, – сообщил он, поцеловав ее в висок. – Люблю тебя.

Магда вымыла чашки, вытерла руки о вышитое полотенце, раздвинула занавески на окнах, выключила в кухне свет и тоже пошла наверх.

Когда она поднялась в спальню, Йен уже лежал в постели. Магдалена выключила ночник, забралась под одеяло и повернулась к мужу. Йен молчал. По потолку волнами ходили тени веток в свете ночных фонарей. Магда дотронулась до его руки.

– Успокойся. Все образуется. Ничего страшного пока не случилось.

– Ты о чем? – для приличия спросил ‘т Хоофт.

– Я вообще, – улыбнулась Магда.

Йен смотрел в потолок.

– Знаешь, я однажды спросил ее, о чем она жалеет, – сказал он. – Я думал, она жалеет о чем-нибудь таком... О том, что осталась одна без семьи... Или о том, что ей досталась такая судьба... Что в двадцать лет она вынуждена убивать по приказу и по необходимости... Или еще о чем-нибудь,

что было бы мне понятно. Знаешь, что она сказала? – 'т Хоофт посмотрел на жену. – Она жалеет, что так и не научилась печь пирожки до того, как умерла бабушка. Понимаешь? Она жалеет не о том, что ей приходится убивать и что молодость проходит мимо нее. Она жалеет, что не научилась печь пирожки.

Магде вдруг стало жаль мужа. Она всегда знала, что он привязался к Ученице больше, чем хотел бы, но никогда не подозревала, что эта привязанность настолько окрашена печалью.

– Почему ты так мало мне о ней рассказываешь? – спросила она.

– Мне казалось, это логично. А тебе бы хотелось знать больше?

– Не знаю, – честно призналась Магда. – Но тебе не кажется, что это нечестно?

– Нечестно что?

– Я видела ее глаза, Йен. Мне сложно поверить, что она настолько ужасна, как говорят ваши легенды.

– И это нечестно?

– Да нет, я говорю не то, что хочу... Как ты ее зовешь?

– Тайра.

– Нет, Йен. Я знаю, что ты зовешь ее Тайрой, только когда она тебя злит. А еще я знаю, что у тебя есть ее фотографии в столе. Я никогда не обыскивала твой стол, но я знаю это, потому что ты старательно их от меня скрываешь и прячешь

в ящик, как только я вхожу в твой кабинет. Ты как школьник, которого мать застала за просмотром эротического журнала, – Магда улыбнулась, но 'т Хоофт остался серьезен. – Ты боишься меня или себя?

Йен не знал, что ответить.

– Может, ты и великий некромант, но ты абсолютно ничего не знаешь ни о мире мертвых, ни о мире живых. Все, что ты знаешь о мертвых – это только ваши техники и твои личные переживания, но и это больше, чем то, что ты знаешь о простых человеческих отношениях. Тайра существует в твоей жизни, и этого не изменить, так что перестань вести себя как идиот. И это нечестно.

– Я все еще не понял, что нечестно.

– Нечестно, что ты до сих пор нас не познакомил. У тебя есть человек, о котором ты заботишься, который важен для тебя, хоть ты и не показываешь вида. Ты живешь две жизни – свою и ее, и это хорошо, Йен. Это значит, что ты живой. Я боялась, что ты навсегда останешься Белым Богом, – Магда печально усмехнулась. – А что есть у меня? Я тоже хочу жить так, как ты. Я тоже хочу заботиться не только о тебе и театральном гардеробе. Честно сказать, я устала от предсказуемости и спокойствия, поэтому сегодняшнее приключение – хоть что-то новое в моей жизни. Ты меня понимаешь?

– Не совсем, – признался Йен.

– Я же говорю, ты ничего не смыслишь в человеческих отношениях.

Хет Хоофт опять вздохнул.

– Мы с ней, как бы это сказать... Поссорились.

– Поссорились? – удивилась Магда.

– Ну не совсем поссорились...

– Ты, взрослый мужчина, поссорился с девочкой?

Не стыдно?

– Знаю, знаю. Я ничего не смыслю в человеческих отношениях.

– Почему ты ни разу за столько лет не привел ее к нам в дом?

– Не хотел причинять тебе боль.

– Об этом мы с тобой уже разговаривали! Не заставляй меня повторять одно и то же в сотый раз! – разозлилась Магда.

– Магдалена...

– Познакомь нас! Я научу ее печь пирожки.

– Я подумаю.

– Я уже подумала за тебя! Насколько я помню, мне как твоей жене это иногда позволительно! – и она отвернулась от мужа, потянув на себя свой край одеяла.

’Т Хоофт придвинулся поближе и обнял ее.

– И еще, – через какое-то время уже спокойно сказала Магда. – Айгер хороший парень, но она и Айгер не пара.

– Ну начина-а-ается, – протянул Йен.

– Я надеюсь, ты оторвешь ему все, что там у вас полагается в таком случае!

– Магда, это ее личная жизнь.

– Я уже попросила тебя, чтобы ты не был идиотом. Видел бы ты свои глаза, когда я сказала, что она пообещала ему себя.

‘Т Хоофт еще раз вздохнул, поцеловал жену и покрепче прижал к себе.

– Спокойной ночи, – сказал он и закрыл глаза.

– Ну, – Айгер сидел в кресле, без стеснения разглядывал Тайру. – Я свою часть договора выполнил. Осталась твоя.

Тайра, оценив ситуацию и его намерения, которых он, впрочем, и не скрывал, молча кивнула. Он ждал пару секунд, но она так и не подняла взгляда.

Ван Хинкес выбрался из кресла и подошел вплотную к ней. Он стоял рядом, смотрел на нее с высоты своего роста и ощущал еле заметный запах ее туалетной воды. Он протянул руку к ее голове и аккуратно вытащил заколку. Волосы темными волнами упали ему в ладонь, он запустил в них руку, наслаждаясь их мягкостью и шелковым блеском, и расправил их по ее плечам. Тайра не пошевелилась.

Айгер тыльной стороной ладони коснулся ее щеки, спустился к шее, погладил ее обеими руками по плечам и привлек к себе. Он наклонил голову, зарылся носом в ее волосы и вдохнул ее запах.

Она была другая... Он не смог бы объяснить, чем она отличается от того множества женщин, которые были у него

до этого момента, но то, что она была некромантессой, не имело ровно никакого значения. Он слышал, как бьется ее сердце, но в его ударах не было ни страсти, ни страха, которые обычно испытывали все его женщины, когда он касался их в первый раз. Айгер расстегнул замок ее платья и спустил его с ее плеч, обнажая спину и зеленый с черным кружевом бюстгальтер. Он провел ладонью вдоль ее позвоночника: между ужасными шрамами, изуродовавшими ее тело, кожа была теплая и нежная, он гладил ее, прижимая Тайру к себе и медленно опуская руки ей на бедра. Он не мог поверить, что она не вырывается, не дерется, не пытается остановить ему сердце или сотворить еще какое-нибудь непотребство из своего некромантского арсенала. Айгер отодвинул бретельку ее бюстгальтера и поцеловал ее в плечо.

Тайра вздрогнула, и он почувствовал, что на секунду ее дыхание сбилось. Он поцеловал ее еще раз, и у него закружилась голова. Она пахла серединой лета, пряными прованскими травами и морским ветром. Она пахла его детством. Он закрыл глаза и почувствовал, что вместе с желанием его переполняет нежность.

– Айгер... – она шепотом позвала его. – Айгер...

– Что? – так же шепотом спросил он.

Она какое-то время молчала, а потом, тщательно подбирая слова, произнесла:

– Я не знаю и не умею ничего из того, что ты от меня хочешь.

Айгер резко открыл глаза и замер. Затем медленно отодвинулся от нее на полшага, убрал руку с ее талии и осторожно одним пальцем вернул бретельку на место. Он еще раз вдохнул ее запах и посмотрел ей в лицо.

– Не бойся, не обижу, – мрачно сказал он и отошел к окну.

Он вглядывался в ночную тьму, приходя в себя, до тех пор, пока наваждение не отпустило его, а потом повернулся к ней.

– Тебе сколько лет, Кхасса? – спросил он.

– Двадцать один скоро будет.

Пока он был к ней спиной, она успела натянуть платье обратно и теперь стояла, обхватив себя руками, словно ей было холодно, хотя щеки ее были пунцовыми.

– Да успокойся ты, – Айгер криво улыбнулся. – Нечего тут стыдиться. Береги себя и дальше.

– Было бы для кого, – тихо откликнулась Тайра.

Айгер почувствовал, как его постепенно накрывает ее печаль.

– Я бы очень хотел, чтобы моя девушка была только моей, – сказал он и, поняв, что слишком расчувствовался и что ненавидит весь этот проклятый магический мир, зло бросил Тайре в лицо: – Вот же достанется кому-то подарочек!

Тайра ничего не ответила.

– И далась тебе эта госпожа Магдалена! На такое ради нее соглашаться!

– Ты не поймешь.

Айгер подумал, что уж он-то не имеет права ее воспитывать и что он, должно быть, точно не поймет, зачем она согласилась на это, подошел к ней, вздохнул и уже спокойно сказал:

– Ладно, считай, Слово свое ты сдержала. Ничего ты мне больше не должна. Иди в свой заповедник.

Тайра помедлила секунды три, проверяя, правда ли Айгер ее отпускает, неслышно дошла до двери и потянулась к ручке.

– Подожди, – сказал Айгер, взял со стола ее заколку и подал ей. – На вот. Забыла.

Она протянула руку за заколкой, и он увидел, что в его ладони могли бы поместиться две ее.

– Давай провожу, – он снял с вешалки свою куртку и открыл дверь, пропуская ее вперед. – Пройдемся немного вместе, пока не успокоишься. Нечего по ночам по городу одной шляться.

– За город беспокоишься? – спросила Тайра, и по ее тону Айгер понял, что она начала приходить в себя.

– Конечно, за город, – рыкнул он. – А то от тебя, ведьма, оказывается, чего угодно можно ожидать.

Воскресенье выдалось солнечным и теплым. Идти Тайре было некуда, дел не предвиделось. После вчерашней прогулки с Айгером она долго не могла уснуть, вспоминая его теплые руки на своей спине, и проснулась рано, с первыми луча-

ми ишанкарского солнца. Тайра пыталась отвлечься от мыслей о желаниях, которые вызвал в ней его поцелуй, но вышло плохо: плечо все еще чувствовало прикосновение его губ и щеки пылали то ли от мыслей о том, что все могло закончиться совсем не прогулкой, то ли о том, что все случившееся между ней и Айгером мог видеть Змей. Тайра убрала в комнате, полила цветы, переделала все, что было возможно, а впереди все еще оставался целый ничем не занятый день.

Урюк цвел, как и весной, времена года проходили мимо него. Тайра сидела на скамейке и наблюдала за медленно облетающими лепестками. Очередной роман Джейн Остин, который вручила ей Гудрун, лежал рядом, Тайра так и не смогла в него заглянуть.

Йен подошел и сел рядом. Тайра попыталась подскочить и поприветствовать его, но он положил руку ей на плечо.

– Это лишнее, – мягко сказал он. – Рад тебя видеть.

– Правда рады? – спросила Тайра.

– Я соскучился по тебе, – признался Наставник, – хотя ты очень быстро отошла. Я думал, тебе понадобится больше времени.

– Змей сказал, я спала почти пятнадцать дней. А по словам Макса, меня не было неделю.

– Змей забрал тебя в одно из искажений, в тени. Сообщил об этом мне и Бергеру, чтобы мы не волновались. А еще он сказал, что ты была будто в коконе из единой тьмы. Он бо-

ялся к тебе приближаться. Наблюдал со стороны.

– Это единая тьма помогла мне быстрее восстановиться?

– Возможно. В монсальватских книгах про древних некромантов я такое встречал, но относил это к разряду неподтвержденных легенд. Единая тьма исцеляет только путем уничтожения чего-либо... Разве что она очистила твое тело от моей магии, забрав мой гнев и мою ненависть, которые я вложил в заклятье... Надо будет перечитать. И поблагодарить Змея не помешает, а то я был с ним слишком резок.

– Он ушел. Сказал, что далеко и вернется нескоро.

– Ушел и ничего не разрушил, надо же, – Йен осмотрелся. – Вы друг друга компенсируете.

– Что это значит?

– С тех пор как вы начали общаться, он больше не наносит урона Ишанкару. Будто установилось некое равновесие, как если бы давление выровнялось внутри и снаружи. Раньше он без необходимости не заходил за Второй Рубеж, а теперь может свободно гулять по Ишанкару. Замок перестал сыпаться при его появлениях.

– И почему же он так редко тут бывает?

– Не хочет ходить на Советы. Но это его тайна. Ты же не сдашь Змея аль-Малику или сэру Бергеру?

– Разумеется, не дам, – Тайра улыбнулась.

– Почему ты не пришла в Башню?

– Я приходила, но вас там не было, Башня была запечатана, я не стала снимать печать и ушла. Я хотела попросить

прощения.

– За что?

– Толком и не знаю, сэр. За все. Я вроде бы и сама жертва обстоятельств, но все равно чувствую себя виноватой. Я не хотела лезть в вашу семью, я помню про границы дозволенного, просто так получилось. Извините.

– И ты меня извини, – сказал маг. – Если кто и должен просить прощения, то это я. Толком тоже не знаю за что, но на душе у меня было беспокойно. Убивать собственную Ученицу я точно не собирался.

Йен взял в руки ее книгу, полистал и положил обратно на скамейку.

– Роман о любви? Это у тебя после ван Хинкеса?

– Это у меня после Гудрун, – усмехнулась Тайра. – Она все еще тешит надежду сделать из меня женщину.

’Т Хоофт помолчал какое-то время, не смог сформулировать нужного вопроса и спросил:

– А Айгер?

Тайра всегда была осмотрительной, особенно с парнями, и Йен был уверен, что такой глупости, о которой думала Магдалена, она не совершит, но на всякий случай, допуская ничтожную вероятность этой странной сделки, все же поинтересовался.

Тайра посмотрела на Наставника – госпожа Магдалена наверняка раскусила Айгера и поделилась соображениями с мужем – и снова усмехнулась:

– Да нужна я ему... Он потребитель услуг, а что с меня взять? «Пятилепестковый лотос» вы мне в руки брать запретили, поэтому мы разошлись друзьями.

Йен почувствовал облегчение. Он всегда знал, что иносказание – это искусство.

– Он мне не подходит, – уже серьезно сказала Тайра.

– В смысле «не подходит»? – уточнил маг.

– Не подходит как сексуальный партнер.

– И как ты это узнала, если вы разошлись... э-э... друзьями?

– Не знаю. Просто поняла, что живым он от меня не уйдет, если мы... ну... это... – Тайра смутилась и покраснела. – Мы несовместимы. Он слабый маг, он бы не выдержал, если бы я хоть немного раскрылась... Я читала об этом в книгах про Зулейху и Гвендолин, просто со мной раньше этого не случилось.

– А зачем же соглашалась на такую цену, если знала, что Айгер связи с тобой не переживет?

– Я вообще плохо понимала, на что соглашалась, сэр, тогда времени думать не было, а потом надеялась, что Айгер это просто так сказал, для красного словца, – попыталась оправдаться Тайра. – Думала, он меня на слабо берет... А оказалось, что он все это серьезно, но я и тогда не знала, что он мне не подходит, я это поняла позже, когда он ко мне прикоснулся.

– Прикоснулся? И как же он к тебе прикоснулся? – нахму-

рился маг.

Тайра осторожно взглянула на Наставника, но тот ждал ответа.

– Он меня поцеловал, – ожидая бури, все же призналась Тайра. – В плечо.

’Т Хоофт молчал.

– Вы его не убивайте, сэр, пожалуйста, – взмолилась Тайра, поняв, что Наставник так и не произнесет ни слова. – Он больше ничего не сделал. Он сразу все понял. Он и так чуть сознание не потерял от одного только поцелуя... Он хороший.

Йен помолчал еще немного, переваривая информацию, и наконец осознал, что все это время сидел, не двигаясь, как древнее изваяние. Тайра смотрела на него испуганными глазами, по его реакции делая вывод, что теперь Айгеру точно не жить, и не расплакалась только от страха.

– Не буду я его убивать, – сказал хет Хоофт. – Не за что его сейчас убивать. Но в будущем не знаю, как сложится.

Тайра с облегчением выдохнула, и Йен почувствовал, как воздух вокруг нее перестал звенеть от напряжения и пришел в свое обычное состояние. Лепестки урюка снова медленно полетели вниз.

– И все же, – спросил ’т Хоофт, – насчет подходящих партнеров... Я спрошу, можно? А то ж я умру от любопытства. Ты теперь всех мужчин оценить можешь на глаз или тебя для этого в плечо поцеловать надо?

Тайра покраснела еще больше.

– Не надо меня целовать, сэр. Я и так теперь вижу, что никто мне не подходит.

– Совсем никто? – удивился маг.

– Вы, Горан и Змей, – выпалила Тайра и тут же быстро добавила: – Про Змея не спрашивайте, понятия не имею, как это возможно.

– А Александр Дарнелл? – пошел ва-банк Йен, раз уж вышел такой разговор.

– Нет.

– А Морис?

– Насчет него не знаю, он же нежить. С вампирами я еще не поняла, как это чувствуется.

– Я, Горан и Змей? – переспросил 'т Хоофт, будто не слышал первый раз. – И все?

– Простите, сэр, вы сами спросили.

– Вот поэтому Сэл и прописал в Списке Б те параграфы, которые тебя так напугали, – вспомнив, что он Наставник, как можно более ровно произнес Йен. – Работать с посохом в руках можно лишь после раскрытия определенных каналов, а их некроманту без помощи противоположного пола не раскрыть. Секс и смерть – две неразделимые стороны бытия. Ты меня понимаешь, Кхасси?

Тайра кивнула.

– Некромантессе с ее силой сложно подобрать соответствующего партнера, так чтобы он после интимной связи

еще и жив остался. Теперь ты сама видишь, как все непросто. Можно, конечно, поступать как Зулейха: брать того мужчину, какого хочется, и не жалеть о его уходе. Это тоже Списком Б предусмотрено.

– Какой кошмар, – Тайра закрыла лицо руками, ей было крайне неловко говорить на такие темы.

– Список Б призван обеспечить твоё выживание. Иногда для этого требуются крайние меры. Ты поймешь, когда станешь взрослее. Но это не значит, что ты должна жить по Списку Б. Я вот по нему жить не хочу.

– Значит, – осторожно спросила Тайра, отняв руки от лица и на всякий случай чуть отодвинувшись в сторону, – вы не будете моим мужчиной?

– Ты в своем уме? – возмущенно поинтересовался 'т Хоофт.

– Вы мне про Список Б рассказываете, сэр! А в нем именно про это и написано! Если нет подходящего партнера, то Наставник может... должен... – Тайра так и не смогла это выговорить. – Да я боюсь этого до ужаса!

– Не бойся, – успокоил ее Йен. – Твоим мужчиной я не буду, потому что я твой Наставник, и только. А если вдруг у меня случится помутнение рассудка, а такое при дисбалансе возможно, разрешаю тебе засадить мне веретено в лоб. Я доступно объяснил?

– При дисбалансе? – переспросила Тайра.

– Ты поняла, что я тебе только что сказал, Тайра?

– Да, сэр. Веретено в лоб.

– Ну не в лоб, конечно, – уточнил хет Хоофт, – но смысл ты уяснила. А про дисбаланс я тебе позже расскажу, когда ты это переваришь.

– А Список Б? Когда дадите его прочесть?

– Не знаю. Пока не дам. Слишком ты впечатлительная насчет физических отношений.

Хет Хоофт возрился на гладь пруда и снова застыл, Тайра сидела с прямой спиной, сложив руки на коленях, как будто он только что ее отругал. Минуты тихо текли мимо.

– Вы никому не скажете, сэр? – набравшись смелости, спросила Тайра. – Про то, что я теперь умею определять, кто мне подходит, а кто нет?

– Нет, не скажу, – покачал головой маг. – Не беспокойся, это только между нами.

– Спасибо, сэр.

Йен посмотрел на нее и улыбнулся.

– Ну почему мне в Ученики досталась девушка? С парнем было бы гораздо проще обсуждать такие темы.

– С парнем все предсказуемо, а со мной сюрприз на сюрпризе.

– Не поспоришь, – ухмыльнулся 'т Хоофт.

Все-таки Наставник был замечательным!

– Я не знаю, как тебя благодарить за Магду, – сказал Йен, возвращаясь к первоначальному разговору.

– Никак. Это мой долг.

– Как ты оказалась в Дублине?

– Я там часто бываю. Там мороженое вкусное, – призналась Тайра.

– Тогда спрошу по-другому. Как ты оказалась там именно в этот момент?

– Я, вообще-то, в Лондон хотела, но ошиблась с порталом и попала в Дублин.

– И когда ты в последний раз ошибалась с порталом?

– Не помню, сэр, – Тайра задумалась. – Это просто случайность.

– В случайности я не верю, – напомнил 'т Хоофт. – Я спросил Магду, как она оказалась в том торговом центре, и она ответила, что ее проводил туда гостиничный портье, у которого закончилась смена и который был не против прогуляться с красивой женщиной, – Йен хмыкнул. – Она мне его показала. Он не похож на портье.

Йен дотронулся до Тайриного виска и спроецировал образ высокого стройного мужчины с собранными в хвост светлыми волосами. Глаза у него были уставшие, будто он и правда отработал ночную смену.

– Он больше на галериста похож, – сказала Тайра. – На кого-то из мира искусства.

– Вот поэтому они с Магдаленой и спелись, – 'т Хоофт снова хмыкнул. – Кофе пили, смеялись...

– Вы ревнуете? – Тайра улыбнулась.

– Разумеется. Но не до такой степени, чтобы все время

требовать у Магды отчетов о том, с кем она пьет кофе во время гастролей.

Тайра засмеялась. По той невозмутимости, с которой Наставник говорил о ревности, можно было сделать вывод, что он ревнует, да еще как.

– Я показал этого человека другому портье в гостинице, где в Дублине жила Магда, – продолжил хет Хоофт, – и он ответил, что этот мужчина никогда у них не работал. Но Магдалена видела его за стойкой рядом с еще одним портье, который в этой гостинице точно работает по сей день, однако и он Магдалениного провожатого тоже никогда не видел и не смог вспомнить, чтобы когда-нибудь работал с ним смену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.